

33
ПЧ8

А. К. Покрытан

Сод

**ИСТОРИЧЕСКОЕ
И ЛОГИЧЕСКОЕ
В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ТЕОРИИ
СОЦИАЛИЗМА**

СРОЧНОМУ
ТЕОРИИ
КОЛЛЕКЦИИ
СТОПНЕСКОЕ
СТОПНЕСКОЕ
СТОПНЕСКОЕ

W

33
748

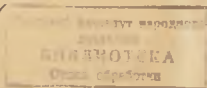
А. К. Покрытан

Сгу

ИСТОРИЧЕСКОЕ
И ЛОГИЧЕСКОЕ
В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ТЕОРИИ
СОЦИАЛИЗМА

Б 164258 ✓

МОСКВА «МЫСЛЬ» 1978

33.04

П48

РЕДАКЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

11 10701-099
004(01)-78

127-78

© Издательство «Мысль». 1978

ПРЕДИСЛОВИЕ

Экономическая теория марксизма-ленинизма служит надежным руководством для экономической политики Коммунистической партии и Советского правительства. В Стечном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии Л. И. Брежнев говорил: «...всю свою революционно-преобразующую деятельность, КПСС строит на прочном фундаменте марксистско-ленинской теории. Марксизм-ленинизм — это единственная надежная основа для разработки правильной стратегии и тактики»¹. Особая роль принадлежит экономической теории марксизма, которая является научной основой управления экономическим процессом.

В современных условиях требования, предъявляемые к экономической науке, повышаются, возрастает внимание к ее глубинным основам — вопросам методологии. Это обстоятельство вполне закономерно, так как именно от методологических основ науки зависит ее жизнеспособность, возможности разрешения выдвигаемых ходом хозяйственного строительства задач. Этим, на наш взгляд, объясняется активное обсуждение методологических проблем экономической теории социализма, которое ведется в специальной литературе.

За последнее время в области методологии политической экономии социализма достигнуты определенные результаты. Преодолены некоторые механистические трактовки экономических категорий, достигнуто единогласие по многим кардинальным проблемам экономической теории. Но было бы преждевременно считать, что дискуссии по методологии науки исчерпаны. Это говорит о специфическом противоречии, которое существует между объективным ходом развития экономики социализма и его теоретическим отображением в системе категорий политической экономии. Данное обстоятельство и побудило автора взяться за рассмотрение вопроса исторического и логического в экономической теории социализма.

¹ «Материалы XXV съезда КПСС». М., 1976, с. 72.

Работы не ограничиваются исследованием вышеуказанных категорий в их собственной определенности. Автор далек от мысли, что все противоречия, существующие в настоящий момент в политической экономике, могут быть решены разграничением и установлением связей между этими теоретическими категориями. Историческое и логическое в работе рассматриваются прежде всего со стороны своего объективного содержания, и лишь потом — как теоретические абстракции.

Любое развитие в органической природе осуществляется во времени и пространстве и имеет, таким образом, временную и пространственную характеристики. Человеческое общество не составляет в этом отношении исключения. Если предметом изучения являются закономерности его развития, то очевидно, что вышеуказанные аспекты так или иначе должны получить свое отражение в системе знаний. Главную задачу своего исследования К. Маркс видел в открытии экономического закона движения современного общества. В «Капитале», где анализируется этот закон, четко прослеживаются временная и пространственная характеристики развития капиталистического способа производства как его генезис и формирование структуры.

Общеизвестно, что исследование экономической структуры существенно отличается от исследования ее генезиса. Более того, при рассмотрении сформировавшихся экономических структур этот вопрос не стоит, так как их движение воспроизводит собственный генезис в снятом виде. Поэтому, как отмечал К. Маркс, «для того чтобы раскрыть законы буржуазной экономики, нет необходимости писать *действительную историю производственных отношений*»¹. Капитализм в период его анализа К. Марксом был вполне созревшим социальным образованием, т. е. системой, унифицировавшей все структурные элементы общественного производства.

Но совсем по-иному стоит этот вопрос применительно к социализму. Социализм не является отдельным способом производства, а представляет собой первую фазу коммунистического способа производства. Он отличается от зрелого коммунизма именно своей экономической структурой. В то же время развитие его структуры является генезисом коммунистического способа

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 449.

производства в целом. Поэтому здесь вопрос о соотношении генетического и структурного в исследовании приобретает определенную специфику, которую нельзя не учитывать при анализе экономических процессов. Настоящая работа ставит перед собой задачу в известной мере содействовать решению указанного вопроса

В ходе рассмотрения данной проблемы чаще всего обсуждается не предметный, а гиосеологический аспект исторического и логического. Это создает опасность отрыва исследований от реальных процессов коммунистического строительства и ухода в область формально-логических определений. В такой постановке вопросы методологии чрезмерно абстрагируются от предмета исследования — экономики развивающегося коммунистического способа производства. На XXV съезде КПСС подчеркивалось, что «задачи, стоящие перед нашей общественной наукой, могут быть решены лишь при условии самой тесной ее связи с жизнью. Схоластическое теоретизирование может лишь тормозить наше движение вперед»¹.

Реальное отображение проблема исторического и логического получает лишь через исследование генетического и структурного в развитии экономической системы социализма, на основе анализа тех процессов и явлений, которые непосредственно имеют место в действительности. Исходя из этого необходимо уяснить и сравнить с практикой всю систему категориальных определений политической экономии социализма, установить их реальное содержание и формы проявления.

Возникновение и развитие социализма — это сложный многосторонний процесс, результатом которого является создание вполне зрелого коммунистического общества. Изучая развитие экономической структуры социализма, политическая экономия не может не отражать свойственных ему специфических противоречий. Но именно поэтому экономическая теория и стоит перед рядом трудностей: с одной стороны, происходит формирование экономической структуры коммунистического способа производства, с другой — отсутствует категориальное определение его зрелой структуры. Это ведет к тому, что отражение развития экономической системы осуществляется не только через порожденные ею теорети-

¹ «Материалы XXV съезда КПСС», с. 73.

ческие абстракции, но и через категориальные определения предшествующей экономической структуры. Данное обстоятельство порождает своеобразное состояние в науке, когда новые экономические явления и процессы исследуются через их форму, а не через их реальную связь. Этим в определенной мере объясняются встречавшиеся в экономической литературе трактовки социализма как разновидности товарного производства и т. п.

Подобные явления в развитии экономической теории социализма нельзя устранить простым декларированием тех или иных положений. Они отражают присущее социализму противоречие между его новой развивающейся общесоциалистической сущностью и наличием старых экономических форм. Задача экономической науки состоит не в его устранении, так как, устранив его, она перестанет отражать объективное состояние своего предмета, а в реальном отображении этого противоречия как существующего и развивающегося с позиций определяющих тенденций его движения.

Указанные вопросы затрагиваются в политической экономии уже при оперировании такими понятиями, как производительные силы и производственные отношения, социалистический процесс производства, общественная форма социалистического продукта и т. д. Поэтому невозможно решать вопрос о соотношении исторического и логического, не рассматривая систему категорий политической экономии социализма в целом. В этом смысле может показаться, что содержание работы выходит за постановочные рамки. Но, как мы отмечали, объективное содержание категорий «историческое» и «логическое» образуют процессы самой действительности. Определяя структуру работы, автор стремился выделить отмеченный момент так, как он проявляется в самом развитии, — от всеобщей определенности социализма до его конкретной действительности.

В силу того что книга не представляет собой учебника и не претендует на подобную роль, не все вопросы получили в ней равномерное освещение. Так, например, рассматривая диалектику производительных сил и производственных отношений, автор исходил не только из того, что они генеральные категории для понимания экономического развития коммунистического способа производства, но и из необходимости детализации и уточне-

ния этих категорий именно в силу их предельной всеобщности. При освещении общественной формы социалистического процесса производства на первый план исследования выдвигалось именно соотношение генетического и структурного в их динамике и т. д.

Целесообразным представляется сделать несколько замечаний относительно главы IV книги. Может показаться необоснованным, что общеметодологические вопросы вынесены в заключение, а не предпосланы более конкретному материалу. Но, по нашему мнению, метод не может быть познан до изучения предмета в силу того, что именно последний предопределяет первый, а не наоборот. Поэтому, прежде чем говорить о законах отражения объективной действительности, нужно точно установить, каковы законы развития самой действительности. В противном случае динамичная структура социализма будет исследоваться исходя из общих законов формальной логики. Исследование социальных форм должно осуществляться в том же порядке, в котором следует их реальное развитие, и лишь после его завершения можно резюмировать всеобщие закономерности. Всем этим и продиктована структура книги.

ЕДИНСТВО ИСТОРИЧЕСКОГО И ЛОГИЧЕСКОГО — ОСНОВА НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

§ I. Историческое и логическое: содержание и характер связи

Потребность в дальнейшей разработке принципа единства исторического и логического настоятельно диктуется необходимостью более эффективного теоретического исследования экономических проблем развитого социализма. Обращение к вопросу о содержании единства исторического и логического обусловлено насущными потребностями теории и практики коммунистического строительства. Возникшая недавно полемика относительно соотношения исторического и логического в «Капитале» К. Маркса также свидетельствует о том, что эта проблема продолжает оставаться предметом обсуждения¹.

Одним из основополагающих принципов выработанного К. Марксом существенно нового метода познания социальной действительности является принцип единства исторического и логического. Каково же, собственно, содержание этого принципа?

Во многих случаях термин «историческое» трактуется в смысле, тождественном самой социальной действительности. «Известное положение, — читаем мы в одной из публикаций, — что логическое есть отражение исторического, представляет собой перифраз применительно к политической экономии общего материалистического положения о соотношении бытия и сознания, о первичности бытия и вторичности сознания, о том, что сознание отражает то, что существует в действительности»². Приведенное высказывание, которое существенно не отличается от многих других на этот счет, сразу же вызывает ряд вопросов.

Во-первых, почему положение о том, что отношение логического и исторического есть перифраз соотношения сознания и бытия, применительно именно к политической экономии? Разве любая другая область человеческих знаний не отражает бытия? Во-вторых, можно ли всякую форму бытия считать синонимом исторического? В-третьих, возможно ли всякое историческое трактовать как независимое от сознания? Ведь объектом познания может быть и история науки. В-четвертых, можно ли логическое отождествлять с познанием вообще? Ведь кроме логической формы познания существуют художественная, практическая, религиозная и другие формы отражения действительности. И наконец, если соотношение логического и исторического является лишь перифразом соотношения сознания и бытия, то каково же содержание принципа единства логического и исторического?

Эти и многие другие вопросы, которые возникают и могут возникнуть в данной связи, свидетельствуют о том, что вопрос о содержании принципа единства исторического и логического не такой простой, как это может казаться с первого взгляда. Мы, разумеется, не можем в полной мере осветить все аспекты, которые возникают в связи с выяснением содержания исторического и логического. Остановимся лишь на тех, которые имеют, по нашему мнению, принципиальное значение.

Политическая экономия в качестве особой области знаний возникла как теоретическое отражение экономических отношений буржуазного общества. Буржуазные экономисты, выражающие интересы тогда еще исторически прогрессивного класса — буржуазии, исходили из того, что капиталистический строй представляет собой наиболее соответствующую естественной природе человека форму общества. При таком понимании вопроса предмет экономической науки трактовался как нечто неизменное, раз и навсегда данное, равное самому себе. Иначе говоря, представителям буржуазной экономической науки был глубоко чужд взгляд на экономические формы капиталистического общества как на исторически возникшие и исторически преходящие.

Препращение политической экономии в историческую науку явилось одним из наиболее существенных моментов, характеризующих содержание революционного переворота, который был совершен К. Марксом в социоло-

¹ См. «Экономические науки», 1976, № 8, с. 18—32.

² О системе категорий и законах политической экономии, [сб.] М., 1973, с. 6—7.

гии вообще и в политической экономии и особенности. Речь идет прежде всего о том, что К. Маркс обосновал исторический характер самого предмета экономической науки, которая изучает возникающие и сменяющиеся друг друга системы производственных отношений, каждая из которых представляет особое образование с присущими только ей законами функционирования и развития. Считая главной задачей экономической теории исследование исторической специфики каждого данного типа производственных отношений, К. Маркс отнюдь не отрицал значения общих связей производства, присущих различным ступеням исторического процесса. Но выяснение общих определений должно быть подчинено этой задаче. «Политическая экономия, — писал К. Маркс, — имеет дело со специфическими общественными формами богатства, или, точнее, производства богатства. Вещество богатства, будь то субъективное, как труд, или объективное, как предметы, служащие для удовлетворения естественных или исторических потребностей, представляется сначала общим для всех эпох производства... То общее, что обычно говорится об этом, ограничивается абстракциями, которые представляли некоторую историческую цепность в эпоху первых опытов политической экономии, когда формы еще с большим трудом выщелушивались из вещественного содержания и с большим напряжением фиксировались как подлинный объект исследования. Позднее они становятся скучными общими местами, тем более противными, чем больше они выступают с претензией на научность»¹.

Эти положения приходится напоминать совсем не для того, чтобы засвидетельствовать уважение к истории. Они актуальны и в наше время. В среде экономистов-марксистов едва ли найдутся люди, отрицающие историческое содержание экономической теории К. Маркса. Тем не менее, когда речь идет об анализе конкретных явлений действительности, нередко приходится встречаться с отступлением от исторического подхода. Некоторые экономисты, например, утверждают, будто специфическая цель социалистического производства приближается или даже сливается с естественной целью производства. Другие полагают, что при определении критериев производительного и непроизводительного труда при социализме следует исходить не из специфич-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 366—367.

ки производственных отношений социализма, а из общих моментов производственного процесса общества. Апелляция к общим моментам нередко имеет место и при исследовании проблематики основного экономического закона социализма (трактовка потребностей, средств их осуществления и т. д.). Однако социализм представляет собой конкретно-историческую форму общества, а потому он должен исследоваться главным образом в аспекте того специфически исторического содержания, которое характеризует его как особый вид экономической структуры общества. Только в этом случае политическая экономия социализма может быть научной основой сознательного управления экономическим процессом.

Это требование применительно к отмеченным выше моментам означает, что нет и не может быть какой-либо внесторической цели производства, внесторически производительного труда и т. п. Рассуждения о естественной цели производства, общих моментах производственного процесса как критериях производительности по сути не выходят за рамки простого процесса труда и игнорируют качественную специфику его реализации в различных формах общества. Например, целью первобытнообщинного производства при всей простоте его отношений является отнюдь не производство потребительных стоимостей, а воспроизводство самой общины как основного условия жизнедеятельности индивидов. Производительным трудом в условиях капитализма является труд, производящий не потребительную стоимость, а прибавочную стоимость.

Итак, объект познания в политической экономии историчен не только в том смысле, что он обладает качественной определенностью социального объекта (как, например, труд, собственность, средства производства и т. д.), но главным образом в том смысле, что он социально специфичен, поскольку каждое данное его историческое состояние представляет собой такую структуру, которой присущи особые законы функционирования и развития. «Таким образом, — писал Ф. Энгельс, — политическая экономия по своему существу — историческая наука. Она имеет дело с историческим, т. е. постоянно изменяющимся материалом; она исследует прежде всего особые законы каждой отдельной ступени развития производства и обмена, и лишь в конце этого иссле-

дования она может установить немногие, совершенно общие законы, применимые к производству и обмену вообще»¹.

Политическая экономия как система теоретических знаний отражает особый объект познания, обусловленный каждым данным типом экономической структуры общества. Но дело не в том, что политическая экономия, как и всякая другая область знаний, отражает определенную сторону социальной действительности, а в специфически историческом характере объекта, в том, что он не просто исторический объект, а качественно особый, отличный от других, которые тоже являются предметом исторического познания.

Поскольку главным объектом анализа в политической экономии выступает исторически данный тип экономической структуры общества, его характерные черты и отличительные особенности, постольку решающая роль в политико-экономическом исследовании принадлежит рассмотрению элемента, который как раз и конституирует глубинную сущность этого типа отношений. Этот элемент, пользуясь образным выражением К. Маркса, составляет «тот особый эфир, который определяет удельный вес всего того, что в нем имеется»².

Поэтому логическое воспроизведение системы данных производственных отношений сводится в конечном счете к выяснению содержания основного отношения производства и всей той совокупности форм, которые обусловлены им и которые выступают в качестве его конкретных носителей. Только на основе исследования этого отношения данной системы оказывается возможным ее действительное понимание. Можно как угодно основательно и детально описывать различные стороны экономических отношений, но, если при этом не выясняется содержание основного отношения производства, т. е. не раскрывается глубинная основа данного типа экономической организации общества, все это имеет второстепенное значение. В «Теориях прибавочной стоимости» К. Маркс показал, что роль и место в истории экономической мысли той или иной школы всецело определяются тем, как близко она подошла к пониманию

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 151.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 43.

прибавочной стоимости — этой основной категории капиталистического способа производства.

Роль структурообразующего элемента в системе данных производственных отношений определяется тем, что он является наиболее прочным основанием этого типа отношений, определяющим его исторические границы.

Дело в том, что в ходе исторического развития данного способа производства многие его черты могут изменяться и действительно изменяются. Речь идет при этом не о каких-то десятистепенных чертах, а, например, о таких важных его характеристиках, как формы проявления основного производственного отношения, механизм функционирования, способы экономического регулирования, и других. Однако при всех этих изменениях основное отношение производства остается одним и тем же.

Переход от свободной конкуренции к монополии следует характеризовать как существенное изменение в системе производственных отношений капитализма. Тем не менее оно происходит в пределах одного и того же социального качества, которое определяется эксплуатацией наемного труда капиталом и которое образует историческую специфику данной системы производственных отношений.

Таким образом, если под историческим понимать определенную, объективно существующую систему производственных отношений данного общества, то логическое будет представлять собой его отражение в форме экономической теории. Таков в самом общем виде смысл единства логического и исторического. Весьма существенной его стороной является проблема адекватности теории объекту познания. Непосредственный вопрос, который возникает в этой связи, состоит в том, в какой мере последовательность процесса развития объекта познания детерминирует порядок категорий, с помощью которых происходит его отражение в теории.

Наиболее общая характеристика этой детерминации выражена Ф. Энгельсом. «С чего начинается история, — писал он, — с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный истори-

ческий процесс, причем каждый момент может рассматриваться в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости, своей классической формы. При этом методе мы исходим из первого и наиболее простого отношения, которое исторически, фактически находится перед нами, следовательно, в данном случае из первого экономического отношения, которое мы находим»¹. Речь идет в данном случае, разумеется, не об истории вообще, а об истории капиталистического способа производства. Логическая схема, которая определяется этой историей, существенно отличается от схемы, отражающей исторический процесс вообще и в частности историю буржуазных производственных отношений.

Если бы история капитализма рассматривалась в плоскости обычного исторического процесса, то надо было бы начинать с первоначального накопления капитала, в ходе которого непосредственно создавались предпосылки, необходимые для функционирования капиталистического производства, особенно такая решающая предпосылка капитализма, как освобождение непосредственного производителя от условий производства. Иначе говоря, историю буржуазных производственных отношений необходимо было бы начинать с аграрной революции. Но, как известно, логическая схема «Капитала» представляет собой нечто совершенно противоположное, поскольку первоначальное накопление капитала рассматривается здесь лишь в конце первого тома.

Последовательное теоретическое рассмотрение объекта познания, в данном случае экономических отношений капиталистического способа производства, предполагает такое его состояние, при котором необходимые для него предпосылки выступают не как продукт предшествующего исторического развития, а как результат функционирования самого капитала. «Условия и предпосылки становления, возникновения капитала предполагают как раз то, что капитал еще не существует, а только лишь *становится*; следовательно, они исчезают при действительном капитале, при том капитале, который, исходя из собственной действительности, сам полагает условия своего собственного осуществления»². Вопрос, следовательно, заключается в том, в какой мере то или иное

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 497.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 448.

явление имеет отношение к предыстории возникновения капитала или же к его функционированию в качестве сформировавшегося организма, т. е. воспроизводящего свои собственные условия и предпосылки. Можно привести еще одно замечание К. Маркса: «Эти предпосылки, которые первоначально выступали в качестве условий становления капитала и поэтому еще не могли вытекать из его деятельности как капитала, теперь являются результатами его собственного осуществления, *полагаемой им действительности*, являются *не условиями возникновения капитала, а результатами его бытия*. Для своего становления капитал больше не исходит из предпосылок, но он сам предпослан и, исходя из самого себя, сам создает предпосылки своего сохранения и роста. Поэтому условия, предшествовавшие созданию добавочного капитала I, или условия, выражающие становление капитала, не относятся к сфере того способа производства, предпосылкой которого является капитал, а пройдены капиталом как предварительные исторические этапы его становления...»¹

Стало быть, предпосылки капитала, которые предшествовали ему, и те предпосылки, которые выступают как продукт функционирования самого капитала, — это разные явления, поскольку первые относятся к предыстории капитала, тогда как вторые — к его действительному осуществлению, т. е. к его современной истории. Поэтому в теории капиталистического способа производства они должны занять совершенно разное место.

Теоретическое исследование отношений капиталистического производства не может не отражать его истории, т. е. объективного процесса развития этого способа производства. Но оно включает его действительную историю, его собственное развитие и изменение, которое выступает как процесс самодвижения данного социального вида. Это не есть история его предпосылок, которые создавались за пределами собственной истории капитала, предшествовали ей. Именно в этом смысле следует понимать замечание В. И. Ленина о том, что в «Капитале» содержится история капитализма и анализ понятий, резюмирующих ее².

Между тем некоторые экономисты несколько односто-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 448.

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 301.

ронне трактуют единство исторического и логического в исследовании К. Марксом капиталистического способа производства, настаивая, например, на том, что в первом отделе первого тома «Капитала» анализируется не современная история капиталистического производства, а предшествующие капитализму экономические формы, в частности простое товарное производство. В действительности объектом познания в «Капитале» выступают капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена, а не условия и предпосылки его становления. Между тем простое товарное производство — это форма производства, предшествующая капиталистической.

Простое товарное производство и обращение были условием возникновения и допотопных форм капитала, которые тоже предшествовали возникновению промышленного капитала и являлись одним из условий и предпосылок его становления. Если бы предметом анализа в первом отделе первого тома «Капитала» действительно являлись те формы производства и обращения, которые предшествовали капитализму, то это предполагало бы необходимость теоретического анализа и этих форм, тем более что они суть формы капитала, а не простого товарного производства и обращения. Между тем рассмотрение этих форм капитала вынесено К. Марксом за пределы первого тома «Капитала» вообще. Они рассмотрены в «Капитале» не под рубрикой условий и предпосылок возникновения промышленного капитала, а в качестве тех особых частей промышленного капитала, которые выполняют соответствующие функции, обусловленные его товарной и денежной формами.

Хотя простое товарное производство и обращение действительно предшествуют капитализму и образуют одно из весьма существенных условий его становления, тем не менее не они сами по себе являются предметом исследования в «Капитале». Здесь товар рассматривается как наиболее абстрактная форма буржуазного богатства, как экономическая клеточка капиталистического способа производства¹. Поэтому категория «товар»

¹ «Мы исходили из товара, — писал К. Маркс, — как наиболее общей категории буржуазного производства. Такой всеобщей категорией он становится лишь в результате изменения, которому под воздействием капитала подвергается сам способ производства» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47, с. 324).

есть начало теоретической системы политической экономии капитализма. «У Маркса в „Капитале“, — писал В. И. Ленин, — сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, *отношение* буржуазного (товарного) общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой „клеточке“ буржуазного общества) *все* противоречия (*respectively* зародыши *всех* противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (*и* рост *и* движение) этих противоречий и этого общества, в Σ^* его отдельных частей, от его начала до его конца»¹.

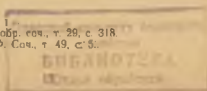
Обмен товаров как наиболее простое, типичное, массовидное, миллиарды раз повторяющееся явление, как зародыш всех противоречий, присущих всему социальному организму, характеризует только одно: экономическую систему капиталистического общества. К. Маркс исследует в первом отделе первого тома «Капитала» непосредственно капиталистическое производство, но это исследование ведется на наиболее абстрактном уровне, на уровне характеристики товарного производства вообще, так как оно образует генетическую специфику именно капиталистического способа производства. Отмечая это обстоятельство, К. Маркс подчеркивал, что «только на основе капиталистического производства товар действительно становится *всеобщей элементарной формой богатства*»². Поэтому «даже относящиеся к более ранним эпохам производства экономические категории приобретают на основе капиталистического способа производства специфически отличный, исторический характер»³. Иначе, собственно, и невозможно начинать исследование такого сложного экономического организма, каким является капиталистический способ производства. Однако из вышеуказанного отнюдь не следует, что простое товарное производство и товарное обращение, которые предшествовали капиталистическому, вообще не имеют никакого отношения к предмету исследования первого отдела первого тома «Капитала».

* — в сумме. Ред. 1.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 318.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 49, с. 5.

³ Там же, с. 4—5.

Б-164258

Возникнув в глубокой древности, товарное производство и товарное обращение олицетворяли совершенно новую форму экономической связи, резко контрастирующую условиям производства и формам богатства капиталистических способов производства. Они характеризовали отношения, которые знаменовали собой развитие вещественного богатства и вещной формы экономической связи в отличие от личной связи, характерной для добуржуазных структур общества. Эта экономическая форма являлась поэтому потенциальной носителем будущей капиталистической системы отношений производства, которая при определенных условиях стала приобретать всеобщность. Поэтому если говорить об истории предпосылок капиталистического способа производства, то обойти простое товарное производство и товарное обращение никак невозможно. Стало быть, это есть тоже история, но не история собственно капиталистического производства, а история его становления. Однако понять ее возможно лишь на основе собственной истории капиталистического способа производства, т. е. на базе анализа характерных особенностей капитализма как исторически особой экономической структуры общества. «Указание на *differentia specifica* * является здесь как логическим развитием темы, так и ключом к пониманию исторического развития»¹.

В этом смысле собственная история капитала выступает в качестве необходимой теоретической предпосылки понимания условий его возникновения, которые предшествовали капиталистическому способу производства. Мы приходим к выводу, что историческое, как оно представлено в логической схеме «Капитала», характеризует собственную историю капиталистического способа производства, т. е. развитие капитализма как уже сложившегося экономического строя, воспроизводящего условия и предпосылки своего становления².

* — специфическую отличительную черту. *Ред.*

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 180.

² Из сказанного, однако, отнюдь не следует, что в первом отделе первого тома «Капитала» товар исследуется не в его обшей форме, а как продукт капитала. Здесь товар исследуется как простейшая реальность капиталистического способа производства, как наиболее общее его свойство. Товар как продукт капитала уже не просто товар, а товарный капитал. Он не генетический, а непосредственно структурный компонент экономической системы капитализма.

То обстоятельство, что такие предпосылки капиталистического способа производства, как товарное производство и деньги, возникли значительно раньше капитализма, свидетельствует о том, что буржуазное общество является продуктом исторического развития, а потому оно поддерживает и воспроизводит необходимые условия своего существования. В то же время само капиталистическое производство характеризуется определенной исторической динамикой: развитием методов производства относительной прибавочной стоимости, ростом органического строения капитала, усилением процессов концентрации и централизации производства, изменением форм капиталистической собственности и т. д.

Эта историческая динамика находит отражение в соответствующих экономических категориях, являющихся теоретическими абстракциями реально существующих производственных отношений. Дело, однако, не только в этом. Более существенной стороной единства логического и исторического в экономическом учении К. Маркса является обоснование исторически ограниченного и исторически преходящего характера экономической структуры капитализма. «Если, с одной стороны, добуржуазные фазы являются *только лишь историческими*, т. е. уже устраненными предпосылками, то современные условия производства выступают как *устраняющие самих себя*, а потому — как такие условия производства, которые полагают *исторические предпосылки* для нового общественного строя». Таковы некоторые аспекты единства логического и исторического, если рассматривать их соотношение в рамках основного вопроса философии применительно к специфике предмета познания в политической экономии.

Эта плоскость соотношения единства логического и исторического далеко не исчерпывает проблемы в целом. Если установлено, что экономическая теория суть логическое отражение объективно существующей конкретно-исторической системы производственных отношений и что способ и закономерности данного отражения определяются природой самого объекта познания, то этим еще не решается вопрос о структуре самой теории, о том, как она может наиболее адекватно отразить объект познания. В политической экономии он характери-

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 449.

Зуется различными измерениями. Можно ли утверждать, что логический метод является средством отражения всех возможных сторон объекта познания? Иначе говоря, является ли логическая форма в политической экономике единственным методом отражения действительности, или же ее следует рассматривать лишь как одну из возможных?

В философской литературе справедливо подчеркивается положение о том, что термин «историческое» может иметь различные значения¹. Историческое может означать не только материальный процесс, который является объектом научного познания, но и метод познания социальной действительности. В этом случае историческое и логическое будут соотноситься между собой как различные методы научного познания. Стало быть, в зависимости от того, в каком смысле употребляется термин «историческое», изменяется и понятие содержания единства логического и исторического. В одном случае оно означает соответствие логических категорий их материальным объектам; в другом — соотношение различных методов научного познания, которые имеют дело с различными сторонами исследуемого объекта.

Иначе говоря, в первом случае историческое и логическое соотносятся еще в рамках основного вопроса философии, как синонимы материи и сознания, во втором же — речь идет о различии внутри самого познания, которое покоится на том, что и сам исследуемый объект — производственные отношения — обладает различными объективными свойствами. Они характеризуются определенной структурой и определенным генезисом.

Являясь двумя различными объективными определениями производственных отношений общества, структура и генезис в то же время детерминируют различные методы своего отражения в процессе научного познания — логический, с помощью которого происходит идеальное воспроизведение структуры производственных отношений, и исторический, объектом которого выступает генезис производственных отношений. Соотношение этих методов в научном познании определяется соотношением генетических и структурных связей, присущих самому

¹ См. Добрилов В. С. Методологические проблемы теоретического и исторического познания. М., 1968, с. 167, 168.

объекту познания, в данном случае системе производственных отношений¹.

Единство генезиса и структуры определяется тем, что они суть характеристики одного и того же объекта познания. Поэтому они предполагают друг друга. В то же время это разнокачественные характеристики объекта, поскольку структура характеризует его со стороны устойчивости, тогда как генезис, напротив, определяет его со стороны подвижности, изменчивости. Структура выступает как застывший, т. е. фиксированный временем, генезис, тогда как генезис представляет собой становящуюся структуру. В этом смысле они представляют противоположности, исключающие друг друга. Стало быть, генетические и структурные связи производственных отношений суть моменты диалектического тождества. В процессе научного исследования это находит свое выражение в том, что нельзя изучить структуру экономической системы общества, совершенно не учитывая ее генезиса, и, наоборот, исследование генезиса возможно лишь на основе знания ее структуры. Так, изучение генезиса производственных отношений социализма предполагает знание экономической структуры развитого социалистического общества. С другой стороны, обстоятельное исследование структуры производственных отношений социализма не может быть обеспечено вне рассмотрения генетических связей.

Генезис и структура экономических отношений есть противоположности, но это диалектические противоположности. Лишь в пределах данной системы отношений они выступают в качестве фиксированных различий. Однако если рассматривать структуру указанной экономической системы в плане общенсторической связи, то различие структурных и генетических связей оказывается относительным и подвижным, так как в пределах данной структуры происходит формирование элементов будущей системы экономических отношений. Выходит, таким образом, что структура одной системы выступает

¹ Вопрос об общности и различиях теоретического и исторического способов познания подробно исследован в работе Б. А. Грушина «Очерки логики исторического исследования» (М., 1961, с. 170, 174, 177) и др., поэтому мы не будем останавливаться на этом вопросе более подробно и ограничимся лишь напоминанием тех моментов, которые имеют непосредственное отношение к рассматриваемой здесь проблеме.

как процесс образования предпосылок перехода к другой системе, т. е. как момент ее генезиса. Эта относительность генетических и структурных характеристик является объективным основанием относительности различий исторической и логической форм научного познания экономических процессов. И тем не менее указанные методы познания различны постольку, поскольку структура производственных отношений отличается от генезиса.

Когда исследуется генезис производственных отношений общества, тогда на первый план выдвигаются закономерности становления системы, которые могут быть раскрыты на основе определения временной последовательности в процессе формирования компонентов данной системы отношений. По-иному обстоит дело, когда речь идет об исследовании структуры производственных отношений исторически определенного общества. В этом случае членение предмета познания осуществляется на основе выделения главного структурообразующего компонента данной системы отношений, поскольку именно он играет доминирующую роль по отношению ко всем остальным компонентам системы, определяя не только их специфически исторические черты, но и взаимное расположение по отношению друг к другу.

Выдающимся теоретическим произведением, в котором наиболее полно и последовательно реализован логический метод исследования производственных отношений, является «Капитал», поскольку здесь главным объектом исследования выступает структура производственных отношений капиталистического способа производства. Это обстоятельство определяет и его логическое строение. Все экономические формы капиталистического производства рассмотрены под углом зрения структурообразующей связи системы производственных отношений — производства прибавочной стоимости. Те из экономических форм, которые образуют общие условия существования капитала, а потому и производства прибавочной стоимости, рассмотрены раньше непосредственного процесса ее создания (товарное производство, процесс обмена, деньги).

Другие же экономические формы, которые хотя исторически и предшествовали промышленному капиталу, но не образуют его общих основ и по существу видоизменялись в результате развития капиталистического спосо-

ба производства, рассмотрены позже, и притом не на уровне сущностной характеристики промышленного капитала, т. е. процесса производства прибавочной стоимости, а на уровне тех форм капитала, в которых он выступает в непосредственно воспринимаемой действительности (торговый капитал, ссудный капитал). Такой порядок исследования объясняется тем, что производство прибавочной стоимости как наиболее сущностная связь капиталистического способа производства не может быть понято до анализа товарного производства и товарного обращения. Напротив, формы торгового и ссудного капитала не представляют собой простых аналогов их допотопных предшественников; они суть продукты промышленного капитала, а потому могут быть поняты лишь на основе производства и обращения прибавочной стоимости.

Следовательно, в одном случае логическая последовательность соответствует последовательности исторического процесса, в другом — порядок их логического рассмотрения противоположен этой последовательности. Но такое отступление отнюдь не равнозначно нарушению принципа историзма, поскольку последний не только существенно отличается от хронологической последовательности, но и в ряде важных пунктов противоположен ей. Хронологическая последовательность далеко не всегда соответствует внутренней истории объекта познания. В «Капитале» доминирующее значение принадлежит исследованию структуры производственных отношений, а не их генезису. Генетические связи подчинены здесь структурным. Следует здесь же отметить, что даже если бы в «Капитале» исследовалась не структура производственных отношений капитализма, а непосредственно их генезис, то и в этом случае едва ли можно было бы ожидать совпадения порядка рассмотрения категорий с хронологической последовательностью их появления. Генезис социальных форм отличается от эмпирической истории прежде всего тем, что здесь решающая роль принадлежит не просто временной, а внутренней причинно-следственной связи событий. А эти связи расположены отнюдь не в порядке хронологической последовательности. Раскрыть генезис тех или иных социальных форм — значит выяснить, как возникла, сформировалась данная форма, каковы тенденции ее развития. Но решение этой задачи возможно не столько на осно-

ве чисто исторического метода познания, сколько на основе использования логического метода.

Таким образом, проблема генезиса оказывается внутренне связанной с проблемой структуры. Исследуя структуру развитой экономической системы буржуазного общества, К. Маркс смог решить и проблему ее генезиса. Значит, при исследовании генезиса системы производственных отношений последовательность рассмотрения не может непосредственно совпадать с эмпирической историей. Это тем более невозможно тогда, когда объектом анализа является структура развитого объекта. «Таким образом, — пишет К. Маркс, — было бы неосуществимым и ошибочным трактовать экономические категории в той последовательности, в которой они исторически играли решающую роль. Наоборот, их последовательность определяется тем отношением, в котором они находятся друг к другу в современном буржуазном обществе...»¹

Однако вопрос о том, какая сторона объекта познания выступает в качестве непосредственного предмета исследования, не является результатом свободного выбора. Это всецело зависит от того, в каком состоянии находится сам объект. Логический анализ предполагает такую ступень зрелости процесса формирования объекта, на которой последний достигает состояния целостности, т. е. когда процесс его генезиса уже в основном завершен. Однако в ряде случаев возникает необходимость исследовать и объекты, которые находятся в процессе формирования и становление которых еще далеко не завершено. Последние характеризуются сочетанием различных социально-экономических укладов или же наличием вполне сформировавшихся материальных предпосылок перехода к новому способу производства. Существуют и другие разновидности формирующихся структур, рассмотрение которых не входит в задачу настоящей работы. Но в какой бы форме они ни существовали, их теоретический анализ всегда представляет значительные трудности.

Одна из наиболее характерных исторических иллюстраций такой структуры — пореформенная экономика России, теоретическое исследование которой вызвало к жизни значительную литературу.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 44.

В 60-х и 70-х годах XIX в. реальной альтернативой развития страны по капиталистическому пути являлась возможность использования в качестве исходного момента социального преобразования страны поземельной общины — этой архаической социальной формы, являющейся, хотя и значительно видоизмененным, обломком общинного строя. Основоположники научного социализма не исключали возможности социалистических преобразований в России на основе использования такой формы общественных отношений. При этом К. Маркс и Ф. Энгельс оговаривали ряд условий, при которых данный вариант социального развития мог бы стать реальным. Однако в пореформенный период налицо был и другой фактор, который определял тенденцию социально-экономической эволюции страны, — развивающееся товарное производство. В силу ряда обстоятельств, и в частности в результате реально сложившегося соотношения классовых сил, этот элемент оказался решающим.

В настоящее время аналогичные ситуации возникают в тех освободившихся странах, которые встали на путь самостоятельного экономического развития. Однако обстановка в мире после второй мировой войны принципиально отличается от той, которая сложилась в России более ста лет тому назад. Теперь существуют реальные силы, которые способны обеспечить некапиталистический путь развития освободившихся стран.

Одной из наиболее сложных проблем при исследовании экономически становящихся структур является выявление господствующего элемента, т. е. такого экономического отношения, которому принадлежит определяющая роль во всей системе отношений и которое поэтому детерминирует магистральную тенденцию общественно-экономической эволюции. Сложность решения этой проблемы состоит в том, что в системе формирующихся отношений господствующий элемент выражен крайне слабо, поскольку он не играет определяющей роли по своему фактическому положению в существующей системе, а выступает как носитель тенденции развития. Известно, как много сил потребовалось русской социал-демократии для того, чтобы определить основное направление общественно-экономического развития страны в конце прошлого века и указать на те социальные силы, которые способны осуществить коренные социально-экономические преобразования.

Особым сочетанием генетических и структурных связей характеризуется социализм — первая фаза коммунистического способа производства. Поскольку вопрос этот будет предметом специального рассмотрения в последующих разделах работы, мы остановимся на нем лишь в самой общей форме.

Система социалистических производственных отношений есть исторически первая фаза зрелости экономической структуры коммунистического способа производства. Именно в ее пределах происходит формирование отношений собственно коммунистического общества. Признание социализма как первой фазы коммунистического способа производства — отнюдь не формальный, а глубоко содержательный момент при исследовании системы производственных отношений социализма. Оно выступает в качестве основополагающего принципа теоретического анализа экономической структуры социалистического общества. Какие же конкретные требования это положение предъявляет к теоретическому анализу?

Во-первых, оно обязывает исследовать социализм и коммунизм как один и тот же тип производственных отношений, который характеризуется одной и той же генетической и одними и теми же структурными основами. Во-вторых, это обязывает признавать действие общей для всей коммунистической формации системы экономических законов, которые своим объективным содержанием выражают одну и ту же глубинную сущность, имманентную коммунистическому типу экономической структуры общества. В-третьих, признание социализма как первой фазы коммунистического способа производства предполагает необходимость исследовать процесс формирования коммунистических отношений производства как внутренний момент развития самого социализма, который совершается на всех его этапах. Наконец, признание социализма как первой фазы коммунистического способа производства не только не исключает необходимости исследовать его специфические черты и особенности, а, напротив, предполагает такое исследование. Но оно должно исходить из того, что речь идет не о самостоятельном способе производства, а о первой фазе процесса формирования коммунистического общества.

Указанные требования вытекают из особого сочетания генетических и структурных связей, присущего экономическим отношениям социализма. Хотя социализм

представляет собой первую, низшую фазу коммунизма, т. е. неполный, не вполне сложившийся коммунизм, тем не менее он обладает своей специфической структурой, которая может быть объектом теоретического анализа. И если ее нельзя исследовать как структуру самостоятельного способа производства, то это совсем не означает, что она не может быть объектом научного исследования вообще.

Разновидности ревизионизма, отрицающие общие закономерности перехода от капитализма к социализму, общие признаки, присущие социалистической фазе коммунистического способа производства, основываются на отрицании специфической структуры социализма, на представлении о нем как об аморфном, структурно не оформленном образовании, которое допускает множественность национальных моделей.

Марксистская теория социализма не отрицает национальной специфики, но она исходит из признания общих закономерностей перехода к социализму, общеобязательных черт и признаков, присущих экономическим отношениям социалистической фазы развития. С другой стороны, экономическую систему социализма следует рассматривать как момент генезиса, как процесс формирования производственных отношений коммунистического общества. Отрицание генетической природы экономических форм социалистического производства совершенно независимо от субъективных намерений ведет к тому, что социализм трактуется как самостоятельный способ производства, поскольку присущие социализму экономические отношения неизбежно рассматриваются в этом случае в отрыве от экономической системы коммунистического способа производства как целого.

Понимание экономической системы социализма как фазы формирования коммунизма является наиболее общей методологической предпосылкой ее научного анализа, которая обязывает рассматривать сущность экономических форм социалистического производства не как состояние, а как процесс становления коммунистических производственных отношений. В этом процессе общекоммунистическая сущность, которая так или иначе присуща обоим фазам коммунистического способа производства и которая определяет основную тенденцию исторического развития экономических отношений социализма, постепенно освобождается от элементов, унаследованных

от прошлого, а потому сбрасывает и те специфические формы, которые присущи ей при социализме.

Поэтому если, с одной стороны, нельзя понять ни одной из экономических форм социалистического производства вне общекommунистической сущности, которая определяет их значение и их историческую судьбу в процессе формирования экономической системы коммунистического общества, то, с другой стороны, нельзя установить степень зрелости самой этой сущности вне рассмотрения тех особых форм, в которых она реально существует при социализме.

В этом, по нашему мнению, должен найти реализацию принцип единства исторического и логического применительно к исследованию социалистических производственных отношений как формирующейся системы коммунистического способа производства. Такое понимание имеет не только методологическое, но и глубоко содержательное значение. В данном случае речь идет не просто о целесообразности применения тех или иных приемов теоретического анализа, а о том, что только на основе такого понимания возможно исследовать закономерности коммунистического строительства и эффективно использовать их в хозяйственной практике. Это имеет, в частности, кардинальное значение при определении соотношения законов функционирования экономической системы социализма и законов перерастания социализма в коммунизм.

Законы функционирования социалистических производственных отношений не могут не быть в то же время и законами развития, перерастания социализма в коммунизм. Неправильным, по нашему мнению, является утверждение, согласно которому непосредственное перерастание социализма в коммунизм будто бы предполагает особый период, который наступит после того, как социализм полностью исчерпает свои возможности. При таком понимании экономические отношения социализма по существу отрываются от коммунистической формации. Положение о том, что законы функционирования производственных отношений социализма отличны от законов его перерастания в коммунистическое общество, высказанное в общей форме, непринемлемо именно потому, что оно содержит в себе реальную возможность трактовки социализма как самостоятельного способа производства.

Наряду с этим не все отношения, которые представлены в системе социалистического производства, являются и по содержанию, и по форме непосредственными носителями общекommунистических начал. Если бы законы функционирования производственных отношений социализма были полностью идентичны законам перерастания социализма в коммунизм, то они ничем не отличались бы от законов высшей фазы коммунизма. Но в этом случае различие между социализмом и коммунизмом ни теоретически, ни практически не имело бы сколько-нибудь существенного значения. Таким образом, законы функционирования социализма суть законы перехода от социализма к коммунизму и в то же время отличны от них. Это, несомненно, противоречие, но оно присуще самой действительности, поскольку последняя представляет собой формирующееся образование. Теоретически исследовать конкретные формы движения этого противоречия — одна из центральных задач экономической теории социализма, поскольку это имеет решающее значение в процессе использования экономических законов социализма в управлении хозяйственным строительством.

Так как структура производственных отношений социализма одновременно выступает и как момент генезиса экономической системы коммунистического общества, то и метод политической экономии социализма должен представлять единство логического и исторического методов. В той мере, в какой возникает задача исследования системы производственных отношений социализма как исторически определенного, структурно оформленного образования, анализ закономерностей ее функционирования должен осуществляться по преимуществу на основе применения логического метода. Вместе с тем, поскольку эта система выступает одновременно как фаза коммунистического способа производства, постольку должен применяться исторический метод.

Стало быть, специфическое соотношение логического и исторического методов познания при исследовании экономической системы социализма определяется особенностями самого объекта познания. Но это состояние не есть нечто застывшее и неподвижное. По мере перерастания экономической структуры социализма в систему экономических отношений коммунистического общества соотношение логической и исторической форм поз-

нения изменится в пользу первой, так как на передний план будет объективно выдвигаться задача исследования закономерностей структурного характера. Следовательно, значение исторического метода в политической экономии социализма определяется ролью и значением генетических факторов, а потому оно находится в обратном отношении к степени зрелости коммунистического способа производства. Необходимо, кроме того, иметь в виду и другую весьма существенную сторону дела. Проблема генезиса коммунистических производственных отношений органически связана с проблемой структуры производственных отношений социализма, поскольку первые вырастают из вторых. Это означает, что вне анализа структуры социалистического производства невозможно решить задачу познания закономерностей формирования коммунистических производственных отношений.

Отмеченная особенность в соотношении логической и исторической форм познания в политической экономии социализма имеет принципиальное значение. Оно состоит в том, чтобы при исследовании экономической системы социализма основное внимание уделялось той стороне процесса их развития, которая отражает тенденции перехода от социализма к коммунизму, поскольку именно им принадлежит господствующая роль. Это действительно требует изучения и обобщения новых фактов хозяйственного развития, характеризующих действительную реализацию закономерностей формирования экономических отношений коммунистического общества.

Сочетание логической и исторической форм познания в политической экономии социализма делает актуальной проблему периодизации процесса коммунистического обобществления производства на основе определения ступеней зрелости. Постановка этой задачи с самого начала предполагает решение вопроса об определении исходного пункта развития коммунистического способа производства. Исследование этих и многих других проблем, обусловленных генетической природой производственных отношений социализма, едва ли может быть плодотворным вне анализа структурных связей, присущих этой системе отношений, на основе членения их соответственно внутренней логике формирования коммунистического способа производства. Только таким образом возможно реализовать единство логической и исторической форм познания, обусловленное объективной приро-

дой производственных отношений социализма, т. е. по существу вести исследование с позиций конкретного историзма. Разумеется, при этом не следует впадать в односторонность и рассматривать принципы единства исторического и логического в форме единства исторической и логической форм познания. Эта проблема гораздо шире.

Поскольку термин «историческое» может иметь различные значения, постольку вопрос о единстве логического и исторического не может решаться, как уже отмечалось выше, однозначно. Логическое может соотноситься с историческим прежде всего в рамках основного вопроса философии. В этом случае проблема единства логического с историческим характеризует отношение логики исследования объекта познания к его действительному процессу развития. В нашем случае таким объектом познания выступает экономическая структура общества, а ее теоретическим отражением является экономическая наука. Вопрос о совпадении логического и исторического поэтому сводится к отражению в категориях экономической науки последовательности становления и развития системы экономических отношений. Поскольку речь идет о воспроизведении структурных связей определенного типа экономической системы, постольку последовательность категорий науки не может и не обязана повторять последовательности исторического процесса в том виде, как он обнаруживается в эмпирической истории.

Теоретическое воспроизведение экономической системы обязано выразить внутреннюю логику ее функционирования и развития, которая, как правило, не совпадает с непосредственно исторической последовательностью. Речь идет, следовательно, о том, что наука ставит своей задачей вскрыть закономерности, внутренние зависимости исторического процесса, которые не совпадают и не могут совпадать с их хронологической последовательностью. Здесь логическое едино с историческим по существу. Именно в этом смысле категориальная логика экономической науки совпадает с логикой развития данной экономической системы, логика «Капитала» совпадает с внутренней логикой становления и развития капиталистического способа производства. Разве можно, например, отрицать, что такие ряды последовательности, как товар — деньги — капитал, абсолютная — относительная прибавочная стоимость, простая капиталистическая

кооперация — мануфактура — машинное производство, не отражают исторической последовательности реального процесса развития капитализма как определенной системы производственных отношений?

По нашему мнению, никаких убедительных аргументов для отрицания совпадения логического и исторического привести невозможно. Поэтому мы не можем согласиться с утверждением отдельных философов, которые пытаются приписать К. Марксу стремление везде и всюду показать несовпадение категориальной логики с логикой реального исторического процесса. Так, в одной из публикаций, посвященной исследованию проблемы принципа историзма, мы находим следующее утверждение: «В противоположность Гегелю, у которого логический метод «восхождения» основан на сознательном и последовательном проведении принципа тождества исторического и логического, т. е. тождества бытия и мышления вообще, в противоположность буржуазной классической политической экономии, которая неосознанно исходила из того же идеалистического принципа и, следовательно, применяла логическую идеализацию не как прием исследования, но тоже претендовала на совпадение логического развития своих категорий с реально-историческим развитием вообще, — в противоположность всему этому К. Маркс всюду и настойчиво стремится показать несовпадение категориальной логики политической экономии с «логикой» реально-исторического процесса»¹.

О каком реальном историческом процессе идет речь? О реальном историческом процессе развития экономической системы капитализма? Если иметь в виду реальный исторический процесс вообще, то естественно, что логика политической экономии капитализма, как она представлена в «Капитале», никогда и не претендовала на совпадение с логикой исторического процесса вообще, поскольку она есть способ научного выражения структуры лишь капиталистической формы общественной организации производства. Кроме того, эта категориальная логика отражает именно структуру, а только потом уже и генезис этой исторической ступени общества. Никакая категориальная логика, отражающая какую-либо одну

общественную организацию, не может совпасть с логикой реального исторического процесса, рассматриваемого во всемирно-историческом плане. Она может в лучшем случае совпасть с историческим процессом становления и развития данной формы общества.

Если же иметь в виду не исторический процесс вообще, а процесс становления и развития капиталистического общества, то категориальная логика политической экономии, созданная К. Марксом, в общем и целом, несомненно, совпадает с реально-историческим процессом. Стало быть, вопрос заключается в том, как именно понимать реальный исторический процесс, поскольку мы его соотносим с категориальной логикой политической экономии. Необходимо, кроме того, иметь в виду и другую сторону вопроса: не все то, что предшествует или сопутствует развитию капитализма, имеет прямое отношение к его истории, хотя оно несомненно входит в реальный исторический процесс. Прежде чем говорить о совпадении или несовпадении логики исследования экономической системы капитализма с реальным историческим процессом, надо решить вопрос о том, какие процессы и факты имеют вообще отношение к капитализму. А для этого необходимо знать, что представляет собой капитализм со стороны его экономической организации. Но эту задачу как раз и решает категориальная логика политической экономии. И только на ее основе оказывается возможным вообще ставить вопрос об исследовании генезиса капиталистического общества. Выходит, что являясь структурой (категориальной логики) выступает как решающее условие исследования реального исторического процесса ее становления.

При таком понимании категориальная логика политической экономии несомненно совпадает с реальным историческим процессом развития капитализма. И именно это доказал К. Маркс в «Капитале». Речь идет, естественно, не о непосредственном совпадении, а о совпадении по существу, по результату, по магистральным тенденциям развития. «Капитал» К. Маркса дал возможность впервые по-научному подойти к истории капитализма и к истории вообще. Категориальная логика «Капитала» стала поэтому главным арсеналом средств и методов исследования исторического процесса.

Правда, в этой связи возникает и другой вопрос: что, собственно, выражает категориальная логика политиче-

¹ «Принцип историзма в познании социальных явлений» [сб.], М., 1972, с. 141—142.

ской экономики? Разве она не есть логическая форма отражения реального исторического процесса развития системы материальных отношений капитализма? Дело ведь совсем не в том, в какой последовательности развертываются категории политической экономики и тождественна ли она последовательности их возникновения в эмпирическом историческом процессе. Суть дела имплицитно в том, что последовательность выведения категорий характеризует основные исторические вехи становления, развития капиталистического производства и подготавливания условий перехода к более высокой общественной форме производства. «Исследование производственных отношений давного, — писал В. И. Ленин, — исторически определенного, общества в их возникновении, развитии и упадке — таково содержание экономического учения Маркса»¹.

Следовательно, категориальная логика «Капитала» совпадает с реальным историческим процессом прежде всего в том смысле, что она суть мысленное отражение объективного исторического процесса возникновения, функционирования и развития капитализма, взятого в его необходимой, закономерной форме, фиксирующей основную тенденцию исторического развития. Именно в этом отношении логический метод политической экономики совпадает с методом исторического материализма, тождествен последнему. Это, однако, не означает, что логический метод в политической экономике может претендовать на объяснение всего исторического процесса, поскольку в нем действуют не только экономические, но и политические, идеологические и иные факторы, видоизменяющие и усложняющие историческое развитие. Хотя экономическим факторам принадлежит решающая роль, но эта их роль обнаруживается лишь в конечном счете, через множество опосредований.

Дело, однако, не только в этом. Условием успешного применения логического метода является наличие вполне зрелой, вполне сложившейся экономической системы общества, структурно представляющей целостное организменное образование, элементы которого суть продукты его функционирования. В нем или наизбыток преодолены остатки прошлого, в пределах которого происходило формирование данной системы, или эти остатки настоль-

ко преобразованы, что они стали компонентами совершенно новой системы. В этом случае оказывается возможным отразить в логической форме, т. е. в форме системы понятий, категорий, законов, структуру данной системы как нечто целостное, как самостоятельный организм, функционирующий на основе только ему присущих закономерностей.

Применение логического метода выступает как решающее средство определения исторической специфики экономической системы, т. е. тех специфических признаков, которые характеризуют ее как конкретное историческое образование.

Все вышеуказанное отнюдь не означает, что даже при анализе зрелой экономической системы отношений возможен какой-то стереотипный характер применения логического метода. Поэтому еще в меньшей мере возможно выделить какие-то вневременные формы единства исторического и логического. Выше мы рассматривали этот вопрос в основном со стороны его категориальной определенности, т. е. со стороны экономических форм явлений. В реальной же действительности процесс развития эмпирической истории детерминирован конкретно-специфическим образом. Мы уже неоднократно обращали внимание на то, что историческое прежде всего есть специфически социальное. Поэтому совпадение категориальной логики исследования исторического процесса с эмпирической историей в конечном счете обеспечивается тем, что исследование ведется с позиций конкретного историзма, фиксирующего формационный срез общественного развития. Но в связи с этим все раскрытые выше положения требуют определенного развития именно в этом направлении.

Развитие общественных формаций имеет своей внутренней основой диалектику производительных сил и производственных отношений, которая всегда специфична. Поэтому применительно к отражению внутриформационного развития вопрос о единстве исторического и логического полагает в качестве своего сущностного момента форму этого процесса. Вне ее рассмотрения невозможно раскрыть единство исторического и логического в процессе воспроизведения конкретной формы общества.

Мы рассмотрели некоторые аспекты содержания единства исторического и логического как принципа на-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 60.

учного воспроизведения действительности. Однако в своей общей определенности они не могут исчерпать всей проблемы в целом, поскольку при этом не анализируется содержание детерминирующего механизма самого исторического процесса. Этот последний определяется материальным производством. В свою очередь развитие материального производства исходит из взаимодействия его основных компонентов — производительных сил и производственных отношений, которое всегда носит конкретно-исторический характер.

Поэтому главным условием единства исторического и логического в познании социальных явлений выступает понимание внутренних закономерностей исторического процесса, т. е. диалектики материального производства, определяемой взаимодействием производительных сил и производственных отношений. Этот процесс образует внутреннюю логику эмпирической истории, а потому и детерминирует его теоретическое отображение.

§ 2. Диалектика производительных сил и производственных отношений

В предисловии «К критике политической экономии» К. Маркс, резюмируя результаты исследования закономерностей исторического процесса, сформулировал закон, согласно которому развитие производительных сил является определяющим фактором движения общественного производства. Это открытие К. Маркса явилось одним из основополагающих положений материалистического понимания истории развития человеческого общества.

В современных условиях необходимо дальнейшее осмысление диалектики общественного производства, как она обнаруживается во взаимодействии производительных сил и производственных отношений.

В наши дни эволюция новых общественных явлений позволяет глубже понять сущность данной проблемы. Это особенно актуально в век бурных социальных потрясений, обусловленных переходом от капитализма к социализму и коммунизму, который приобрел характер всемирно-исторического процесса, определяющего основное содержание современной эпохи. Это важно еще и

потому, что такой переход происходит в условиях разрывающейся научно-технической революции, знаменующей собой возникновение принципиально новых производственных возможностей и соответствующих им форм общественной организации производства.

Указанные процессы, определяющие облик XX в., являются подтверждением положений марксизма-ленинизма и в то же время настоятельно требуют их дальнейшего творческого осмысления на основе обобщения новых данных. Подчеркивая историческую роль производительных сил, К. Маркс писал, что «ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества»¹.

Так, например, первичные экономические структуры общества с присущими им формами естественно-коллективного труда, непосредственно-коллективным способом присвоения его результатов, уравнивающим характером распределения и соответствующими этому строю производства социальными формами базировались на таком уровне производительности труда, обусловленном состоянием предметных факторов трудового процесса, при котором его эффективность ограничивалась пределами объема жизненных средств, необходимого для поддержания жизни. Поэтому, как справедливо замечает Р. И. Косолапов, «в «первобытной общине технологическое соединение рабочей силы со средствами производства совпадает с экономическим. Последнее столь же непосредственно, как и первое, вернее — оба они не различаются как в эмпирической действительности, так и в сознании людей»². Но эта форма экономической и социальной организации общества, которая повсеместно существовала на заре человеческой истории, стала постепенно распадаться и уступила свое место антагонистическим структурам по мере того, как производительность трудовой деятельности достигла уровня, при котором систематически стал создаваться избыток над издержками, необходимыми для простого поддержания жизни.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 7.

² Косолапов Р. И. Ни тени утопии. М., 1971, с. 22.

Та же закономерность эволюции общественных форм отчетливо прослеживается в истории добуржуазных антагонистических обществ. Их внутренняя организация, как и различные ступени, которые характеризовали основные этапы развития этих форм, в конечном счете определялись состоянием производительных сил и теми размерами прибавочного продукта, в которых экономически фиксировалось это состояние. Не подлежит сомнению, что отношения личной зависимости с присущими им примитивно грубыми способами получения прибавочного продукта, натурально-потребительский характер производственной деятельности, крайне ограниченные масштабы производственного накопления и другие отличительные особенности докапиталистических экономических структур основывались на таком уровне производительности общественного труда, который определялся по преимуществу естественными факторами процесса труда, а не факторами, созданными самим трудом. Еще более отчетливо прослеживается определяющая роль производительных сил по отношению к ряду других факторов общественного развития в период новой и новейшей истории, особенно в процессе становления и развития капиталистического способа производства. Иллюстрации этого положения выходят за пределы той проблематики, которая является темой настоящей работы. Ограничимся поэтому лишь некоторыми замечаниями, имеющими принципиальное значение.

Во-первых, капиталистический способ производства может нормально функционировать лишь на основе такого уровня производительности, который обеспечивает возможность постоянного превращения части прибавочного продукта в дополнительный фонд воспроизводства. Это означает, что производственное накопление и обусловленный им расширенный тип воспроизводства являются адекватным способом функционирования капитала и покоящегося на нем способа производства условий жизни.

Во-вторых, те изменения, которые происходят в характере подчинения труда капиталу, в частности реальная форма этого подчинения, всецело определяются динамикой производительности общественного труда, в которой находит свое выражение развитие производительных сил, особенно предметных условий процесса труда.

В-третьих, рост производительных сил образует основу того процесса обобществления производства, уровень которого далеко выходит за пределы частнокапиталистической формы присвоения. Именно этот уровень характеризует те материальные предпосылки, которые капитализм подготавливает для своего исторического премирника. Высокий уровень производительных сил образует в конечном счете материальную основу неизбежности гибели капиталистического способа производства, основу исторической смены капитализма коммунизмом.

Рассматриваемая закономерность особенно отчетливо обнаруживается при переходе от капитализма к социализму в странах со средним и тем более слабым уровнем развития. Необходимость утверждения социальных производственных отношений действительно требует создания развитой индустриальной основы, всеобщего распространения крупного машинного производства и соответствующей ему технологии, электрификации страны и т. д.

В условиях развитого социалистического общества, когда на передний план выдвигается задача создания материально-технической базы коммунизма, необходимость развития производительных сил на основе соединения достижений современной научно-технической революции с преимуществами социализма становится особенно актуальной. Утверждение коммунистического способа производства предполагает более высокий, чем при капитализме, уровень производительности труда и соответствующие ему формы общественной организации.

Приведенные положения являются иллюстрациями закономерности исторического процесса, которая характеризует определяющую роль производительных сил в общественном развитии. Однако глобальность этой закономерности зачастую приводит к искусственно односторонней ее трактовке.

Некоторые современные авторы, подчеркивая значение производственных отношений как активного фактора развития производительных сил, в то же время усматривают основную причину их изменения во внутренней логике самих производительных сил. Так, автор одной из работ, освещающих эту проблему, "справедливо подчеркивает, что развитие материального производства осуществляется под влиянием присущих ему внутренних противоречий, в особенности между технической

(производительные силы) и социальной (производительные отношения) формации материального производства¹. Но вслед за этим мы читаем: «При этом роль *основания* развития материального производства, т. е. такого фактора этого развития, который специфичкой своих внутренних противоречий детерминирует направления развития, условия его реализации, согласно К. Марксу, принадлежит производительным силам... Исходя на основе внутренних противоречий производительных сил, технологического способа производства вызывают противоречия между технической и социальными формами производства...»²

Каково же содержание этого внутреннего противоречия производительных сил? По мнению автора, это противоречие между необходимостью постоянного повышения эффективности функционирования производительных сил, с одной стороны, и их существующим строением — с другой. «Процесс возникновения и разрешения этого противоречия, — читаем мы здесь же, — и есть диалектика, объективная логика развития материального производства. Эта диалектика — наиболее фундаментальная, стержневая, генеральная объективная закономерность развития материального производства, а вместе с ним и всех других общественных отношений, включая и теоретическое отношение общества к природе — науку»³. Выходит, таким образом, что развитие материального производства и всей системы общественных отношений осуществляется по законам развития технологического способа производства, т. е. по законам производительных сил. Что же касается изменения этих последних, то оно происходит под воздействием внутренней логики, присущей самим производительным силам.

Вопрос о причинах развития производительных сил иногда решается таким образом, что в их составе выделяют источники и движущие силы⁴. При этом к источникам развития производительных сил, которые трактуются как непосредственная причина их изменения, обычно относят труд как процесс, совершающийся меж-

ду человеком и природой, уровень образования непосредственных работников и науку. К движущим же силам, которые опосредованно влияют на развитие производительных сил, относят производственные отношения, материальные и духовные потребности, классовую борьбу, поскольку речь идет об антагонистических формациях, и т. д. При этом утверждается, что движущие силы — это такие причины, «которые непосредственно не влияют на развитие производительных сил, сколько бы ни была значительна их роль для развития производительных сил»⁵.

Нетрудно видеть, что этот вариант мало чем отличается от рассмотренного выше, согласно которому главной причиной развития производительных сил является их внутренняя логика. При такой трактовке значение социальной формы функционирования производительных сил оказывается второстепенным.

Чтобы найти правильные ориентиры в решении вопроса о причинах развития производительных сил и их соотношении с производственными отношениями, необходимо обратиться к основным положениям, высказанным К. Марксом в предисловии «К критике политической экономии». Здесь содержится положение об определяющей роли производительных сил.

Дальнейшее развитие этот вопрос получил в работах В. И. Ленина, который подчеркивал, что основное содержание материалистической концепции истории определяется понятием производственных отношений. «Как Дарвин», — писал В. И. Ленин, — положил конец воззрению на виды животных и растений, как на нечто не связанные, случайные, «богом созданные» и неизменяемые, и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установив изменчивость видов и преемственность между ними, — так и Маркс положил конец воззрению на общество, как на механический агрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства (или, все равно, по воле общества и правительств), возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений,

¹ См. «Практика и познание», М., 1973, с. 87.

² Там же.

³ Там же, с. 87—88.

⁴ См. «Социализм: диалектика развития производительных сил и производственных отношений» М., 1975, с. 118, 119, 121, 123.

⁵ «Социализм: диалектика развития производительных сил и производственных отношений», с. 123.

установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс»¹.

В приведенном высказывании подчеркивается положение о том, что поставить социологию на научную почву — значит установить понятие общественно-экономической формации как совокупности данных производственных отношений. Наряду с этим В. И. Ленин отмечал определяющую роль производительных сил. «От развития производительных сил, — писал он, — зависят отношения, в которые становятся люди друг к другу при производстве предметов, необходимых для удовлетворения человеческих потребностей»². Рассмотрим динамику взаимодействия производительных сил и производственных отношений более обстоятельно.

Общество суть система природы, которая может существовать и тем более развиваться лишь при условии, что оно постоянно поддерживает связь с природой, осуществляет обмен веществ между собой и природой. Производительные силы и представляют собой средство связи общества с природой. Именно поэтому они являются не столько естественным, сколько социальным феноменом.

Для характеристики производительных сил общества как социального явления существенное значение имеет понимание того, что общество не просто часть природы, а особая ее часть, принципиально отличная от других систем природы. Особенность состоит в том, что общество обладает собственной структурой, существенно отличной от природы. Такую структуру образуют те отношения, которые складываются между общественными индивидами как условие постоянно осуществляющегося обмена веществ между обществом и природой, т. е. производственные отношения. Именно они образуют внутреннее строение общественного организма. Вступая в отношения с природой, общество воспроизводит себя не просто как часть природы, а именно как особую ее систему, обладающую собственной структурой. Необходимость воспроизводства общества как особой системы с присущей ей внутренней структурой по существу означает, что инициатива связи с природой всегда принадлежит обществу, а потому и средства этой связи опре-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 126.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 8.

делаются самим обществом — они выполняют строго определенные социальные функции. Являясь социальным явлением, производительные силы общества функционируют и развиваются не на основе законов природы, а на основе законов самого общества, и прежде всего той из систем, которая характеризует внутреннее строение общества, т. е. на основе законов производственных отношений. Речь идет при этом, разумеется, не об игнорировании законов природы, а об определении роли законов общества в процессе обмена веществ между ним и природой. Связь общества с природой есть первичная связь постольку, поскольку общество — часть природы. Но так как общество — особая часть природы с присущей только ей внутренней организацией, то доминирующее значение в осуществлении этой связи принадлежит законам общества, и прежде всего законам его внутренней организации, т. е. производственным отношениям.

Общества вообще не существует. Оно всегда исторически определенное общество с присущим ему исторически определенным типом экономической структуры. Поэтому когда идет речь о доминирующей роли законов общества, как они обнаруживают себя в отношениях между обществом и природой, то имеется в виду специфический характер этих законов, определяющий исторически данную форму общества. Общее есть всегда свойство, черта, сущность особенного. Вне анализа особенного понятие общее невозможно. Это означает, что определить характер взаимоотношений общества с природой возможно лишь на основе анализа производственных отношений исторически данного общества. «Гигантский шаг вперед, сделанный в этом отношении Марксом, — писал В. И. Ленин, — в том и состоял, что он бросил все эти рассуждения об обществе и прогрессе вообще и зато дал *научный анализ одного общества и одного прогресса — капиталистического*».

Главное произведение К. Маркса «Капитал» посвящено, как известно, исследованию системы производственных отношений буржуазного общества, законы которых определяют все существенные параметры этого общества, и в частности его взаимоотношения с природой.

В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что, формулируя основную цель «Капитала», К. Маркс

подчеркивал: «...конечной целью моего сочинения является открытие экономического закона движения современного общества...»¹

Характерно, что К. Маркс пишет не о законе экономического развития, а об экономическом законе движения современного, т. е. капиталистического, общества. Такой логический акцент, который обычно не подчеркивается в литературе, далеко не случаен. Он находится в соответствии с основной идеей диалектического материализма в социологии, согласно которой экономическое развитие в конечном счете определяет все другие стороны социальной жизни. В пределах исторически данной общественной формации активным фактором развития производительных сил, т. е. внутренней пружины их динамики, выступают производственные отношения.

Возьмем, к примеру, развитие производительных сил в условиях капиталистического способа производства. Первоначально капиталистические производственные отношения возникли и стали развиваться на не адекватном им техническом базисе, унаследованном от прошлых эпох. Но капиталистическая система производственных отношений не могла окончательно утвердиться на основе ремесленной техники производства.

Во-первых, необходимой предпосылкой отношений капиталистической эксплуатации является отделение непосредственного производителя от предметных условий процесса труда. На первых порах такое отделение было осуществлено методами первоначального накопления капитала. Но результаты, достигнутые насильственным путем, не могут быть долговечными, если они не закреплены экономически. Необходимо было создать такую технологию производства, которая бы реально отделила работника от средств производства, т. е. исключила возможность господства прежних методов производства в общественном масштабе. Речь шла, следовательно, о создании принципиально нового технического базиса производства, соответствующего природе новых производственных отношений. Таким базисом и явилось крупное машинное производство. Оно было средством решения не только технических, но и социальных задач, содержание которых определялось действием имманентных законов капитализма.

Во-вторых, смена ремесла крупным машинным производством решала и другую, не менее важную задачу. Капитализм, развиваясь на базе крупного машинного производства, вызвал к жизни такие производительные силы, которые не были созданы в течение всей предшествующей истории человеческого общества. Этим он реально доказал свои преимущества по сравнению с добуржуазными формами общественного производства. Однако не второй, а именно первый момент характеризует крупное машинное производство как производительные силы именно капитализма. Отмечая это обстоятельство, К. Маркс указывал, что «при нынешнем строе производительная сила состоит не только в том, что она дает, быть может, труд человека эффективнее или силы природы и социальные силы результативнее; она в такой же мере состоит в том, что делает труд дешевле, или непроизводительнее для рабочего. Производительная сила, таким образом, с самого начала определяет ее меновой стоимостью».

В еще большей мере активная роль производственных отношений обнаруживается в условиях формирующегося коммунистического способа производства. Мощное развитие производительных сил в советский период истории нашей страны, которая в настоящее время производит $\frac{1}{5}$ мировой промышленной продукции при наличии 6% населения земного шара, достижение Советским Союзом передовых рубежей в развитии мировой науки и техники, создание громадного научного потенциала — таковы в наиболее общем виде результаты, отражающие коренные преимущества социалистической организации производства по сравнению с капиталистической.

Активная роль производственных отношений в пределах каждой исторически данной формы общественного производства отнюдь не исключает того, что эти формы возникают лишь на определенном уровне развития производительных сил. Но каким образом достигается этот уровень и каковы определяющие причины его динамики, вне системы производственных отношений понять невозможно. И здесь недостаточно останавливаться лишь на внутренней логике развития производительных сил.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 10.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 250—251.

Развитие науки и техники действительно характеризуется определенной внутренней логикой. Возникает вопрос: почему те же самые научные и технические открытия в одних случаях реализуются в технических переворотах, революционизирующих всю систему общественного производства, а в других — они на протяжении многих столетий не получают своей реализации, а потому не оказывают на материальное производство сколько-нибудь существенного влияния? Известно, например, что основные принципы создания парового двигателя были разработаны Героном еще в I в., но они были реализованы лишь спустя более чем полторы тысячи лет. Внутренняя логика производительных сил объяснить этот факт не в состоянии. Если бы научные знания сами по себе определяли направление развития техники, материального производства, то, как справедливо отмечает Дж. Бернал, переход от ручного производства к машинному должен был бы произойти в эпоху, когда жил Аристотель, поскольку «знания техники и достижения эллинистического периода сами по себе были вполне достаточными для того, чтобы создать основные механизмы, которые привели к промышленной революции, — многочисленные управляемые ткацкие машины и паровую машину»¹.

Даже выдающиеся технические изобретения не превращаются в элементы производительных сил общества, если они не отвечают его экономической структуре. Известно, что движущей силой науки являются потребности техники. Эти же последние в свою очередь определяются потребностями экономического развития общества, характером его производственных отношений. Отмеченное обстоятельство имеет, по нашему мнению, существенное значение при определении критериев научно-технического прогресса, особенно в условиях социалистического общества.

При решении этого вопроса нельзя ограничиваться технической стороной проблемы, поскольку доминирующее значение принадлежит в конечном счете экономическим потребностям социалистического общества. Новое техническое средство будет ассимилировано системой общественного производства лишь в том случае, если оно является средством удовлетворения потребно-

стей социально-экономического характера. Планомерное управление развитием науки и техники в условиях социализма, которое является необходимым компонентом сознательного контроля общества над своим материальным процессом производства условий жизни, предполагает систематическое изучение экономических потребностей, обусловленных природой социалистических производственных отношений. Только на этой основе возможно эффективно реализовать решения XXV съезда КПСС, которые требуют «продолжить разработку теории создания материально-технической базы коммунизма...»¹.

В философской литературе вопрос о соотношении производительных сил и производственных отношений решается на основе разграничения тех связей исторического процесса, которые характеризуют его как целостное непрерывное развитие, от тех, которые обусловлены его формационным членением. «Когда история рассматривается как целое, — пишет В. Ф. Пустарнаков, — то развитие производительных сил олицетворяет непрерывность истории. От состояния и уровня развития производительных сил зависят отношения, в которые становятся люди друг к другу при производстве предметов, необходимых для удовлетворения человеческих потребностей. ...Если взглянуть на историю под углом зрения непрерывности, как на процесс периодической смены общественно-экономических формаций, то окажется, что в рамках каждой формации репутацию роль играют производственные отношения, совокупность которых составляет реальный экономический базис общества, основу всего общественного развития»². Такое объяснение несомненно является новым в трактовке диалектики производительных сил и производственных отношений. Но в связи с этим возникают по крайней мере два вопроса. Во-первых, содержит ли формационное членение исторического процесса элементы непрерывности, или оно характеризует его исключительно со стороны прерывности? Во-вторых, история как целое олицетворяет только непрерывность, или же она характеризуется и прерывностью?

Нам представляется, что на поставленные вопросы

¹ «Материалы XXV съезда КПСС», с. 214.

² Пустарнаков В. Ф. «Капитализм Маркса и философская мысль в России», М., 1974, с. 314.

¹ Дж. Бернал. Наука в истории общества. М., 1956, с. 130.

возможно дать лишь один ответ: история представляет собой единство непрерывности и прерывности, и именно в качестве этого единства она выступает как нечто целое. Но это означает в то же время, что каждая отдельная формация несет в себе и общесторические и конкретно-исторические свойства. Вне формационного членения исторического процесса никаких общесторических связей не существует. Каждый данный способ производства содержит в себе черты, свойства, отношения, которые соединяют его со всем предшествующим историческим развитием, и в то же время в его пределах создаются предпосылки последующего способа производства, поскольку новая форма общества вырастает из старой и никаким иным способом возникнуть не может. В то же время каждая общественно-экономическая формация представляет собой особый социальный организм, который отличается неповторимой спецификой. Ему присуще особое внутреннее строение, которое отличается его от всех других типов общества. Поэтому те общесторические отношения, которые несет в себе данная формация, всегда существуют как свойства, стороны, черты этой конкретно-исторической формы общества. Из этого следует, что основные компоненты данного способа производства — его производительные силы и производственные отношения — соединяют в себе и свойства непрерывности и свойства прерывности и общее и специфическое.

Производительные силы характеризуют непрерывность исторического процесса постольку, поскольку они олицетворяют постоянную связь общества с природой и выступают в качестве средства этой связи. Но они одновременно характеризуют и прерывность исторического процесса. В данном случае речь идет не только о том, что в процессе исторического развития изменяется их качественное состояние, происходят революционные перевороты, знаменующие собой коренные изменения в системе взаимоотношений общества с природой, но также и о том, что производительные силы являются продуктом социального развития, результатом функционирования конкретно-исторической формы общества, которая связана с природой особым образом, адекватным характеру своего внутреннего строения.

Отсюда же, К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что определенный способ производства или определенная

промышленная ступень всегда связаны с определенным способом совместной деятельности, с определенной общественной ступенью, — самый этот способ совместной деятельности есть «производительная сила»...¹ Исторически новая форма общества наследует от своего предшественника определенную сумму средств производства. Но это не ее собственные производительные силы. Ремесленная техника, всеми сложившиеся традиционные методы технологии, высокое профессиональное мастерство непосредственных производителей и другие материальные факторы производительного процесса, которые капитализм унаследовал от своего исторического предшественника — феодального общества, хотя и использовались капиталом на протяжении известного периода времени, но не были в действительности его производительной силой. Та новая производительная сила, которая с самого начала знаменовала собой новый буржуазный способ производства, была капиталистическая кооперация труда, функционирующая первоначально в форме простой кооперации. Именно она, как подчеркнул К. Маркс, и исторически и логически является исходным пунктом капиталистического производства. Хотя капитализм не избрал эту форму, поскольку последняя была известна так или иначе и доружуазным способам производства, но, во-первых, до капитализма она являлась спорадической и, во-вторых, при капитализме эта форма трудового процесса выступает как носитель нового социального содержания.

Конечно, сама по себе «простая кооперация, так же как и ее более развитые формы, — как и вообще все средства повышения производительной силы труда, — относятся к процессу труда, а не к процессу увеличения стоимости... Но все эти средства, применяемые для повышения эффективности процесса труда, уменьшают (до известной степени) необходимое рабочее время и тем самым увеличивают прибавочную стоимость...»². Именно поэтому кооперация, эта общественная производительная сила общественного труда, выступает как производительная сила капитала, а не труда. Более того, кооперация труда усиливает процесс разделения труда и тем самым облегчает возможность внедрения

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47, с. 20.
² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47, с. 20.

машинного производства, что в конечном счете приводит к реальному подчинению труда капиталу. Таким образом, кооперация труда становится социально значимой формой трудового процесса в условиях капитализма постольку, поскольку она является средством самовозрастания стоимости и именно в этом качестве выступает как производительная сила капиталистического общества.

При переходе от капитализма к социализму новый способ производства не просто наследует от старого определенную сумму средств производства, созданных его предшественником. Он с самого начала создает новую форму общественного трудового процесса, соответствующую природе его экономических отношений. Именно она и выступает его первой производительной силой. Такой формой, как будет показано ниже, является общенародная кооперация труда. Как в первом, так и во втором случае речь идет, следовательно, о качественном скачке, о перерыве непрерывности в исторической динамике производительных сил. Все это, разумеется, не исключает того, что производительные силы выступают в то же время и как воплощение непрерывности исторического процесса, т. е. олицетворяют общесторическую связь.

Историческая специфика каждой данной общественной формы производства не только отражает прерывность исторического процесса, но и содержит в себе также момент непрерывности. Во-первых, элементы, характеризующие общественную форму производства последующего способа производства, зарождаются в пределах экономических отношений предыдущего. Так, стоимостная форма экономической связи возникла задолго до капитализма, в добуржуазных способах производства, и при определенных исторических условиях стала исходной формой промышленного капитала. Именно в условиях его господства она превращается в доминирующую в обществе форму экономической связи. Однако на высшей стадии капитализма, в условиях господства монополий, когда на смену промышленному капиталу приходит финансовый капитал, стоимостная связь подрывается, возникают элементы планомерности. «Еще в 1891 году... — писал В. И. Ленин, — когда немцы приняли свою Эрфуртскую программу, Энгельс говорил, что нельзя по-прежнему толковать капитализм, как

отсутствие планомерности. Это уже устарело: если есть тресты, то отсутствия планомерности уже нет»¹.

В условиях коммунистического способа производства планомерная связь выступает как характеристика общественной формы производства, т. е. как господствующий способ связи в масштабе общества.

Следует, кроме того, иметь в виду, что в системе производственных отношений существуют и такие отношения, которые выражают экономические связи общественного производства, присущие самым различным его специфическим формам.

Все это не означает, что конституирующей стороной производственных отношений являются те их черты, которые характеризуют непрерывность исторического процесса. Напротив, экономические отношения общества представляют собой главным образом такой компонент общественного производства, который характеризует его как исторически преходящую форму. Однако это не исключает и присущих им общесторических моментов.

Таким образом, и производительные силы и производственные отношения представляют единство и непрерывности и прерывности. Поэтому и те и другие, хотя и в разной степени, олицетворяют как общесторические, так и внутрiformационные связи. В противном случае нельзя было бы объяснить, с одной стороны, каким образом в ходе функционирования данной формы производственных отношений происходит формирование тех материальных факторов, которые являются предпосылками перехода к новой общественной форме производства, а с другой стороны, каким образом эти факторы выполняют функцию средства связи данной формы общества с природой, т. е. выступают в качестве условий воспроизводства этой формы. Ведь та система материальных условий производства, которая создана капитализмом, особенно на современной его стадии, представляет собой вполне сложившуюся систему материальных предпосылок перехода к социализму. И этот переход уже приобрел в настоящее время характер всемирно-исторического процесса.

Тем не менее в пределах капиталистической системы эти материальные условия продолжают выполнять роль фактора воспроизводства отношений буржуазного об-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 365

щества. Создание материальных условий перехода к новой форме общественного производства и сам переход непосредственно не совпадают. Материальные условия, являющиеся носителем общесоциальной связи, выступают прежде всего как продукт внутриформационного процесса и продолжают на протяжении определенного периода времени обслуживать этот процесс и в то же время на определенном уровне своего развития в условиях реального перехода от одной общественной формы к другой выполняют функцию материального фактора этого перехода, т. е. выступают как средство, обеспечивающее непрерывность исторического процесса. Речь идет в данном случае о правомерности и необходимости разграничения содержания производительных сил простого процесса труда и производительных сил общества. Такое разграничение имеет существенное значение для понимания реальных форм взаимодействия компонентов общественного производства во внутриформационном процессе и в процессе перехода от одной общественной формы производства к другой.

Производительными силами простого процесса труда являются, как известно, средства производства и люди, которые приводят их в движение, используя определенный опыт и трудовые навыки. В данном случае имеются в виду абстрактные моменты процесса труда, которые образуют всеобщие условия производства, присущие всем возможным его историческим ступеням. Результатом взаимодействия элементов простого процесса труда выступает продукт, т. е. материальное благо, пригодное для производительного или личного потребления. Хотя содержание производительных сил простого процесса труда является абстракцией, это не отменяет того, что она имеет вполне реальное значение, а потому относится к разумным абстракциям.

Иначе обстоит дело, когда речь идет о производительных силах общества, которые по своему содержанию в ряде существенных пунктов отличаются от производительных сил простого процесса труда. Это различие фиксируется прежде всего в результате их функционирования. Таким результатом выступает не материальное благо, продукт, пригодный для потребления, а само общество. Имея в виду капиталистический процесс производства, К. Маркс писал: «Если рассматривать буржуазное общество в его целом, то в качестве конечного

результата общественного процесса производства всегда выступает само общество, т. е. сам человек в его общественных отношениях. Все, что имеет прочную форму, как, например, продукт и т. д., выступает в этом движении лишь как момент, как мимолетный момент»¹. Следовательно, общественное производство есть средство воспроизводства общества как особой системы природы. Поэтому производительные силы общества как средство связи общества с природой являются фактором воспроизводства общества. Они охватывают всю совокупность сил, которые обеспечивают связь общества с природой и благодаря которым происходит воспроизводство данной формы общества. Сюда относятся, следовательно, не только совокупность предметных и личных факторов процесса труда, но и степень развития личностных сил человека, система стимулов его трудовой деятельности, формы общественной организации производительного процесса, формы и способы распределения условий и результатов производства и многое другое. Поэтому, правы авторы сборника «Научно-техническая революция и социализм», подчеркивая, что производительные силы общества «следует понимать не в узком, внеисторическом, схематическом толковании, а в духе определения Маркса: как широкую и меняющуюся совокупность всех сил, «производящих» жизнь людей, включая общественные связи, науку, творческие способности человека и овладение им силами природы. Каждая рациональная интеграция в обществе, каждое использование достижений науки в общественной жизни, каждый шаг в развитии человека и его способностей становятся в современных условиях компонентом новых производительных сил общества»².

Такое понимание производительных сил общества по существу означает, что и взаимные отношения людей выступают в качестве необходимого элемента совокупности тех сил, которые воспроизводят общество в его определенной специфически исторической форме. Иначе говоря, связь с природой обеспечивается не только предметными и личными факторами процесса труда, которыми располагает данное общество, но и теми обществен-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 222.

² «Научно-техническая революция и социализм», [сб.], М., 1973,

ными отношениями, благодаря которым эта связь становится возможной. «В производстве люди вступают в отношение не только к природе. Они не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью. Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство»¹. Взаимные отношения людей оказывают воздействие на производительные силы исторически данного общества, но это не означает, что они перестают быть производственными отношениями, т. е. общественными отношениями производства. Следовательно, производительные силы общества нельзя трактовать в значении, тождественном значению абстрактных моментов простого процесса труда, поскольку последний существенно отличается от общественного процесса производства. Если в первом случае в отношении с природой вступает человек, то во втором — общество. Если в первом случае создается продукт, материальное благо, то во втором случае — определенная форма общества. Такое разграничение, которое обычно не производится в существующей экономической литературе, имеет не только чисто теоретическое значение. Оно приобретает, особенно в настоящее время, существенное практическое значение.

Динамика современных производительных сил и основные тенденции их развития даже в условиях буржуазного общества едва ли могут быть исследованы с достаточной эффективностью на основе схематического представления о них как совокупности средств производства и людей, вне учета общественных связей, которые по необходимости включены в их состав и играют в высшей степени активную роль. «Средства производства точно так же не существуют *в себе*, вне общества и без влияния на него, как не существует и капитал *в себе*»². Еще в меньшей мере эта задача может быть решена, когда речь идет о производительных силах социалистического общества.

В условиях развитого социализма, когда преобладающее значение приобретает интенсивный тип обществен-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 441.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 146.

ного воспроизводства, развитие производства оказывается все в меньшей степени зависимым от количества средств производства и размеров вновь приложенного труда. Оно все больше зависит от качества условий производства, внедрения результатов научно-технического прогресса, организации производства и т. д. Например, при решении вопросов оптимизации социалистического производства недостаточно исходить из одних только технических и технологических преимуществ того или иного варианта, так как они носят весьма относительный характер, необходимо исходить и из их социальных последствий. Так, при внедрении новой техники необходимо принимать во внимание не кратковременные результаты в форме снижения себестоимости или увеличения рентабельности, а глобальные, рассчитанные на длительную перспективу задачи экономического развития общественного производства. Это объясняется тем, что ориентация на текущие результаты оказывается неприемлемой по ряду причин.

Во-первых, выбор более дешевого варианта, дающего отдачу в короткий срок, зачастую недоучитывает перспективную координацию развития структуры народного хозяйства. Во-вторых, он не всегда исключает отрицательное в отдельных случаях воздействие современного производства на внешнюю среду. В-третьих, стремление к быстрой отдаче ведет иногда к замедлению технического прогресса, ибо каждое последующее внедрение исходит из преимуществ по сравнению с современным средним уровнем. По прошествии ряда лет такое «усредненное» преимущество превращается в свою прямую противоположность и приводит к созданию и внедрению заведомо устаревшей в моральном отношении техники и технологии.

Та новая форма, в которой реализуется при социализме единство производительных сил и производственных отношений, предполагает ориентацию развития не на промежуточные, а на конечные результаты. Это обстоятельство подчеркивалось на XXV съезде КПСС как ключевой момент при решении народнохозяйственных проблем¹. Поэтому развитие производства должно осуществляться через применение наиболее передовой тех-

¹ См. «Материалы XXV съезда КПСС», с. 59.

ники и технологии на основе соответствующих форм его общественной организации.

В связи с этим существенное значение приобретают подетальная и технологическая специализация, концентрация и централизация производства, развитие новых форм организационной структуры в направлении создания производственных и промышленных объединений и агропромышленных комплексов, открывающих широкие возможности научной организации труда и внедрения в производство результатов научных исследований. Наряду с этим громадное значение приобретают и такие факторы социально-экономического характера, как повышение жизненного уровня советских людей, совершенствование управления социалистическим производством, дальнейшее развитие системы материального стимулирования, усиление творческого характера трудовой деятельности, дальнейшая отработка и совершенствование механизма социалистического хозяйствования и др.

Стало быть, эффективность использования достижений научно-технической революции в процессе создания материально-технической базы коммунизма предполагает соединение этих достижений с преимуществами социалистической организации общественного производства.

Таким образом, общенсторическая связь всегда осуществляется через систему материальных условий, с помощью которых вступает в отношения с природой данная форма общества, а поэтому включает в себя и саму эту форму. Последняя становится конкретно-историческим способом ее реализации. Более того, только на основе этой формы и посредством нее происходит накопление тех экономических и социальных потенций, которые данный тип общества передает последующему. Поэтому общенсторическая связь, как она обнаруживается в разрезе формационного членения исторического процесса, не может рассматриваться вне деятельности данной общественной формы, поскольку последняя как раз и характеризует процесс ее развития. Если рассматривать общенсторическую связь независимо от общественной формы материального производства, то дело сведется к характеристике простых моментов процесса труда, общих всем ступеням развития человеческого общества.

Положение не меняется от того, что в составе про-

производительных сил выделяются различные рубрики: вещественные и энергетические производительные силы, индивидуальные и общественные и т. п. Это создает лишь видимость конкретно-исторического исследования производительных сил. В действительности же мы остаемся в пределах формально-абстрактной их характеристики, поскольку отождествляем их содержание с простыми моментами процесса труда.

При этом, разумеется, не следует впадать в односторонность. В плане истории естествознания, и в частности истории техники, вполне правомерно абстрагироваться от специфики общественных форм производства. Но поскольку речь идет о политической экономии, изучающей общественный строй производства, такое абстрагирование может иметь весьма ограниченное значение, так как техника и производительные силы общества — не одно и то же. Ведь люди вступают в отношения к природе не как изолированные и независимые субъекты, а как общественные индивиды, т. е. такие, которые находятся в определенных общественных связях. И только благодаря этим связям они и могут вступать в отношения к природе, что означает, строго говоря, что в отношения с природой вступает общество, а не отдельные люди.

Кроме того, предметные факторы, с помощью которых люди воздействуют на природу, выступают не как продукт природы, а как результат специфически социальной деятельности и олицетворяют бытие тех общественных отношений, при которых осуществляется их функционирование. Они суть материальные носители этих отношений. Более того, взаимные отношения людей друг к другу, т. е. характер и способ их общения, обязательно включают в себя движение условий и результатов их трудовой деятельности. Именно поэтому процесс общения индивидов выступает как материальный процесс, образующий базис их общественных отношений. Ведь производственные отношения — это не теоретические, а практические отношения индивидов, которые реально существуют посредством определенного предметного мира. Поэтому действительными носителями таких отношений являются и продукты как формы материализованной человеческой деятельности, и сам человек как определенное воплощение сил природы.

Отмеченный аспект диалектики производительных

сил и производственных отношений общественного производства определяется качественной спецификой социальных явлений. Она состоит в том, что каждое явление социальной действительности может соединять в себе различные качественные определенности — природную, общесоциальную и специфически социальную, которая в свою очередь может быть дифференцируемой. Поэтому одно и то же явление может соединять в себе различные отношения и выполнять различные общественные функции в зависимости от того, в каких реальных связях оно находится с другими явлениями. Например, постоянный капитал есть экономическая категория, характеризующая производственные отношения буржуазного общества. Но одновременно он выступает и как средство, обеспечивающее обмен веществ этого общества с природой. Более того, одно и то же средство производства, которое с точки зрения простого процесса труда выступает как его производительная сила, в условиях капиталистического общества является производительной силой лишь постольку, поскольку оно суть постоянный капитал. Человек выступает как главная производительная сила любого общества, но в условиях буржуазного общества он является производительной силой лишь тогда, когда своим трудом создает прибавочную стоимость. С другой стороны, капиталистические отношения не могут возникнуть там, где нет ни средств производства, ни рабочей силы, т. е. факторов, способных выполнять определенные производственные функции. Таким образом, если производительные силы общества образуют содержание общественного производства, то это также содержание, которое тесно связано с его формой. И только в качестве этого единства они являются фактором связи исторически данного типа общества с природой. Стало быть, производительные силы охватывают все общественное производство, рассматриваемое со стороны взаимоотношений общества с природой. Производственные же отношения охватывают все общественное производство, рассматриваемое уже со стороны внутренней структуры общества, т. е. в качестве базиса всех общественных отношений.

Поскольку речь идет о развитии общественного производства в историческом плане, его главным источником выступает противоречие между производительными силами и производственными отношениями.

Главным источником развития общественного производства в пределах исторически данной формы общества являются противоречия, присущие его экономической структуре, т. е. системе его производственных отношений. В этом случае развитие происходит на основе действия экономических законов, характеризующих конкретно-историческую специфику общества. Однако характер, формы и механизм действия этих законов нельзя рассматривать независимо от тех отношений, которые складываются между обществом и природой. Развитие факторов, обеспечивающих связь общества с природой, повышение их дееспособности и эффективности, происходящее на основе действия экономических законов, в свою очередь обуславливают развитие и изменение экономической структуры. Но как раз в этой плоскости обнаруживается реальное различие производительных сил и производственных отношений. Чтобы ассимилировать результаты своей собственной деятельности, данная общественная форма производства должна обнаружить способность к известной эластичности. Однако абсолютным пределом этой эластичности, граничей приспособляемости данной формы является ее собственная сущность. Как только достигается этот предел, данная форма общественного производства замыкается в самой себе, начинает разлагаться и гибнуть. Она перестает быть в этом случае носителем своей исторической связи.

Добуржуазные экономические структуры разложились и погибли вследствие чрезвычайно узких границ, которые они ставили производству вещественного богатства, поскольку данные общественные формы основывались на таком уровне производительности, которая детерминировалась преимущественно естественными условиями производства. Развитие общественного разделения труда и формирование на этой базе условий производства вещественного богатства подрывали самые глубокие основы их внутренней организации, покоящейся на естественном базисе производства. «Все прежние формы общества... — писал К. Маркс, — погибли с развитием богатства, или, что одно и то же, — с развитием общественных производительных сил. Поэтому у древних, создававших это, богатство прямо обличалось как разложение общества. Феодальный строй, в свою очередь, погубили городская промышленность, торговля,

современное земледелие (и даже отдельные изобретения, такие, как порох и печатный станок)»¹.

Но то же самое разделение труда и развивающееся на его основе товарное производство, которые не могли быть ассимилированы феодализмом, стали отправным пунктом развития капитализма, для которого создание вещественного богатства и соответствующее ему стремление к универсальному развитию производительных сил стали определяющими условиями его жизнедеятельности. Капитал значительно раздвинул границы, в пределах которых он может приспосабливаться к изменяющимся условиям производства, и благодаря этому способствовал подлинно революционному перевороту в техническом базисе производства. Но как только капитал достигает стадии крупного машинного производства, он становится преградой на пути развития производительных сил. «Достигнув этого пункта», — пишет К. Маркс, — капитал, т. е. наемный труд, вступает в такое же отношение к развитию общественного богатства и производительных сил, в каком оказались цеховой строй, крепостничество, рабство, и как оковы сбрасывается с необходимости»².

Достижение капиталистическим способом производства своих исторических пределов отнюдь не равнозначно его немедленной гибели. Оно не исключает того, что на протяжении определенного периода времени этот способ производства в состоянии не только существовать, но и развиваться. Капиталистическое производство в полной мере обнаружило присущие ему неразрешимые противоречия и историческую ограниченность более ста лет назад. В течение этого периода, который характеризовался переходом от капитализма к социализму во всемирном масштабе, значительно изменился и облик капитализма. В настоящее время в развитых капиталистических странах сложилась система государственно-монополистического капитализма, которая представляет собой наиболее развитую форму буржуазных производственных отношений. Развиваясь на основе господства монополий, капитализм XX в. в области производительных сил достиг более высокого уровня по сравнению с капиталистическим свободной конкуренцией. И тем не менее

это был период разложения и гибели капитализма как социально-экономической системы, как способа производства. В течение этого периода капитализм в целом развивался по нисходящей, подвергаясь процессу загнивания и распада; в его рамках возникали и развивались такие экономические формы, которые по своему содержанию являются переходными от свободной конкуренции к полному обществу, формировались материальные предпосылки перехода к социализму.

Условия перехода к новой общественной форме производства образуются в рамках предшествующего способа производства, т. е. являются результатом взаимодействия его производительных сил и производственных отношений, играющих различную роль в этом процессе. Специфическая общественная форма, характеризующая границы данного способа производства, не может сохраниться при переходе к новому способу производства. Что же касается совокупности факторов, которые фиксируют достигнутый предшествующим способом производства уровень производительности труда, то они сохраняются в качестве тех материальных условий, которые наследует новая форма общественного производства. Каковы именно эти условия и каким образом новый способ производства их усваивает — это вопросы конкретно-исторического характера. В данном случае важно подчеркнуть другое. Никакой способ производства не создает для своего исторического преемника в готовом, вполне завершенном виде ни производительных сил, ни тем более его производственных отношений. Он подготавливает для него материальные предпосылки. Создать адекватные своей природе производительные силы — это историческая задача данного способа производства. Решению этой задачи способствует в значительной мере система экономических отношений нового общества.

Капитализм является последней антагонистической общественно-экономической формацией. Переход от капитализма к коммунизму означает преодоление противоречия между общеисторическим и конкретно-историческим, которое было присуще предшествующему развитию человечества. Функционирование и развитие коммунистического общества характеризуют его единство. Это означает, что конкретно-историческая специфика коммунистического производства является той формой,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, кн. II, с. 33.

² Там же, с. 263.

которая адекватна общенсторическому содержанию общественного развития. «Коммунизм, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии», — отличается от всех прежних движений тем, что совершает переворот в самой основе всех прежних отношений производства и общения и впервые сознательно рассматривает все стихийно возникшие предпосылки как создания предшествующих поколений, лишает эти предпосылки стихийности и подчиняет их власти объединившихся индивидов». С точки зрения соотношения производительных сил и производственных отношений коммунистическая организация производства означает такой способ их взаимодействия, который характеризуется тем, что производственные отношения выступают как постоянно действующие и не ограниченный своей собственной сущностью фактор непрерывного прогресса производительных сил. Это объясняется тем, что, хотя экономическая жизнь по-прежнему выступает в качестве базиса общества, тем не менее она становится средством решения по преимуществу социальных задач. Производство вещественного богатства сохраняется, но оно выступает теперь как средство, подчиненное потребности всестороннего развития человека. Именно поэтому коммунизм — это не состояние, а процесс постоянного развития, отражение которого образует главную задачу экономической теории социализма.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 70—71.

ГЕНЕЗИС ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

§ 1. Специфика становления системы

При исследовании процесса развития прежде всего необходимо уяснить форму становления данного социально-экономического организма, ибо она содержит в себе зародыш всех импульсов его движения. Эта проблема возникает в силу того, что процесс становления не дает сколько-нибудь четкого представления о внутренних контурах нового образования. Неопределенность усиливается тем, что в этот период практически отсутствует и категориальный аппарат, адекватный сущности происходящих изменений. Как результат, исследование ведется через призму категориального каркаса старого типа. Но это не только затрудняет процесс познания, но и ведет к образованию в науке определенных стереотипов, преодоление которых впоследствии становится задачей не менее трудной, чем воспроизведение объективной действительности.

Так, история социалистических преобразований в СССР и странах социалистического содружества нашла отражение в многочисленных публикациях. Основные закономерности процесса перехода от капитализма к социализму, действующие в каждой стране, вступившей на путь социалистического строительства, сформулированы в ряде теоретических документов и в материалах совещаний коммунистических и рабочих партий социалистических стран. Разработку этого вопроса можно охарактеризовать как наиболее фундаментальную основу создания теоретической модели процесса становления экономической системы коммунистического общества. Это обстоятельство не исключает, но, напротив, предполагает дальнейшее развитие данной проблемы. Дело в том, что теоретическое отражение становления системы должно быть увязано с категориальным определением экономической структуры коммунистического способа производства. В противном случае не будет обеспечена систематическая преемственность категориального аппарата науки и процесс развития получит статическое отражение.

Между тем необходимость исследований в этой области обусловлена тем особым местом, которое принадлежит экономической системе в структуре общественных отношений. Процесс формирования общественных отношений коммунистического общества в конечном счете предопределен становлением его производственных отношений, которое детерминирует унификацию всех остальных компонентов общественной структуры в соответствии со своей собственной природой.

Актуальность разработки теоретической модели процесса становления экономической системы коммунистического общества предопределена и тем обстоятельством, что в ряде социалистических стран этот процесс еще не завершен, некоторые страны только вступают на путь социалистических преобразований.

Конечно, в настоящее время еще нельзя создать законченную теорию становления экономической системы коммунистического общества, так как его структура находится в процессе формирования. Поэтому еще невозможно обеспечить окончательную увязку теоретической модели процесса становления с категориальным каркасом самодвижения системы производственных отношений. Тем не менее громадный эмпирический материал, характеризующий строительство развитого социалистического общества, его теоретическое обобщение позволяют сделать некоторые существенные выводы. Прежде всего это касается сущности самого перехода от капитализма к социализму.

Как известно, материальные предпосылки социализма формируются в недрах капиталистического общества. Это следует подчеркнуть, поскольку речь идет о современном состоянии производственных отношений капиталистического общества, характерной особенностью которых является соединение силы монополий с силой буржуазного государства. На этой ступени полностью подготавливаются материальные условия перехода к социализму. Но как ни важен для теоретического анализа данный аспект проблемы становления производственных отношений коммунистического общества, он находится за пределами собственной истории коммунистического способа производства. Каково же историческое начало производственных отношений коммунистического общества?

Специфика становления производственных отноше-

коммунистической формации, их принципиальное отличие от всех предшествующих форм экономических отношений определяются не только особенностями их сущности, но и самим характером возникновения, особенностями в пределах естественноисторического процесса эволюции социальных форм. Они не отменяют общезаконности развития, согласно которому новое возникает из старого. Но в каких формах происходит возникновение нового и как осуществляется переход от старого к новому — это всегда вопросы конкретные, которые не могут решаться на основе общих исторических схем. Все определяется тем, от чего и к чему происходит переход и в какой конкретно-исторической ситуации он совершается. Ведь даже переход от феодализма к капитализму отличался многообразием форм. Это тем более характерно для перехода от капитализма к социализму. Особенность социализма определяется тем, что речь идет о становлении принципиально иной по сравнению со всеми предшествующими экономической структуры, новые формы которой в качестве сколь-нибудь органических образований не могут сложиться в условиях капиталистической системы отношений. Между тем, например, буржуазные производственные отношения возникли и сложились в недрах экономической и политической структуры феодального общества. Класс буржуазии стал экономически господствующим классом еще до того, как он завоевал политическое господство. Возникновение и утверждение капитализма не предполагают в качестве предварительного условия политическое господство буржуазии, поскольку «основной организующей силой анархически построенного капиталистического общества является стихийно растущий рынок и вглубь рынок, национальный и интернациональный»¹. Конечно, на известной степени зрелости капиталистических отношений буржуазия нуждается в политическом господстве именно для того, чтобы окончательно закрепить свое экономическое положение. Но до какого-то момента капиталистические отношения могут развиваться при сохранении политической власти в руках феодалов.

По-иному обстоит дело при переходе от капитализма к социализму. Необходимым предварительным условием

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 171.

подчинения и формирования экономической структуры коммунистического общества может быть лишь завоевание политического господства рабочим классом.

Овладение политической властью рабочим классом предполагает коренную ломку политической системы буржуазного общества: слом старой государственной машины и создание принципиально нового государственного аппарата, который может нормально функционировать лишь на основе привлечения к политической деятельности самых широких масс трудящихся, руководимых рабочим классом и его авангардом — Коммунистической партией. Только опираясь на диктатуру пролетариата, рабочий класс в союзе с трудящимися массами может овладеть суммой производительных сил и обеспечить реализацию в интересах общества тех материальных предпосылок социализма, которые созданы капитализмом. Это предполагает прежде всего осуществление системы революционных экономических мероприятий, направленных на подрыв экономического могущества буржуазии и на создание «чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей»¹.

Завоевание политического господства классом буржуазии выступает как заключительный акт процесса формирования капиталистических производственных отношений. Переход политической власти в руки рабочего класса образует необходимую предпосылку становления коммунистического способа производства. Это, однако, не только предпосылка. Государственная власть в руках рабочего класса выступает (особенно на первых порах) в качестве необходимого момента и одного из определяющих факторов формирования системы экономических отношений социалистического общества. Диктатура пролетариата — не обычное политическое господство, опирающееся на авторитет силы. Государство диктатуры пролетариата выступает как первоначальная форма общенародного центра управления процессом социалистического производства, т. е. выполняет экономические функции. Это обусловлено принципиальными особенностями самой структуры экономической системы социализма.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 171.

Производственные отношения капитализма возникают и функционируют как система рыночного хозяйства, которая управляется стихийно действующими регуляторами. Напротив, экономические отношения социалистического общества с самого начала выступают как система, которая предполагает в качестве необходимого компонента присущий ей орган управления. Социализм не может ни возникнуть, ни тем более развиваться как стихийный процесс, поскольку он представляет собой прямую противоположность рыночному хозяйству. Именно эту функцию экономического органа, т. е. органа планомерного управления производством, и выполняет на первых порах государство диктатуры пролетариата. То обстоятельство, что оно одновременно выступает и как политическая форма организации рабочего класса, нисколько не меняет существа дела, так как рабочий класс осуществляет свое политическое господство для того, чтобы обеспечить формирование новой экономической системы, исключающей классовую структуру общества.

Таким образом, если с политической стороны государство диктатуры пролетариата выступает как форма государства переходного от капитализма к социализму периода, то с точки зрения экономической оно суть первоначальная форма экономического органа всего общества. И эта функция государства не только сохраняется за пределами переходного периода, но и получает полное и всестороннее развитие. Поэтому завоевание политической власти рабочим классом и утверждение диктатуры пролетариата характеризуют начало собственной истории экономической системы коммунистического общества, поскольку речь идет о становлении производственных отношений коммунистического общества.

Это положение нашло свое обоснование в материалах Совещания коммунистических и рабочих партий социалистических стран, которое состоялось в 1957 г. На нем были сформулированы общие закономерности революционного преобразования капиталистического общества в социалистическое. Одной из решающих закономерностей является руководство трудящимися массами со стороны рабочего класса, ядром которого выступает марксистско-ленинская партия, в проведении пролетарской революции и установлении диктатуры пролетариата в той или иной форме.

Существенное изменение в соотношении политических и экономических процессов при переходе от капитализма к социализму по сравнению с переходом от феодального общества к капиталистическому образует внутренний, исторически обусловленный момент возникновения производственных отношений социалистического общества. Как уже отмечалось выше, под влиянием политических факторов происходит формирование экономической структуры социализма, осуществляется преобразование общественных институтов: из носителей по преимуществу политических функций они постепенно превращаются в органы экономического назначения и становятся элементом самой экономической структуры. Неразрывная связь политических актов государства диктатуры пролетариата со структурой формирующейся системы социалистических производственных отношений образует одну из наиболее характерных особенностей становления экономической системы социализма.

Завоевание политической власти рабочим классом, установление диктатуры пролетариата и превращение государства рабочего класса в орган, который с самого начала выполняет функции экономического центра общества, вытекающие из природы формирующихся производственных отношений коммунистического общества, — это явления одного и того же порядка. Они образуют органический элемент процесса становления экономической системы коммунистической формации. До тех пор, пока происходит становление экономической структуры коммунистического способа производства, волевые акты государства выполняют функцию экономических факторов, т. е. выступают в качестве экономической силы. «К чему же, — писал Ф. Энгельс, — мы тогда боремся за политическую диктатуру пролетариата, если политическая власть экономически бессильна? Насилие (то есть государственная власть) — это тоже экономическая сила!»¹ Разумеется, то обстоятельство, что государство диктатуры пролетариата выступает как экономическая сила в процессе становления производственных отношений социализма, не дает оснований для того, чтобы все акты государства трактовать однозначно.

В процессе формирования экономической структуры социализма следует различать, во-первых, создание

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 420.

необходимых предпосылок ее становления и, во-вторых, образование непосредственных компонентов самой этой системы. В первом случае речь идет о процессах, которые по своей природе являются однократными, а потому невозпроизводимыми. Во втором случае — о процессах, которые постоянно воспроизводятся в процессе производства и воспроизводства условий жизни общества. Хотя и те и другие образуют моменты становления экономической структуры социализма и опосредуются активной ролью политических актов государства диктатуры пролетариата, тем не менее они различаются по отношению к процессу формирования коммунистического способа производства.

К первым относятся те волевые акты государства диктатуры пролетариата, с помощью которых происходит ликвидация отношений частной собственности на условия и результаты производства. Конкретными формами реализации этих процессов являются конфискация, национализация и отчасти кооперирование мелкотоварного производства. Отмена частнокапиталистической собственности и утверждение общественной социалистической собственности выступают в качестве необходимого компонента той системы экономических мероприятий, которая относится к общим закономерностям перехода от капитализма к социализму.

Рассматриваемые в свете становления производственных отношений коммунистического способа производства ликвидация капиталистической собственности и установление социалистической несомненно характеризуются реальным экономическим содержанием, хотя по форме это правовой акт, который сам по себе не создает какого-либо определенного компонента системы экономических отношений нового способа производства. Разрабатывая и осуществляя на практике программу социалистического преобразования общественных отношений в нашей стране, В. И. Ленин строго различал производственные отношения и правовые формы их выражения. Он считал, что последние хотя и играют в высшей степени активную роль, особенно на первом этапе социалистических преобразований, но не тождественны непосредственному созданию экономической системы нового общества. Резко критикуя «левых» коммунистов, требовавших «самого решительного обобществления», «добивания буржуазии и окончательной домки

саботаж», В. И. Ленин писал: «Можно быть решительным или нерешительным в вопросе о национализации, о конфискации. Но в том-то и гвоздь, что недостаточно даже величайшей в мире «решительности» для перехода от национализации и конфискации к обобществлению»¹. Что же касается обобществления, рассматриваемого непосредственно со стороны экономического содержания, то оно представляет собой процесс становления, формирования и утверждения производственных отношений коммунистического общества. В этом смысле обобществление не исчерпывается пределами переходного периода от капитализма к социализму, охватывая всю первую фазу коммунистического способа производства.

Хотя правовые акты государства диктатуры пролетариата, как и непосредственно экономический процесс формирования элементов материальных отношений производства, и являются сторонами единого процесса становления производственных отношений коммунистического общества, их не следует идентифицировать, поскольку первые образуют предэкономические предпосылки, тогда как вторые — непосредственные компоненты экономической системы, которые постоянно воспроизводятся, т. е. являются продуктами ее самодвижения. В противном случае в разряд экономических элементов попадают такие, которые сами по себе не могут быть отнесены к производственным отношениям общества. Это особенно важно, когда речь идет о системном анализе производственных отношений социализма, т. е. об исследовании закономерностей функционирования структуры экономической системы социализма. Следует согласиться с Н. А. Цаголовым, который пишет: «Чтобы объяснить, как общество остается собственником средств производства, после того как оно ими овладело один раз путем экспроприации, необходимо отыскать те производственные отношения, которые воспроизводят принадлежность средств производства обществу. Когда же говорят, что основой этого является принадлежность средств производства обществу, то допускают элементарную тавтологию»².

Совокупность мероприятий волевого характера, с помощью которых осуществляется создание предпосылок формирования новой экономической структуры, находят-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 293

² «Вестник МГУ», «Экономика», 1974, № 1, с. 20.

я в опосредованной генетической связи с ней. И тем не менее эти мероприятия образуют момент генезиса экономической системы социализма. Это происходит не потому, что они являются по форме правовыми факторами, а вследствие особой их роли в процессе формирования экономической системы социализма.

Гносеологический аспект разграничения материальных и идеологических отношений не может играть в данном случае решающей роли, поскольку не существует еще самой общественной системы. Она находится в состоянии формирования. Категории базиса и надстройки суть категории сложившейся системы общественных отношений, а потому и оперировать ими возможно лишь при исследовании зрелого состояния общества.

Закономерности становления системы и закономерности ее функционирования в качестве сложившегося образования существенно различаются. Если же подходить к проблеме генезиса производственных отношений социализма с позиций их развитого состояния, то в этом случае возникает опасность отрицания значения экономических мероприятий пролетарского государства в переходный период в процессе формирования производственных отношений социализма. Но тогда остается только одно: искать сущностные связи формирующихся производственных отношений социализма за пределами собственной истории коммунистического способа производства. В связи с этим может оказаться, что в разряд элементов формирующихся производственных отношений социалистического общества будут отнесены те материальные предпосылки, которые возникают в процессе развития капиталистического способа производства, особенно на монополистической стадии капитализма.

Следствием отрицания капитализма является переход от одной системы производственных отношений к другой. Это происходит лишь в том случае, если его необходимые условия подготовлены предшествующей системой отношений. Он осуществляется посредством революционных действий рабочего класса, установления той или иной формы диктатуры пролетариата. Хотя конфискация и национализация как акты государства диктатуры пролетариата, направленные на уничтожение отношений буржуазной собственности и утверждение общественной собственности, не тождественны возникновению компонентов экономической системы социализ-

ма, тем не менее именно они выступают в качестве непосредственных факторов формирования этой системы. Новая трактовка проблемы означала бы отказ от необходимости завоевания политической власти рабочим классом и установления в той или иной форме диктатуры пролетариата в качестве необходимого условия перехода от капитализма к социализму.

Подобные взгляды образуют главное содержание реформистских и правореволюционистских концепций о путях строительства социализма. Сторонники этих концепций исходят из того, что в экономической системе капитализма складываются готовые формы производственных отношений социализма, которые могут обеспечить трансформацию капитализма в социализм чисто эволюционным путем. В этом случае завоевание политической власти рабочим классом и осуществление системы революционных экономических мероприятий, направленных на ликвидацию монополии буржуазии на условия и результаты производства, оказываются излишними.

Становление производственных отношений социализма, в процессе которого политические и правовые факторы выполняют функцию условий формирования новой системы, охватывает переходный период и образует один из существенных моментов его содержания. На протяжении этого периода осуществляются насильственная отмена буржуазной собственности и овладение условиями производства всем обществом, преобразование мелкотоварного производства, преодоление классово-антагонистической структуры общества и т. д. Одновременно этот период характеризуется превращением материальных предпосылок социализма в его генетическую основу, воспроизводимую в ходе собственного движения. Те элементы новой формы общественной связи, которые в условиях капитализма выступают его «внутренними мипахи», становятся в переходный период конституирующими. Хозяйственно-организационные и политико-правовые мероприятия обеспечивают становление новой общественной формы производства.

В этой связи, разумеется, возникает вопрос о том, что, собственно, представляет из себя такая новая форма общественной связи, которая конституирует движение коммунистического способа производства в его данной социальной определенности. Для того чтобы ответить на него, возникает необходимость разграничить некото-

рые моменты, которые характеризуют основу становления коммунистического способа производства. Прежде всего речь идет о его исходной форме и исходном пункте.

§ 2. Исходная форма и исходный пункт коммунистического способа производства

Вопрос об исходной форме экономической структуры коммунистической формации возник в советской экономической литературе сравнительно недавно. И хотя постановка этого вопроса была не сразу поддержана, впоследствии его обсуждение приобрело довольно широкие масштабы. Некоторые экономисты полагают, что вопрос об исходной форме производственных отношений коммунистического общества является теоретически малоплодотворным. Такого рода утверждения нам представляются недостаточно обоснованными.

Возникновение, становление и развитие коммунистического способа производства не отрицают естественности исторического процесса эволюции общественных форм, а, напротив, являются наиболее убедительным его подтверждением. Исходная форма производственных отношений представляет собой одно из наипростейших звеньев перехода от одного способа производства к другому, экономическую форму отрицания старого качества и утверждения нового. Именно поэтому в экономическом учении К. Маркса проблема исходной формы капиталистического способа производства занимает такое значительное место. При исследовании генезиса экономической системы коммунистического общества вопрос об исходной форме является одним из центральных. Фактически оно так и есть. Ведь к исследованию исходной формы социалистического производства относится по существу рассмотрение планомерности и товарно-денежных отношений в системе социалистического производ-

ства. При рассмотрении этой проблемы необходимо руководствоваться положением, выдвинутом в предисловии к первому тому «Капитала». К. Маркс подчеркивал, что предметом его исследования является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена. Такое разграничение является, по нашему мнению, отнюдь не случайным. Оно содержит в себе важные методологические послышки.

Конечно, если в понятие способа производства вкладывать тот смысл, который оно приобретает как единство производительных сил и производственных отношений, то разграничение капиталистического способа производства и соответствующих ему отношений производства и обмена оказывается лишённым основания. Однако в «Капитале» и других работах К. Маркса термин «способ производства» употребляется и в более узком значении, а именно в значении, которое охватывает по преимуществу связи общества с внешней средой, природой. В этом случае он служит для обозначения технического и технологического строя производства, характеризуя дееспособность тех факторов, которые обеспечивают обмен веществ между обществом и природой и в которых реализуется основное содержание исторически данных отношений производства и обмена. В общем же значении, т. е. в более широком смысле, в котором он употребляется в учебной и научной литературе, в него включаются все материальные отношения и в их числе отношения производства и обмена.

Исследование соответствующих капитализму отношений производства и обмена К. Маркс осуществляет ещё до того, как он приступает к исследованию капиталистического способа производства, рассматриваемого как исторически определённый способ взаимодействия общества с природой. К. Маркс начинает исследование капиталистического способа производства с анализа простой капиталистической кооперации. До этого К. Маркс рассматривает капиталистическое производство преимущественно со стороны присущих капитализму отношений производства и обмена. «Капитал» начинается, как известно, анализом товара и денег. Здесь исследуется наиболее общая основа капиталистического способа производства, его предельная, но в то же время вполне реальная абстракция.

В последующих отделах предметом изучения являются присущие капитализму отношения капитала и наёмного труда, которые реализуются в производстве прибавочной стоимости. Но это ещё не капиталистический способ производства, рассматриваемый в собственном смысле. Капитализм развивается и упрочивается лишь на базе отношений производства и обмена, осуществляя переворот в материальной основе самого производства, т. е. в способах связи с внешней средой, в тех-

нике, технологич, организации производительного процесса. И только в той мере, в какой осуществляются эти преобразования, капиталистические отношения производства и обмена становятся целостной органической системой, воспроизводящейся в процессе функционирования соответствующего им способа производства.

Способ производства оказывается адекватным именно данным отношениям. До этого они по существу базировались на прежнем способе производства, а потому их воспроизводство нуждалось в таких факторах, которые играли преобладающую роль в предыстории капитализма. Поскольку же капиталистические отношения производства и обмена обретают свой собственный способ производства, постольку факторы первоначального накопления постепенно теряют свое значение. Капитализм отныне функционирует на основе обмена веществ, являющихся всецело продуктами капитала. Это означает, что присущие капитализму отношения производства и обмена на первых порах не являются продуктами капиталистического способа производства в собственном смысле, а выступают как результат разложения прежних экономических форм, существовавших на материальной базе предшествующих капитализму способов производства и соответствующих им форм трудового процесса¹.

Действительные преобразования капиталистического способа производства начинаются с простой капиталистической кооперации, которая хотя и основана еще на традиционной ремесленной технике, но тем не менее характеризует новую форму организации трудового процесса, знаменующую собой более высокий уровень производительности общественного труда. Таким образом, новому способу производства должны соответствовать общественные формы организации трудового процесса, обеспечивающие достижение более высокой производительности. Сами же по себе отношения капиталистического производства и обмена непосредственно не содержат в себе этого решающего элемента способа

¹ Крякуля народников, В. И. Ленин писал: «Они забывают, что первичной формой капитала всегда и везде был капитал торговый, денежный, что капитал всегда берет технический процесс производства таким, каким он его застает, и лишь впоследствии подвергает его техническому преобразованию» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 490).

производства. Вот почему именно капиталистическую кооперацию труда К. Маркс характеризует как исторически, так и логически исходным пунктом капиталистического производства¹.

Товарное отношение образует исходную общественную форму капитализма, на основе которой возникают и существуют капиталистические отношения производства и обмена, а простая капиталистическая кооперация — это исходный пункт тех преобразований в самом производстве, которые вносит в него возникающий промышленный капитал.

В целях более конкретного и всестороннего исследования генезиса коммунистического производства также следует различать его исходную общественную форму, или всеобщее экономическое основание, т. е. форму его экономической ячейки, и исходный пункт коммунизма как нового способа производства. В экономической литературе при решении вопроса об исходном производственном отношении коммунистического общества не разграничиваются проблемы исходной экономической формы и исходного пункта коммунистического способа производства как связи общества с природой.

Но генетические связи экономической структуры коммунистического общества и ее взаимосвязь со своим историческим предшественником получают различное освещение в зависимости от того, рассматриваем ли мы исходную всеобщую форму коммунистического производства или его исходный пункт.

Капитализм подготавливает материальные предпосылки перехода к коммунизму, но не создает условий для функционирования коммунистического способа производства. Последние вызревают уже на основе и под воздействием коммунистических отношений производства и обмена. Только на их основе возникает новая организация и общественная производительная сила труда, которая знаменует окончательную победу коммунизма над капитализмом. С другой стороны, новый способ производства оказывается условием воспроизводства соответствующих ему отношений производства и обмена, всеобщей общественной формы производства.

Таким образом, естественноисторическая связь различных типов производственных отношений состоит в

См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 333.

том, что предшествующий способ производства создает необходимые предпосылки для возникновения исходной формы последующего общества. В этом смысле исходная экономическая форма коммунистического общества подготавливается капиталистическим способом производства. Что же это за форма?

Выясняя этот вопрос, необходимо прежде всего подчеркнуть, что ею может выступать лишь определенная историческая форма труда, поскольку мы находимся в пределах той эпохи человеческой истории, которая характеризуется производством предметного богатства посредством труда. Это положение имеет, по нашему мнению, принципиальное значение, поскольку оно с самого начала нацеливает на поиски исходной экономической формы в области общественных трудовых отношений. У К. Маркса в «Капитале» сущностную характеристику исходного экономического отношения капитализма содержит двойственная природа труда, образующая основу возникновения всех остальных экономических форм буржуазного производства. Поэтому представляется несомненно верным в методологическом отношении поиск исходной экономической формы коммунистического производства в области трудовых отношений, в определении исторической формы трудовой связи.

Генетической формой экономической структуры капитализма является стоимостная — как специфически историческая — форма связи. Возникающие из нее отношения производства и обмена и соответствующие им черты капиталистического способа производства превращают ее в доминирующий в обществе способ человеческой деятельности. Однако развитие любого явления на известном уровне неизбежно сопровождается возникновением его противоположности. Капитал, который возникает и развивается на основе стоимостной формы связи и который достигает на ее базисе полного и свободного развития, в то же время представляет известную противоположность этой форме, поскольку он базируется не только на обособленном труде, но и на кооперативной его форме, образующей исходный пункт и необходимое условие функционирования и развития капитализма как способа производства. Однако кооперативная форма процесса труда с самого начала олицетворяет общественную определенность труда как совместного. Непосредственно-общественный труд как продукт развития

капиталистического способа производства представляет собой поэтому прямую противоположность стоимостной форме связи. В результате возникает и развивается противоречие между общественной формой труда как стоимостью и общественным способом его функционирования как совместного непосредственно-общественного труда. И в той мере, в какой развиваются тенденции, обусловленные самим капиталистическим способом производства (появление все более развитых форм кооперации труда, концентрации и централизации производства и др.), указанное противоречие все более углубляется.

Таким образом, тенденции развития капитализма, вытекающая из его общественной природы, состоит в том, что он подрывает стоимостную форму связи и порождает непосредственно-общественную форму. Именно эта форма и выступает генетической основой, на которой может возникнуть и развиться коммунистический способ производства. Вот почему классики марксизма характеризовали историческую миссию капиталистического способа производства двумя основными результатами — обобществлением труда и повышением его производительности. Чем радикальнее и глубже подрыв стоимостной формы, тем выше достигнутый уровень обобществления труда и его производительности, тем более развитой оказывается непосредственно-общественная форма связи в качестве исходной экономической формы коммунистического производства.

Экономическая система коммунистического общества, как известно, не сразу возникает как вполне сложившаяся, развитая. Значение марксистского учения о двух фазах коммунизма именно в том и состоит, чтобы определить закономерности формирования коммунистических отношений, выяснить, каким образом неполный коммунизм, т. е. социализм, превращается в полный коммунизм. Это особенно важно подчеркнуть, поскольку речь идет об экономических отношениях развитого социализма.

Становление коммунистического общества есть исторический процесс, а потому и подходить к нему необходимо исторически. Применительно к рассматриваемому здесь вопросу об исходной форме коммунистических отношений производства это означает, что еще недостаточно определить ее содержание в общем виде. Необходи-

димо, кроме того, установить и ту конкретную определенность, в которой она выступает в качестве первоначального воплощения этого отношения. Только в этом случае теория может опосредоваться на действительности и потому будет служить практике. Речь идет о том, чтобы определить исходную форму экономической системы коммунистического общества на первой фазе его исторической зрелости, т. е. в условиях социализма.

Форма связи как непосредственно-общественная не может быть тождественной при социализме и полном коммунизме. Оставаясь противоположностью стоимостной форме связи, она в пределах этого своего качества приобретает различное содержание, а потому и разный способ осуществления. Особенность социалистической фазы состоит в том, что формой выражения непосредственно-общественной связи выступает ее предметная форма. Иначе говоря, производственные отношения складываются в связи и по поводу результатов деятельности, а не самой деятельности, как таковой. Предметная форма непосредственно-общественной связи существенно отличается от овеществленной, стоимостной формы связи. Последняя суть форма движения противоречия частного и общественного труда, т. е. противоречия, характеризующего форму труда товаропроизводителей, прямо противоположную непосредственно-общественной. Предметная форма есть форма непосредственно-общественной связи, но на той стадии ее зрелости, когда она выступает как средство к жизни для каждого, а не как первая потребность жизни.

Пока богатство общества существует в предметной, т. е. отличной от самого труда и объективной по отношению к нему, форме, фактором его производства является живой труд, который в то же время выступает и как мера издержек производства предметного богатства. Поэтому непосредственным мотивом деятельности общества оказывается еще не сама деятельность, а результат, продукт, т. е. деятельность, материализованная вещь. Каждого индивида и общество в целом непосредственно интересует не сама деятельность, а ее результат. Здесь цель деятельности пока еще отлична от самой деятельности, она внешняя по отношению к ней. Деятельность на данной стадии развития выступает как средство достижения цели, существующей в форме ее предметного результата. Поэтому цель и средство являются еще

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 207.

противоположностями, поскольку внутренняя движущая сила деятельности заключена не в ней самой, а в объективной по отношению к ней форме.

То обстоятельство, что непосредственно-общественная форма связи как исходная генетическая форма производственных отношений коммунистического общества выступает на первых порах в предметной форме, характеризует недостаточную ее зрелость. Но она недостаточно зрелая не по отношению к экономической системе коммунистического общества вообще, а лишь по отношению к его высшей фазе, т. е. полному коммунизму. Что же касается коммунистического способа производства в целом, то непосредственно-общественная форма экономической связи не может с самого начала принять вполне зрелой, адекватной своему содержанию формы. Впрочем, это характерно не только по отношению к экономической клеточке коммунистического общества. Ведь и стоимостная форма выражения человеческой деятельности, как она выступала в процессе разложения добуржуазных материальных отношений, являлась недостаточно развитой, опутанной остатками личной связи и зависимости.

Становление исторически данной экономической системы выступает в то же время и как утверждение ее исходной формы, поскольку из предпосылки она превращается в результат функционирования этой системы. Различие, однако, состоит в том, что утверждение и развитие капиталистического способа производства в конечном счете подрывают — хотя и не преодолевают — свою собственную генетическую основу и сопровождаются возникновением новой экономической связи, служащей исходной для другой экономической системы. Напротив, формирование экономической системы коммунистического общества характеризуется развитием ее исходной формы, полным утверждением заложенных в ней потенций, определяемых непосредственно-общественной ее природой. Оно сопровождается окончательным преодолением предметной формы, утверждением адекватной ее внутреннему содержанию объективной формы выражения и измерения. Это осуществляется по мере превращения труда из средства к жизни в первую ее потребность.

Форму предметной связи не следует отождествлять с товарной. Они не только существенно отличаются, но

и могут быть противоположными друг другу. Товарная форма есть специфически исторический способ реализации предметной связи. Но не всякая предметная связь есть товарная.

Товарная форма представляет особую историческую определенность предметной связи, которая характеризует отношения экономически обособленных звеньев производственной деятельности, реализующих свою общественную природу посредством обмена результатами труда. Следовательно, товарная форма продукта в своем развитом состоянии есть форма частного труда. Отдельные продукты становятся здесь элементами общественного богатства не потому, что они вообще продукты — носители определенных потребительских свойств, способных удовлетворять общественные потребности, а потому и постольку, поскольку они обладают способностью к обмену и действительно обмениваются. В непосредственном процессе труда создается лишь вещественное содержание богатства, но не само богатство в его общественной определенности. Отдельные продукты становятся составляющими общественного богатства лишь как носители стоимости. Чтобы создать элемент общественного богатства, производителю недостаточно произвести продукт, он должен создать стоимость. И лишь в этом случае его трудовая деятельность приобретает общественное значение, а сам он воспроизводит себя как член общества. Таким образом, товарная форма общественного производства представляет собой такую организацию, в пределах которой субъектом общественной производственной деятельности выступает стоимость, тогда как ее объектом оказывается производитель товара, занятый выполнением определенного конкретного вида труда¹.

Связь субъекта и объекта, рассматриваемая с позиций простого процесса труда, переворачивается здесь с ног на голову, поскольку производитель определенной натуральной формы продукта выступает не как активная сторона материального процесса производства и не как исходное творческое начало, а как пассивная его сторо-

¹ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 49, с. 152, 174, 188; т. 23,

В этой связи нельзя не согласиться с Э. В. Ильенковым, который пишет: «Что касается Маркса, то он, если воспользоваться выражением из гегелевской «Феноменологии духа», понял стоимость

на, как результат. Активной же стороной процесса производства выступает стоимость. Производитель воспроизводит себя здесь в качестве органа общественного тела лишь постольку, поскольку он создает стоимость.

Свое историческое и логическое завершение указанное отношение получает в наиболее развитой форме товарного производства, а именно в капиталистической, где субъектом общественного процесса производства выступает капитал, а его объектом — наемный труд¹. Вместе с тем именно в пределах капиталистического способа производства и на основе созданных им материальных условий осуществляется постепенное формирование непосредственно-общественной формы связи, которая на первых порах не может существовать иначе как в предметной форме. Но эта последняя как выражение формирующейся непосредственно-общественной связи с самого начала противоположна товару, поскольку она несет в себе принципиально иное начало, являющееся выражением новой исторической тенденции развития материальных отношений.

Некоторые экономисты утверждают, что предметная форма непосредственно-общественной связи возникает не как альтернатива товарному производству вообще, а как форма, противоположная капиталистической, т. е. наиболее развитой его форме. По их мнению, наличие в условиях социализма предметной связи означает сохранение товарного производства с присущим ему новым содержанием. Это последнее сообщается товарному

не только как субстанцию, но также и как субъект. Стоимость предстала как субстанция-субъект всех развитых форм и категорий политической экономии. Отсюда и начинается сознательная диалектика в данной науке. Ибо «субъект» в понимании Маркса (в данном случае он пользуется терминологией «Феноменологии духа») есть реальность, разворачивающаяся через свои внутренние противоречия» (Ильенков Э. В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М., 1974, с. 240).

«Господство капиталиста над рабочим, — пишет К. Маркс, — есть поэтому господство мертвого над человеком, мертвого труда над живым, продукта над производителем, так как ведь на деле товары, которые становятся средством господства над рабочими (но только как средство господства самого капитала), суть лишь результаты процесса производства, его продукты. Это совершенно то же самое отношение в материальном производстве, в действительном процессе общественной жизни — ибо как раз этим является процесс производства, — какое в идеологической области представляется в религии, превращение субъекта в объект и наоборот» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 49, с. 46—47).

производству налицем непосредственно-общественной формы связи. Такое представление является малоубедительным. Когда говорят о подрыве товарного производства капитализмом, особенно на высшей его стадии, имеют в виду подрыв подпочвы капитализма, какой выступает товарное производство в своей простой форме, подрыв самых общих основ капитализма, преодоление его генетически исходного звена как исторически определенной системы отношений. Возникновение и формирование непосредственно-общественного характера связи означает возникновение генетической формы нового общества, противоположного прежней экономической системе в целом, т. е. прежде всего в ее исходной основе. Поэтому непосредственно-общественная форма связи, хотя она и существует на первых порах в предметной форме, с самого начала представляет собой противоположность товарной форме вообще. Этот факт и исторически и логически должен рассматриваться как исходная посылка в процессе исследования как генезиса, так и структуры коммунистического способа производства.

Каковы же черты предметной формы, в которой на первых порах реализуется непосредственно-общественная связь в качестве исходной генетической формы коммунистического производства?

Наиболее существенная особенность, которая характеризует исходную форму и противоположность товарному продукту, определяется тем, что в ней реализуется непосредственно-общественная связь. Последняя находит свое выражение в том, что господствующую общественную определенность продукта приобретает его натуральная форма, т. е. его полезность как результат конкретного труда. Отдельные виды и разновидности этого труда непосредственно взаимодействуют друг с другом как звенья совокупного труда общества.

На этой основе общество получает возможность заранее учесть общественные потребности и в соответствии с ними распределить различные виды труда и материальные ресурсы.

Предметная форма непосредственно-общественной связи характеризуется и тем, что каждый в отдельности продукт как результат конкретного труда с самого начала выступает и как элемент совокупного общественного продукта, а потому и общественного богатства, без посредства рыночного обмена и обусловленного им от-

чуждения результатов трудовой деятельности отдельных звеньев материального производства. Это характеризует продукт как непосредственно-общественную потребительную стоимость, т. е. продукт, поступающий в потребление не через рынок.

Предметная форма непосредственно-общественной связи — основа возникновения и развития совершенно отличной от товарного производства механизма функционирования всего общественного производства, а именно планомерного механизма, который выступает как всеобщий способ функционирования коммунистического способа производства. Как необходимая форма реализации непосредственно-общественной связи планомерность означает сознательное, целенаправленное, основанное на учете общественных потребностей поддержание, формирование и изменение пропорций распределения всех материальных ресурсов общества. Она обеспечивает поэтому сознательный контроль общества над собственным процессом производства условий жизни и выступает в качестве экономического закона коммунистического производства, подобно тому как закон стоимости выступает законом товарной формы общественного производства.

Предметная форма непосредственно-общественной связи в отличие от товарной формы продукта совершенно меняет социальную определенность субъекта и объекта экономической деятельности. Субъектом производственного процесса здесь становится производитель, в то время как процесс создания продукта выступает объектом трудового процесса как отдельного члена общества, так и общества в целом. Мир материальных отношений производства сбрасывает с себя фетишистскую форму, становится ясным и прозрачным. В отличие от товарного производства предметная форма непосредственно-общественной связи по существу есть форма не частного, а общественного присвоения условий и результатов производства. Поэтому возникающая на основе революционного преобразования общественная форма собственности находит в ней свою экономическую реализацию, а потому воспроизводится как продукт чисто экономического процесса.

Содержание экономической реализации общественной собственности определяется тем, что предметная форма непосредственно-общественной связи исключает

присвоение результатов производственного процесса отдельными производителями, которые обусловлены различиями в дееспособности условий производства. То, что может быть присвоено отдельными производителями, определяется количеством и качеством их труда, а не эффективностью его материальных условий. Последние принадлежат обществу в целом, а потому тот дополнительный результат, который образуется вследствие их более высокой эффективности, также должен принадлежать обществу в целом. Только благодаря этому и может воспроизводиться то равенство между членами общества в отношении условий производства, которое первоначально достигается волевыми актами конфискации и национализации средств производства.

Отмеченные выше моменты характеризуют предметную форму в отличие от товарной формы постольку, поскольку она суть выражение непосредственно-общественной связи. Но именно потому, что эта последняя выражается все еще предметно, т. е. существует в форме бытия, а не в форме деятельности, она характеризует первую ступень зрелости непосредственно-общественной связи, которая определяет специфическую черту социалистической фазы коммунистического производства. В этой форме выражения непосредственно-общественная связь выступает как необходимая ступень в процессе перехода от общественного труда к непосредственно-общественному, реализующемуся в форме деятельности, а потому поддающемуся измерению в единицах рабочего времени.

Содержание непосредственно-общественного труда прямо противоположно содержанию труда, создающего товар. Это — фундаментальное положение экономической теории марксизма. Однако пока непосредственно-общественная связь существует в предметной форме, последняя может при определенных условиях быть носителем отношений, присущих и товарному производству. Это происходит не вследствие существования данной формы, которая в состоянии выполнять свои общественные функции исключительно в натуральном выражении, как это имеет место в условиях натурального и вполне сложившегося непосредственно-общественного производства, тем не менее предметная форма становится носителем отношений товарного производства в том случае, когда непосредственно-общественная связь, которая находится в состоя-

нии формирования и которая по необходимости выступает на первых порах в такой форме, существует в условиях сохранения отношения общественного разделения труда как закрепления и обособления различных видов человеческой деятельности. Мы подчеркиваем данное обстоятельство потому, что оно имеет непосредственное отношение к проблеме генезиса экономической системы коммунистического общества.

Исторический опыт построения социализма свидетельствует о том, что элементы товарно-денежных отношений продолжают сохраняться не только в условиях переходного периода и периода построения социализма в основном, но и на этапе развитого социалистического общества. В этих условиях управление экономическим развитием сталкивается со сложными практическими проблемами, которые требуют решения. Экономическая теория не всегда оказывается на уровне задач, выдвигаемых жизнью. И это объясняется тем, что сохраняющиеся при социализме товарно-денежные отношения пытаются трактовать не как явление, фиксирующее степень зрелости непосредственно-общественной формы связи, а как самостоятельный круг отношений, так или иначе обособленный и существующий рядом с отношениями непосредственно-общественного производства.

Не вдаваясь в подробное рассмотрение этого вопроса, поскольку он выходит за пределы проблематики настоящей работы, отметим лишь, что сохраняющиеся при социализме товарно-денежные отношения не относятся к тем факторам, которые выполняют генетические функции. Основоволожники научного социализма, разрабатывая теоретическую модель социализма, исходили из того, что уже на первой фазе коммунистического общества товарно-денежные отношения будут преодолены. При этом обмен результатами деятельности между обществом и его отдельными членами не исключался, но он мыслился как обмен на основе трудового, а не стоимостного эквивалента. Эта закономерность в полной мере подтвердилась в реальной практике социалистического производства, поскольку основным принципом взаимного обмена деятельностью в социалистическом обществе является обмен равных количеств труда. Использование элементов товарных отношений следует объяснить тем, что существующий уровень реального общественного еще не достиг того состояния, при кото-

м было бы преодолено общественное разделение труда. Но определяющей тенденцией развития социализма является сближение различных форм трудовой деятельности. Поэтому факторы, которые определяют генезис материальных отношений коммунистического общества, выступают в то же время как средство преодоления остатков товарно-денежных отношений.

Главным же противоречием, определяющим процесс становления коммунистических производственных отношений, поскольку речь идет о процессе их генезиса, выступает противоречие между непосредственно-общественным характером материальной деятельности и предметной формой ее общественного выражения. Движение этого противоречия является одним из доминирующих внутренних источников становления непосредственно-общественной связи в форме самой деятельности¹. Это означает превращение труда из средства к жизни в первую ее потребность. Практическое решение этой проблемы включает целый комплекс глубоких социально-экономических преобразований в процессе создания материально-технической базы коммунизма.

Указанное движение предполагает преодоление противоречия, обусловленного общественным разделением труда и сохранением элементов его двойственного характера. Прежде чем непосредственно-общественная связь сбросит с себя форму предметного выражения, эта последняя должна окончательно освободиться от элементов стоимостной формы. В процессе создания материально-технической базы коммунизма, естественно, должна быть решена и эта задача, знаменующая определенный этап формирования коммунистических производственных отношений.

Это, по-видимому, произойдет задолго до того, как труд получит собственно коммунистический характер осуществления, т. е. еще в пределах социалистической фазы развития коммунистического общества. Наряду с этим должны произойти известные изменения в формах взаимоотношений между социалистическими предприятиями внутри общенародного сектора социалисти-

¹ Преодоление предметной формы общественной связи в условиях вполне зрелого коммунизма отнюдь не означает уничтожения предметных результатов производственного процесса. Они будут иметь место и на высшей фазе коммунистического общества. Но при этом существенно изменится их социальная функция.

ческого производства, а также между общепародной и колхозно-кооперативной формами производства.

Но какие бы конкретные формы этот процесс ни принимал, важно понимать его основное содержание, которым определяется направление изменений в отношениях производства и обмена.

Таковы особенности содержания и внешней определенности исходной формы экономической системы коммунистического общества, если рассматривать их со стороны их объективного значения. Указанная особенность порождает довольно сложную логическую проблему. Речь идет о способах теоретического анализа этой своеобразной экономической формы. Но для того чтобы искать способы разрешения теоретической проблемы исходного отношения коммунистической системы производственных отношений, необходимо понять ее саму.

Кажется вполне логичным исследовать предметную форму непосредственно-обобщественного труда путем расчленения ее содержания на слагаемые и их анализа. Однако такой способ исследования лишь с первого взгляда представляется убедительным. Дело в том, что даже если нам известны элементы какого-либо целого, то их анализ еще не даст ответа на вопрос о том, почему они образуют именно данное целое, поскольку другое, отличное от первого целое тоже может состоять из этих же элементов. Более того, свойства целого несводимы к свойствам образующих его элементов. Оно представляет собой новое качество, а не простую количественную сумму свойств своих элементов. Предметная форма выражения, если ее рассматривать вне непосредственно-общественного характера связи, может быть лишь товарной связью, т. е. способом выражения отношений товарного производства.

Непосредственно-общественный характер деятельности, рассматриваемый в качестве генетической формы исторически данного общественного способа производства, представляет собой коммунистическое отношение. Параллельное существование непосредственно-общественной и товарной форм связей в пределах одной и той же экономической системы общества в качестве развитых образований невозможно, поскольку они исключают друг друга. Исследуя ту и другую формы как самостоятельные, мы в действительности будем рассматривать или систему товарного производства, или зрелую систе-

му коммунистического производства. Но в таком случае исчезает самый предмет исследования, каким является генезис экономической системы коммунистического общества, рассматриваемый со стороны исходного отношения. В этом случае оказывается невозможным понять особенности социалистической фазы коммунистического способа производства и определить закономерности перерастания социализма в коммунизм. Отрыв экономических форм социализма от экономических форм коммунизма становится в этом случае неизбежным и неотвратимым. Попытки же чисто логическими средствами их соединить оказываются насилем над экономической действительностью.

Реальный процесс генезиса коммунистических форм может быть понят лишь на основе выяснения содержания исходного отношения, общего для коммунистической формации, но первоначально выступающего в своем специфическом выражении. Именно в таком своем качестве это отношение и должно быть объектом теоретического анализа. Оно, следовательно, должно исследоваться как единство содержания и специфически исторической формы выражения. Раскрыть диалектику указанного единства — такова задача теоретического анализа коммунистического производства.

Но исходная экономическая форма есть форма генезиса соответствующих коммунистическому способу производства отношений производства и обмена, возникающих как непосредственное развитие этой исходной формы, развертывание заключенных в ней противоречий. Что касается коммунистического способа производства в собственном смысле как способа связи общества с природой, характера его материальных агентов и их эволюции, то исходная экономическая форма непосредственно их не определяет.

К. Маркс приступает к исследованию капиталистического способа производства лишь после анализа исходной экономической формы буржуазного общества и возникающих на ее основе капиталистических отношений производства прибавочной стоимости. Стало быть, между исходной формой и исходным пунктом капиталистического производства лежит анализ основного производственного отношения и основного закона капитализма. Исходный пункт капитализма как исторически определенного способа производства возникает на

основе его основного экономического отношения, характеризующего присущие ему отношения производства.

Новый способ производства заявляет о себе прежде всего тем, что создает адекватную ему форму общественной организации труда, которая в своем развитии проходит ряд последовательных стадий, характеризующих отдельные фазы повышения его производительности. Материально-техническая основа этой новой формы на первых порах остается такой же, какой ее наследует новое общество от старого. И лишь постепенно, по мере утверждения новых отношений производства и под их непосредственным воздействием, происходит переворот в технической основе производства.

Вызванная к жизни капиталистическими отношениями производства кооперация как новый тип общественной организации труда образовала исходный пункт капиталистического способа производства.

Какой же тип общественной организации труда является исходным для коммунистического способа производства? Таким следует считать общенародную кооперацию труда, т. е. кооперацию, охватывающую все общество.

Общенародная кооперация как специфический тип организации общественного труда образует исходный пункт именно коммунистического способа производства, который характеризует его исторически в отличие от всех других способов производства. Она выступает как единственно возможный способ реализации соответствующих коммунистическому обществу отношений производства и обмена и развивается под влиянием присущих этим отношениям законов. Ответ на вопрос о том, каковы эти отношения, должен дать анализ структуры коммунистического производства.

§ 3. Особенности теоретического отражения генезиса системы

До сих пор, исследуя развитие коммунистического способа производства, мы по существу не выходили за рамки периода становления его органической системой. В этой связи на первом плане по преимуществу оказывался процесс превращения его генетических основ в элементы структуры, т. е. процесс формирования самой структуры. Обычно данный момент развития характеризуется как генезис коммунистического способа производства. Это положение, однако, требует определенного уточнения.

Речь идет о том, что процесс перехода от капитализма к социализму далеко не тождествен процессу формирования экономической структуры коммунистического общества, как такового. Построение социализма означает, что материальные предпосылки коммунизма превращаются в непосредственные элементы экономической структуры и начинают самовоспроизводиться. Но в рамках экономической структуры социализма функционируют и элементы, доставшиеся ему от своего исторического предшественника, которые также воспроизводятся в ходе ее движения. Поэтому следует различать процесс превращения генетических основ коммунистического способа производства в элементы экономической структуры социализма как первой фазы коммунизма и процесс дальнейшего превращения их в собственно коммунистическую структуру.

Первый процесс по существу совпадает с переходным периодом и характеризуется ликвидацией многоукладности. Он образует основное содержание становления основного производственного отношения. Здесь в качестве генетических факторов выступают те материальные предпосылки, которые, являясь по существу отношениями, разложения предшествующей системы отношений, реализуются в основном посредством политико-правовых актов. Второй процесс охватывает весь период от момента зарождения коммунистического способа производства до его реального формообразования, т. е. характеризует перерастание социализма в коммунизм. На этом этапе в качестве генетических факторов выступают те экономические формы, которые являются продуктом развития социалистического общества. Так, например, в рамках

переходного периода непосредственно-общественная форма связи реализовалась главным образом посредством правовых форм (продразверстка, продналог). В условиях же развитого социалистического общества эта форма связи приобретает уже экономический характер.

Поэтому следует различать генезис производственных отношений коммунистического общества в узком смысле — как процесс превращения генетических факторов в самовоспроизводящиеся и генезис в широком смысле — как процесс, который продолжается в пределах и на основе уже сложившейся структуры первой фазы коммунистического общества. В первом случае речь идет о становлении экономической структуры общества, во втором — о ее функционировании и дальнейшем развитии. В связи с этим особое значение приобретает понимание характера общего процесса развития коммунистических производственных отношений, который существенно отличается от предшествующего хода истории.

Досоциалистические способы производства в процессе своей эволюции проходили три основных этапа: возникновения и становления, полного развития и, наконец, период разложения и гибели. Указанные этапы особенно отчетливо прослеживаются в историческом развитии капитализма. Отмеченное обстоятельство имеет существенное значение для познания досоциалистических, и в частности капиталистической, форм производственных отношений.

Анализ системы производственных отношений может начинаться с пункта, в котором она достигла своей классической формы, приблизилась к своей зрелости. К. Маркс в «Капитале» исследует закономерности экономической системы капитализма именно в период его полной зрелости и притом на материале страны, в которой он достиг классических форм. Это дало возможность открыть и изучить сущность, формы выражения производственных отношений капитализма вообще, безотносительно к его историческим и региональным особенностям, т. е. раскрыть законы возникновения, развития и гибели капиталистической формации в целом, которые дают возможность понять все возможные этапы капиталистической эволюции. И хотя в историческом развитии капитализма в начале XX в. вступил в монополистическую стадию, ее характерные признаки оказались вполне объяснимыми на теоретическом фундаменте «Капитала».

В сущности, домонополистический капитализм характеризует капиталистический способ производства вообще, как определенный исторический тип производственных отношений. Между тем империализм выступает как форма капитализма на стадии его разложения, включающая экономические формы, являющиеся переходными к коммунистическому способу производства.

Поэтому если можно объяснить и понять особенности империализма на основе экономической структуры капитализма вообще, то, напротив, капитализм вообще нельзя понять, если исходить из его империалистической стадии¹.

Совершенно иной тип исторического развития представляет собой коммунистический способ производства. Характерной его чертой является прогрессирующая эволюция, т. е. постоянное движение по восходящей. Но это означает, что фаза, которая характеризует его полную зрелость, есть в то же время стадия его дальнейшего развития в рамках данной социальной специфики. Именно она определяет коммунистический способ производства как особый исторический тип общественного производства. Предшествующие этой высшей фазе этапы развития выступают как подготовляющие ее и поэтому не могут рассматриваться в качестве самостоятельных экономических структур, несмотря на то что каждая из них несомненно обладает собственной спецификой. Но эта специфика характеризует не столько общие черты формации, сколько особенности, присущие каждой ступени развития. Только экономические отношения сложившегося коммунизма выступают как воплощение производственных отношений коммунистического способа производства вообще. Все же предшествующие высшей фазе этапы характеризуют процесс формирования коммунистических отношений.

Отмеченное обстоятельство определяет специфику научного отражения экономической структуры социализма. Его экономические отношения в целом не могут рассматриваться в качестве характеристики, имеющей общезначение для всех ступеней коммунистической формации. Более того, сама эта структура как исторически определенная ступень поступательного процесса станов-

¹ Подробнее см.: Цаголов Н. А. Актуальные вопросы разра-
ботки политической экономии. — «О системе категорий и законов
политической экономии». М., 1973, с. 14.

ления коммунизма может быть раскрыта и понята в полной мере лишь с позиций и на основе экономических отношений высшей фазы коммунистического общества, которая представляет собой не настоящее, а лишь будущее. Именно в этом и состоит основная теоретическая трудность анализа экономических отношений социализма как первой фазы коммунистического общества. Эта трудность имеет объективные основания. Некоторые экономисты пытаются обойти ее, ссылаясь на то, что в этом случае необходимо пользоваться приемом «забегания вперед», на который в свое время указывал В. И. Ленин и которым он пользовался при анализе экономических отношений пореформенной России. «Перед тем, — писал В. И. Ленин, — кто хочет изобразить какое-либо живое явление в его развитии, неизбежно и необходимо становится дилемма: либо забежать вперед, либо отстать. Середины тут нет. И если все данные показывают, что характер общественной эволюции именно таков, что эта эволюция зашла уже очень далеко. . . если при этом точно указаны обстоятельства и учреждения, задерживающие данную эволюцию. . . тогда в подобном забегании вперед нет никакой ошибки»¹.

Но, ссылаясь на это положение, необходимо иметь в виду, что забегание вперед как определенный методологический прием при исследовании формирующихся структур возможно лишь при одном обязательном условии. Оно состоит в том, что конечный пункт движения должен быть известен. И притом известен не в смысле предвидения, а в смысле наличного состояния. Когда В. И. Ленин исследовал основные закономерности развития пореформенной России, капиталистический способ производства как сформировавшийся тип производственных отношений был налицо. Более того, он был уже научно исследован как исторически определенный способ общественного производства. В. И. Ленин опирался на это исследование как на необходимую теоретическую предпосылку анализа эволюции русского капитализма. Стало быть, знание структуры капитализма явилось предпосылкой анализа генезиса становящейся структуры. И хотя эта последняя отличалась своими особенностями, тем не менее речь шла об общих закономерностях капиталистического способа производства.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 322 (примечание).

При исследовании процесса формирования экономической структуры коммунистического общества мы не можем отталкиваться от конечного пункта движения как наличного бытия. Конечно, законы функционирования полного коммунизма и здесь должны быть отправным пунктом, но они в данном случае выступают не в своем объективном состоянии, а как законы, полученные в результате изучения тенденций предшествующего развития, которое еще не завершилось, как результат предвидения. Как раз в этом и состоит основная теоретическая трудность изучения генезиса системы социалистических производственных отношений. Эта трудность чисто исторического происхождения. Но трудность не есть невозможность. Между тем иногда высказывается мнение, согласно которому возможность создания научной системы политической экономии социализма правомерна лишь в том случае, если социализм рассматривается в качестве особой общественно-экономической формации. Если же исходить из того, что социализм — это низшая фаза коммунистической формации, то в этом случае исключается возможность решения этой задачи ввиду неразвитости самого предмета исследования¹. Однако такая альтернатива нам представляется лишней основой. Различие социализма и вполне развитого коммунизма не может не касаться сущностных моментов. Но при этом речь идет о специфической сущности, которая не может быть общей для разных фаз. Но кроме нее имеет место более глубокая общая сущность, которая определяет единство обеих фаз коммунизма. Именно она и должна быть предметом исследования.

При рассмотрении структуры экономических отношений социализма ее необходимо исследовать как структуру коммунистического общества, как определенную ступень ее формирования, а не как независимую и самостоятельную. Если при анализе экономической структуры капитализма домонополистическую его стадию можно было исследовать саму по себе и это давало возможность объяснить и высшую стадию развития капиталистического производства, то при анализе социалистической фазы коммунистического общества ее надо брать в органической связи со всем способом производства. В данном слу-

¹ См. «Вестник Московского университета». «Экономика», 1974, № 2, с. 76.

чае объектом исследования выступает весь способ производства, закономерности его формирования и развития, а не отдельная фаза его становления. Такое положение имеет, по нашему мнению, принципиальное значение. Оно состоит в том, что как теоретически, так и практически постановка и решение вопросов экономического развития социалистического производства возможны лишь в том случае, если они рассматриваются в системе отношений способа производства как целого.

При обсуждении проблем социализма речь идет по существу не только о его специфике, но и об общекommунистических закономерностях, как они обнаруживают себя в тех особенных формах, которые присущи социализму. Ведь общее существует только в особенном и проявляет себя только через особенное. Особенное всегда находится в тех объективных связях, которые ведут к общему. Поэтому правильное решение того или иного вопроса может быть обеспечено лишь в том случае, если общее постоянно витает в нашем представлении. В противном случае особенное получает самодовлеющее значение, оно оказывается оторванным от общего. Экономические формы социализма невозможно понять и тем более практически эффективно использовать, если их рассматривать сами по себе, вне связей с закономерностями коммунистического способа производства в целом. Дело, однако, не только в этом.

Проблема соотношения общего и специфического применительно к рассматриваемому здесь вопросу должна ставиться и решаться с учетом того, что экономические отношения социализма необходимо исследовать и как процесс генезиса отношений коммунистического способа производства. Поэтому нельзя ограничиться констатацией соотношения общего и особенного в общеполитическом плане. Необходимо исходить из того, что экономические отношения социалистического производства выступают в качестве реальных исторических форм коммунистических отношений, находящихся в процессе становления. А это означает, что само общее существует реально. Таким образом выступают основное производственное отношение и основной экономический закон коммунистической формации, которые являются общими для обеих фаз его развития. Между тем некоторые авторы стремятся обосновать иной метод анализа производственных отношений социализма. Они настаивают на не-

необходимости ограничивать исследование собственным содержанием социализма. Это требование обычно аргументируется тем, что социализм представляет собой длительное, устойчивое и качественно определенное состояние общества, что ему присуща экономическая основа, отличная от собственно коммунистической, особая система экономических законов, отличная от системы законов высшей фазы коммунистической формации, и, наконец, что социализм решает свои задачи и лишь на заключительных ступенях своего развития, когда он полностью исчерпает свои возможности, произойдет непосредственное перерастание социализма в коммунизм.

При такой трактовке содержания социализма может возникнуть представление, что мы имеем дело не с фазой данного коммунистического способа производства, а с самостоятельным способом производства. Фаза исторически данного способа производства отличается от способа производства как самостоятельного социально-экономического образования прежде всего тем, что она не может иметь экономической основы, качественно отличной от присущей данному способу производства в целом. Именно поэтому фаза способа производства не может иметь собственной, присущей только ей системы экономических законов. Характерная особенность фазы способа производства состоит и в том, что динамика имманентной ей системы экономических отношений означает в то же время непосредственное создание условий перехода к его последующей фазе. Если же, напротив, данное социально-экономическое образование характеризуется наличием своей экономической основы, которая отличает его от других, если, далее, это образование обладает собственной системой экономических законов, которая управляет процессом его развития, если, наконец, оно перерастает в другое образование, лишь полностью исчерпав свои собственные возможности развития, — то в этом случае мы имеем дело не с фазой способа производства, а с самостоятельным способом производства.

Изучить и понять собственное содержание социализма возможно лишь в том случае, если исследовать его как зрелую ступень зрелости коммунистического способа производства. Поэтому исходным методологическим

¹ См. «Вопросы философии», 1976, № 6.

принципом такого исследования должно быть безусловное признание общекommуннистической основы отношений, которая присуща и социализму и полному коммунизму. Если отрицается такая основа, то это приводит в конечном счете к тому, что социализм отрывается от коммунистического способа производства. Вопрос о специфике социализма как фазы коммунистической формации может быть предметом обсуждения лишь после того, как признаны основное производственное отношение и основной экономический закон коммунизма в качестве общей основы производственных отношений в пределах всего коммунистического способа производства.

Эти положения должны рассматриваться как наиболее общие методологические требования при исследовании экономической структуры социализма. Но они сами по себе еще не решают вопроса о характере членения производственных отношений социализма в процессе их фактического исследования.

Производственные отношения социализма, несмотря на то что они несомненно специфичны как определенная ступень зрелости коммунистических отношений, тем не менее должны исследоваться как формирующееся органическое образование, а не как механическая совокупность определенных элементов, которые сосуществуют рядом. При анализе экономических отношений социализма как первой фазы коммунизма очевидна специфика экономических отношений, которые образуют отличительную особенность социализма. Но все эти формы: и общекommуннистические, и социалистические, и перешедшие от прошлого — не существуют сами по себе; они образуют известный сплав, определенное целое, которое представляет собой единство противоположностей. Это целое существует в действительности, и оно должно быть объектом научного анализа именно как целое.

Анализ целого предполагает его определенное членение. Каким же образом должно осуществляться это членение, если речь идет о производственных отношениях социализма? Иногда оно происходит таким образом, что вначале выделяют общекommуннистические отношения, затем специфически социалистические и лишь затем элементы экономических форм, унаследованные от прошлого. Очевидно, основу такого членения образует генетическая связь. Однако в структуре целого связи его компонентов далеко не исчерпываются генетическим аспек-

ом, а в определенной мере выступают как его противоположность.

Поэтому принцип членения производственных отношений только по генетическому признаку неприменим, так как эти отношения выполняют и структурные функции. Но это означает, что и все элементы производственных отношений выполняют структурные функции. Таким образом, вся система производственных отношений соединяет в себе и генезис и структуру, а потому выступает одновременно как форма функционирования и как форма развития, становления будущей системы коммунистических отношений. Весь вопрос состоит в том, чтобы в ее элементах обнаружить эти их различные характеристики. В структуре социализма представлены элементы товарно-денежных отношений, и эти последние не есть продукт социалистических отношений, они выступают как элемент формы предшествующего исторического развития, однако их нельзя рассматривать как особый структурный уровень или особый круг отношений. Они выступают как момент целого, представляющего особый тип взаимодействия, а потому и должны исследоваться в этом своем качестве. В последнее время данный тезис стал получать все большее признание среди экономистов. Свидетельством этого является четко прослеживаемая эволюция взглядов на сущность и место товарно-денежных отношений в структуре развивающегося коммунистического способа производства.

В первые годы нэпа, а затем в период построения социализма в основном, когда усилилась роль этих элементов в управлении социалистическим производством (развитие хозрасчета, товарных связей между предприятиями, упор на стоимостные показатели вала и т. п.), в теории имели место попытки изобразить социализм как разновидность товарного производства, доказать товарный характер рабочей силы и т. п. В последнее же время высказывается мнение, что стоимостные показатели не отражают ее социальной специфики.

Это свидетельствует об усилении действия генетических факторов в развитии социалистического производства, определяемого общекommунистической сущностью

¹ См. «Экономика и экономико-математические методы», 1976, № 3, с. 448. Егiazарон Е. Цель производства и показатели — «Правда», 20 сентября 1977 г.

производственных отношений. Иначе говоря, социалистическая экономика приобретает адекватные своей сущности формы реализации экономических процессов, что находит отражение и в теории.

Наряду с этим общекоммунистические черты, являясь главным структурообразующим элементом экономических отношений социализма, выступают компонентами целого и не могут рассматриваться сами по себе, вне внутренней связи с остальными элементами системы. Только представленная как определенная целостность, экономическая структура социализма может быть фазой формирующегося коммунистического общества. Но почему необходимо рассматривать структурные элементы экономической системы социализма не сами по себе, а как элементы целого? Дело в том, что свойства и закономерности развития целого несводимы к свойствам и закономерностям каждого из его компонентов, даже если иметь в виду структурообразующий элемент. Система экономических отношений социализма как целого характеризуется особыми внутренними связями, особыми закономерностями функционирования и развития. Именно закономерности ее как целого выступают внутренней движущей силой перерастания социализма в коммунизм.

Стало быть, структура социализма сама выступает как момент генезиса коммунистического способа производства, и именно поэтому она должна рассматриваться как целое, находящееся в процессе развития, поскольку закономерности ее именно как целого определяют необходимость движения в указанном направлении.

Коммунистическая система производственных отношений вырастает из реального движения противоречий, присущих производственным отношениям социализма как определенной целостности.

Соединение генетических и структурных функций взаимодействия элементов образует импульс самодвижения всей системы отношений. Например, если мы обратимся к уяснению характера труда при социализме, то отчетливо зафиксируем данный момент.

Труд всех работников общества обладает одной и той же социальной определенностью в том смысле, что все они находятся в равном отношении к средствам производства. Этот момент образует структурную характеристику системы социалистических производственных отношений. Но равенство труда содержит неравенство внут-

ри самого труда, его реальную расчлененность. В силу этого обстоятельства труд в условиях социализма социально уравнен не как потребность, а как средство к жизни, что отражает специфически исторический характер экономической системы, ибо раньше труд не обладал такой определенностью (если, разумеется, не считать первобытного общества, где такой характер носил чисто природную обусловленность). Однако данная историческая специфика и свидетельствует о недостаточной зрелости труда, так как превращает в известной мере фактическое равенство и неравенство, ибо предполагает неравенство в распределении продуктов труда. Стало быть, в своей зрелой форме равенство труда предполагает процесс распределения по потребностям. Но он одновременно есть процесс превращения труда из всеобщего средства к жизни во всеобщую потребность жизни. Характер труда при социализме обладает генетической определенностью, так же как и другие компоненты экономической системы. При иной постановке вопроса процесс перехода к коммунизму будет представлен односторонне.

Отсюда не следует, что представление об экономической структуре социализма, которая включает элементы общекommунистических отношений, специфических социалистических отношений и элементов форм, унаследованных от прошлого, является неправильным. Суть проблемы состоит в том, как исследовать эту структуру — как целое или на основе последовательного рассмотрения каждого из ее компонентов. От ответа на этот вопрос зависит структура логического отражения предмета исследования.

Таким образом, понимание производственных отношений социализма как фазы формирующегося коммунистического способа производства означает необходимость его исследования, во-первых, как целостной системы отношений и, во-вторых, как такого структурного образования, которое выступает как процесс генезиса вполне развитых коммунистических отношений. Такое исследование имеет важное теоретическое и практическое значение.

Задача политической экономии социализма не исчерпывается только мировоззренческими функциями. Экономическая теория социализма — научная основа управления процессом общественного производства. Эту свою

функцию она может выполнить, лишь опираясь на изучение действительности, рассматриваемой не в ее внешних случайных проявлениях, а со стороны внутренних зависимостей, определяющих длительные устойчивые тенденции развития системы в целом. Такое исследование позволяет обеспечить эффективное познание и использование экономических законов социализма в практике хозяйственного строительства на основе творческого учета текущих и перспективных целей экономического развития. Оно необходимо и потому, что только в этом случае оказывается возможным разграничить задачи, которые возникают на каждом этапе развития производства и отражают требования текущего момента, от задач, которые определяются магистральными тенденциями, характеризующими общую закономерность развития системы социалистических производственных отношений как фазы коммунистического способа производства.

СТРУКТУРА ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ СОЦИАЛИЗМА

§ 1. Исходные принципы анализа

Диалектика генетических и структурных функций системы производственных отношений социализма обусловлена характером формирования коммунистического способа производства. Данное обстоятельство в известной степени затрудняет ее теоретическое воспроизведение в структурном аспекте. Поэтому перед политической экономией социализма в процессе развития стоят проблемы именно этого характера.

При исследовании системы производственных отношений необходимо выделить не только связи, обеспечивающие ее воспроизводство в данной целостности, но и в первую очередь связи, детерминирующие перерастание в коммунистическую структуру, т. е. выполняющие преимущественно генетическую роль. При этом теория должна отражать экономическую структуру социализма.

Указанная проблема в экономической литературе решается посредством определения места и роли волевых отношений в экономической структуре социализма. Такая направленность исследования проблемы соотношения генетических и структурных начал его производственных отношений предопределялась тем, что в процессе становления экономических отношений социализма политико-правовые акты имеют особое значение. Они опираются не на наличные экономические формы нового способа производства, а лишь на его материальные предпосылки, которые могут быть представлены в реальной действительности далеко не в зрелых формах. В силу этого роль волевых акций, направленных на разрушение форм реализации производственных отношений капитализма и утверждение новых, становящихся отношений, неизмеримо возрастает. Завоевание политической власти и осуществление системы революционных мероприятий в стране оказывается необходимым для реализации тех материальных предпосылок, которые социализм наследует от капитализма.

Активная роль политико-правовых мероприятий Советского государства не ограничивается переходным от

капитализма к социализму периодом, ведь социализм — это первая фаза коммунистического способа производства. В течение всего периода становления коммунизма сохраняется их роль как реальных форм, в которых продолжают функционировать экономические отношения.

Данное обстоятельство воплощается в необходимости правовой охраны социалистической собственности, в нормативной регламентации условий и характера труда, в применении административных санкций за нарушение плановых заданий и т. п. Было бы ошибочно считать эти моменты формальными; они отражают объективный характер реализации экономических процессов развития коммунистического способа производства, когда непосредственно-общественная форма связи находится в процессе становления. Указанные моменты нашли отражение в новой Конституции СССР, где отмечено, что «государство охраняет социалистическую собственность и создает условия для ее преумножения»¹.

Отношение между политико-правовыми формами и их экономическим содержанием не исчерпывается причинно-следственной зависимостью. Новые элементы экономической системы не могут окончательно утвердиться, если не получают своего завершения в правовых нормах. Наряду с этим до тех пор, пока не отменены нормативные акты, отражающие функционирование тех или иных элементов экономической системы социализма, они будут учитываться в народнохозяйственном планировании и как следствие воспроизводиться экономически. Напротив, игнорирование реальных экономических процессов при планировании ведет к замедлению экономического роста.

Особая роль волевых актов в развитии социализма нашла свое отражение в положении об определяющей роли собственности на средства производства в системе производственных отношений социализма. Этот тезис правомерен постольку, поскольку речь идет не об экономической структуре коммунистического способа производства, а о ее формировании и становлении.

Тезис об определяющей роли общественной собственности на средства производства как основе производственных отношений социализма сохранял свое значение до конца 50-х — начала 60-х годов. Все публикации, ос-

вещавшие данные вопросы, исходили из полного признания указанного тезиса. Но наряду с этим в программных документах партии подчеркивался объективный характер производственных отношений социализма и присущих им экономических законов. Данное положение концентрирует внимание на исследовании происхождения волевых акций государства не в них самих, а в характере производственных отношений, в природе, формах и механизме действия его экономических законов. Политической экономии социализма предстояло определить свой собственный предмет. Но при этом оказалось, что решение данной задачи не может быть достаточно плодотворным, если исходить из положения о том, что характер производственных отношений определяется тем, в чем владении и распоряжении находятся средства производства.

Форма владения и распоряжения средствами производства может быть результатом исключительно волевых акций, но объективный характер производственных отношений требует их исследования независимо от этих акций. Необходимость обоснования практических мероприятий хозяйственной политики, таких, как реорганизация МТС и других мероприятий в области подъема сельскохозяйственного производства, выработка основных принципов совершенствования присущего социализму хозяйственного механизма, использование элементов товарно-денежных отношений и т. д. привели к осознанию того, что на основе представлений о производственных отношениях социализма как отношениях владения и распоряжения средствами производства нельзя познать их внутреннюю природу как отношений материальных, функционирующих и развивающихся на основе присущих им законов, независимых от воли и желания людей.

В последнее время большинство экономистов признают, что исследовать это отношение в качестве самостоятельного, независимого от других компонентов производственных отношений не представляется возможным².

По мере того как в процессе генезиса экономической системы коммунистического общества ее исторические

¹ «Известия», 8 октября 1977 г.

² См. «Экономические науки», 1980, № 4, с. 26; «Вопросы экономики», 1980, № 2, с. 5.

предпосылки становятся результатом собственного функционирования, т. е. продуктом воспроизводящихся экономических отношений, отношения собственности также находят соответствующие формы теоретического отражения. Исследование отношений социалистической собственности предполагает изучение объективно существующих производственных отношений социализма. Вместе с тем, пока продолжается формирование экономической структуры коммунизма, до тех пор сохраняется значение правовой деятельности социалистического общества и его органов управления, продолжающей выступать в качестве одного из условий формирования коммунистических производственных отношений. Теоретическое мышление, отражая генезис экономической системы коммунизма, констатирует как объективный факт то, что собственность на средства производства представляет собой не только главный компонент производственных отношений, но и их основу. Таково, по нашему мнению, объективное основание, которое не только объясняет, но и оправдывает правомерность сохранения различных взглядов относительно способов исследования социалистической собственности. Здесь, как и во всех других случаях, диалектика идей есть лишь отражение объективной диалектики вещей.

Но определение причин существования различных теоретических позиций по вопросу о месте собственности на средства производства в системе производственных отношений социализма отнюдь не равнозначно признанию их равноправности при решении вопроса о структуре экономических отношений. Хотя экономическая структура социализма есть в то же время этап генезиса коммунистических отношений, она представляет для этого этапа именно структуру. Поэтому ее анализ должен исходить по преимуществу из структурных функций производственных отношений.

С точки зрения экономической структуры социализм представляет первоначальную, специфически историческую ступень экономической организации коммунистической формации. Поэтому политико-экономический анализ системы его экономических отношений должен осуществляться по преимуществу логическим методом. В этом случае отношения собственности на средства производства будут рассмотрены не в формах их волевых выражений, а через систему экономических отношений.

В последнее время получил распространение тезис о необходимости анализа производственных отношений социализма посредством их субъектов. По существу это утверждение аналогично положению о собственности как о самостоятельном отношении, так как переносит акцент исследования в область анализа персонифицированного бытия отношения собственности.

Некоторые экономисты полагают, что исследование природы экономических отношений должно идти в направлении характеристики того, между кем они складываются. Считают, например, что при социализме они возникают между обществом и предприятиями, между предприятиями, между обществом и отдельными работниками, между работником и предприятием, между отдельными работниками в пределах предприятий и т. д.

Но при такой характеристике экономической структуры социализма дело сводится к констатации общих моментов, которые присущи ряду систем отношений, поскольку, как правило, существует общество и отдельные предприятия, общество и отдельные работники, не говоря уже о том, что указанные субъекты могут быть агентами и непрямых производственных отношений. Но дело не только в этом.

Когда говорят о субъектах экономической деятельности, то задача сводится к тому, чтобы, во-первых, установить специфическую форму этой деятельности и, во-вторых, определить те характерные экономические формы, в которых выступают ее субъекты. Однако эта задача может быть решена лишь посредством исследования системы производственных отношений данного общества. Следовательно, определение субъектов производственных отношений требует знания этих отношений, так как та или иная их форма возникает не потому, что существуют соответствующие ей субъекты. Напротив, эти последние существуют потому, что существует данный тип отношений. Так, например, капитал предполагает наемного рабочего и капиталиста. Но ни тот, ни другой не являются в действительности какими-то независимыми субъектами экономического процесса, конституирующими его специфически капиталистический характер. Скорее наоборот: капиталистический процесс производства определяет характерные экономические формы, в которых выступают его агенты — капиталист и наемный рабочий. Поэтому действительным субъек-

том экономического процесса, существующим и действующим независимо от желания и воли людей, является капитал.

Фигуры капиталиста и наемного рабочего выступают как персонифицированные носители капиталистического отношения. Следовательно, поскольку речь идет о субъекте экономического процесса, сам он объективизирован, т. е. выступает как определенное производственное отношение.

Признание объективного характера социалистических производственных отношений означает, что и в условиях социализма субъект экономического процесса также объективизирован: им выступает определенное производственное отношение, конституирующее сущность социально-экономического характера производственного процесса. Именно это отношение полагает те экономические формы, в которых выступают производители в качестве персонифицированных носителей этого отношения.

Отмеченная особенность субъекта экономического процесса вытекает из самой природы производства как общественного процесса. Общественный процесс производства, как уже отмечалось выше, отличается от простого процесса труда тем, что его продуктом являются не материальные блага, предназначенные для существования членов общества, а само общество как определенная система отношений, как наиболее развитая форма движения материи. Общество отнюдь не равно сумме входящих в него индивидов; оно качественно отличное от этой суммы образование, представляющее собой результат взаимодействия индивидов, каждый из которых и все вместе совершают свои действия по законам этого целого, т. е. общества, которое не зависит от каждого из них. Внутреннюю структуру общества образует система экономических отношений. Характер последних и определяет форму общества, а их законы конституируют характер экономической деятельности индивидов. Именно поэтому субъектом экономического процесса, образующего основу всех других общественных процессов, может быть лишь общественный по своей природе феномен, а не отдельные личности или их группы. Как и во всех других случаях, законы целого доминируют по отношению к отдельным его частям. Открыть субъект экономического процесса в условиях коммунистической

формации, и в частности при социализме, — значит определить законы экономической деятельности, установить природу экономического процесса, которая конституирует коммунистическую организацию производства. Выполнить эту задачу возможно лишь на основе анализа экономической структуры общества. Разумеется, нам могут возразить: ведь в реальной действительности и отдельные предприятия, и работники, и само государство выступают субъектами экономической деятельности. Выше уже указывалось на объективный характер правовой регламентации труда и его условий. Все это характеризует реальную форму субъектов производственных отношений.

В данной связи мы снова обращаем внимание на то обстоятельство, что отмеченные моменты рассматривались как формы реализации системы производственных отношений, т. е. именно она реально и выступает в качестве субъекта. Более того, в условиях социализма формы экономических явлений далеко не адекватны их сущности.

Анализ экономической структуры предполагает исследование форм ее реализации, но они должны быть познаны через саму структуру. Поэтому, несмотря на особое значение волевых актов в функционировании системы производственных отношений социализма, они суть объективная форма реализации последних, исходя из этого необходимо четко разграничивать моменты, отражающие сущность экономических отношений, от тех, которые порождены их известной самоопределенностью, т. е. необходимо отличать волевые акты социалистического государства как необходимый момент становления и развития новых отношений от самого содержания этих волевых актов. В противном же случае легко прийти к выводу о том, что «нет других законов социалистической экономики, кроме законов, вытекающих из экономической политики социалистического государства и непосредственно связанных с его действием»¹. Подобный подход приводил к тому, что к экономическим законам социализма относили диктатуру пролетариата, планирование и т. д.

По нашему мнению, с самого начала исследования следует четко видеть разницу между экономической сис-

¹ «Проблемы экономики», 1936, № 1, с. 22.

темой общества как его конституирующей основой и экономической политикой государства, представляющей форму ее реализации, в практической деятельности людей. Последняя отражает первую, но уже в преобразованном, прошедшем через сознание людей, а потому хотя и в более конкретном, но вместе с тем и более субъективированном виде. Внутренние закономерности развития социализма реализуются через конкретные законодательные политико-правовые и хозяйственно-организационные мероприятия государства. Но эти мероприятия отличаются друг от друга как по степени объективности, так и по характеру своего действия, а кроме того, и во временном аспекте.

Под системой экономических отношений общества мы имеем в виду систему его производственных отношений, которые независимы от воли и желания людей. Именно они формируют их сознание, а не наоборот. Экономическая политика государства — это уже те формы, в которых реализуются внутренние закономерности развития социализма. Они относятся к отношениям надстроечного порядка, а потому могут и должны определяться волей индивидов.

В первом случае речь идет об отношении планомерности, характере труда, степени его зрелости и т. п., во втором — о планировании, стимулировании труда и его формах и т. д. и как следствие — и о соответствующих государственных институтах.

Кроме того, необходимо учитывать и временную субординацию отношений. Экономические отношения общества едины для всего периода существования коммунистической формации (в данном случае мы имеем в виду единство внутренних закономерностей). Экономическая же политика государства реализует как раз форму их конкретно-исторического осуществления, а потому постоянно находится в процессе изменения. Иначе и не может быть, ибо она отражает именно те формы реализации экономических отношений, которые наиболее быстро реагируют на изменения внутренних и внешних условий производства. Если обратиться к историческому опыту нашей страны, то мы увидим, что в зависимости от изменения этих последних менялись и формы реализации законов функционирования социалистического производства. Примером этого является и переход от политики военного коммунизма к нэпу.

Наиболее же четко субординация экономических отношений общества и экономической политики государства отражается в движении форм хозяйственного механизма.

Новая становящаяся форма труда предполагает в качестве формы своего движения планомерность и как следствие этого — наличие единого экономического центра. Однако в условиях социализма таким центром объективно является государство, которое одновременно выполняет и политическую функцию. Как следствие экономических отношений реализуются через хозяйственную деятельность государства, но это еще не означает, что они не отличаются друг от друга. Государственные мероприятия могут в большей или меньшей степени соответствовать сущности экономических отношений.

Отмечая необходимость совершенствования управления и планирования, Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС указывал, что «если мы поняли, что непрерывно развивающееся народному хозяйству стало тесно в рамках существующего хозяйственного механизма, то его надо решительно совершенствовать»¹. Если недооценка экономической роли государства может привести к возрождению товарных отношений, то, напротив, ее переоценка приводит к попыткам решить экономические вопросы сугубо административным путем. И в том, и в другом случае нарушается объективно необходимая структура производства и замедляются темпы развития.

Таким образом, система производственных отношений социализма должна исследоваться исходя из объективных закономерностей ее развития. Этот анализ должен начинаться рассмотрением той реальной формы, в которой реализуется ее исходное экономическое отношение. Применительно к исследованию экономической структуры капитализма такой формой была товарная форма продукта труда.

Общезвестно выдвинутое К. Марксом в «Ницше философии» положение о том, что «в принципе нет обмена продуктов, но есть обмен участвующих в производстве видов труда. От способа обмена производительных сил зависит и способ обмена продуктов. Вообще форма обмена продуктов соответствует форме производства. Измените эту последнюю, и следствием этого будет из-

¹ «Материалы XXV съезда КПСС», с. 82.

менение формы обмена». Тождество формы обмена и производства покоится прежде всего на том, что обмен есть момент общественного производства. Но это существенный момент, так как он непосредственно характеризует историческую специфику последнего. Разумеется, не обмен порождает такую специфику, но он придает продукту материального производства адекватную его сущности форму. Поэтому анализ обмена продуктами, или движения продуктов, является в известном смысле существенным моментом в познании экономической структуры общества, так как он дает наиболее общее представление о специфике данной социальной формы. На это обстоятельство применительно к капитализму указывал К. Маркс, подчеркивая, что «уже в простейшей форме, в форме товара, выяснен *специфически* общественный, а отнюдь не *абсолютный* характер буржуазного производства»¹.

Как известно, товар есть прежде всего вещь, внешний предмет, продукт человеческого труда. Стало быть, вне продукта труда не существует товара. Он есть форма продукта. Последний является вещественным носителем этой формы. Но товар — не просто вещь, он есть форма общественной определенности продукта труда, его экономическая форма. Она не обусловлена ни его телесной формой, ни его структурой со стороны трудовых затрат, хотя продукт труда как товар должен обладать тем и другим.

Продукт труда как товар является носителем определенного общественного отношения между агентами производства. Он выражает особый способ связи между затратами труда и общественными потребностями, между производством продуктов и их потреблением. Особенность этой связи состоит в том, что полезные свойства продукта труда реализуются не в потреблении того, кто его произвел, а в потреблении членов общества. Чтобы быть товаром, продукт труда должен обладать не просто потребительной стоимостью, а общественной потребительной стоимостью. Но прежде чем поступить в потребление общества, т. е. прежде чем реализовать свою потребительную стоимость, товар должен обнаружить свою принадлежность к общественным зат-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 108.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 375.

ратам труда как дробную часть той массы труда, которую общество должно затратить для удовлетворения определенной общественной потребности. Продукт труда приобретает товарную форму, если он обладает наряду со своей телесной формой еще и формой стоимости, благодаря которой труд, воплощенный в товаре, обнаруживает себя как часть труда всего общества.

Но форма стоимости какого-либо товара есть его стоимостное отношение к другому товару (x товара А = y товара В), в котором бытие товара А как носителя определенной части общественного труда обнаруживается в натуральной форме, т. е. через потребительную стоимость товара В. Вещественная форма последнего становится, таким образом, формой стоимости первого. Следовательно, отношения между агентами производства в условиях товарного производства выражаются и обнаруживаются посредством отношений между вещами, носят вещный характер. Это обусловлено не свойствами продуктов труда, а характером общественных отношений. В условиях, когда отношения людей выражаются посредством отношений между вещами, все категории, характеризующие экономическую структуру буржуазного общества, материализуются в продукте, его натуральных и стоимостных формах. Речь идет не о продукте вообще, а о его определенной общественной форме. Специфика этой общественной формы для товарного производства состоит в том, что общественная определенность, в которой выступают продукты труда, срастается с их натуральными формами.

Движение капитала начинается с денег — этого предметного бытия отношений товарного производства. Необходимым условием превращения денег в капитал является распространение отношений товарного производства на рабочую силу, что означает всеобщий характер товарной формы продуктов труда. Именно превращение способности к труду в товар конституирует общественную определенность условий производства, его результатов и конкретных форм, в которых они вещественно воплощаются. Историческим фактором утверждения решающего условия капиталистического способа производства явилась насильственная экспроприация масс трудящихся, освобождение их от условий производства и монополизация последних буржуазией. Но указанная предпосылка лежит за пределами экономических отно-

шений капиталистического способа производства. Это его предэкономическое условие.

Поэтому, чтобы стать реальным элементом экономической структуры буржуазного общества, эта предпосылка должна экономически реализовать себя в процессе производства, т. е. постоянно воспроизводиться как его собственный результат. А это возможно обеспечить лишь соответствующей стоимостной структурой произведенного продукта и соответствующей формой движения ее элементов. Как показал К. Маркс, предпосылки капиталистического способа производства реализуются и воспроизводятся таким образом, что стоимостная структура произведенного продукта содержит в себе кроме стоимости потребленных вещественных условий производства и эквивалента стоимости рабочей силы еще и избыток над этим последним — прибавочную стоимость, являющуюся специфически исторической формой прибавочного продукта. Именно благодаря присвоению прибавочной стоимости собственник условий производства воспроизводит себя как капиталист.

Форма движения прибавочной стоимости является фактором воспроизводства фигуры не только капиталиста, но и наемного рабочего, поскольку последний может получить эквивалент стоимости своей рабочей силы лишь при условии, что его труд постоянно создает избыток над ним. Капиталистический способ производства определяется особой формой производства и присвоения прибавочного продукта, которая обуславливает стоимостную структуру продукта капитала, характеризует его количественные границы. Прибавочный продукт, выступающий в специфической форме прибавочной стоимости, конституирует и экономическую определенность условий производства, которые принимают форму постоянного и переменного капитала.

Исследование К. Марксом глубинной сущности экономических отношений капитала основывалось на анализе условий и результатов производства капитала, рассматриваемого как индивидуальный капитал. Такой способ анализа дал возможность выявить основное производственное отношение капитализма — отношение эксплуатации наемного труда капиталом.

Но анализ капиталистической системы не может быть ограничен данным выше определением, характеризующим взаимные отношения труда и капитала,

Кроме этого существуют определенные отношения внутри класса капиталистов, которые также исследуются К. Марксом в связи с движением элементов стоимостной структуры продукта капиталистического производства. Но если в первом случае форма движения результата капиталистического производства рассматривается как продукт индивидуального капитала, то во втором случае исследуется движение товарного продукта отдельных отраслей. Тогда уже оказывается недостаточным рассмотрение членения структуры продукта в форме $C + (V + m)$. Последнее пригодно для характеристики отношений производства в собственном смысле. Между тем движение продукта в межотраслевом разрезе предполагает и обращение. Ведь отношения между различными отраслями означают единство процесса производства и процесса обращения. Но для этой цели необходима другая группировка элементов стоимостной структуры продукта, которая характеризуется как $(C + V) + m$.

Такое членение соответствует объективным условиям капиталистического производства, при котором каждый индивидуальный капитал представляет лишь часть всего общественного капитала. И для того чтобы воспроизвести себя именно как часть всего капитала общества, каждый капитал должен прежде всего находиться в равных условиях в отношении возмещения своих издержек, поскольку эти последние образуют реальную границу приложения средств. Но равенство в отношении возмещения затрат предполагает и равенство в доле совокупной прибавочной стоимости. Одно без другого невозможно. Между тем различные индивидуальные капиталы производят неравную долю совокупной прибавочной стоимости. Это противоречие разрешается в форме образования средней прибыли на капитал, которая возникает в результате межотраслевой конкуренции.

Анализ К. Марксом движения продукта капиталистического производства в разрезе межотраслевых связей позволил определить конкретные формы реализации закона прибавочной стоимости и обосновать противоречие между совокупным рабочим и совокупным капиталистом. Наряду с этим в определенных пунктах исследования сущностью, определяющей специфику отношений буржуазного общества, становится потребительная

стоимость продукта. Так, например, происходит при анализе товара рабочая сила, воспроизводства общественного капитала и т. п.

Анализ движения стоимостных и натуральных элементов форм общественного продукта позволил К. Марксу определить основные закономерности и механизмы образования общественных фондов, обеспечивающих возмещение потребленных средств производства, удовлетворение личных потребностей общества, а также возможность накопления.

Мы видим, таким образом, что основой исследования категорий и законов капиталистического способа производства является изучение специфических форм движения как продукта в целом, так и отдельных его элементов по стоимости и в натуре. Анализ движения продукта с целью выяснения характера экономической структуры данной общественной организации предполагает определение той общественной формы продукта, которая образует генетическую основу этой структуры. Таковы основные моменты, которые характеризуют способ анализа специфических экономических форм товарного и капиталистического производства.

Нам представляется, что отмеченные моменты имеют важное общеметодологическое и теоретическое значение при исследовании системы производственных отношений социалистического общества.

§ 2. Движение продукта и его элементов

Поскольку социализм является той ступенью развития коммунистического общества, где труд сохраняет свою определенность в качестве главного средства к жизни, то сам процесс развития еще в значительной мере детерминирован производством предметного богатства. Характеризуя это обстоятельство, К. Маркс отмечал, что «здесь, очевидно, господствует тот же принцип, который регулирует обмен товаров, поскольку последний есть обмен равных стоимостей. Содержание и форма здесь изменились, потому что при изменившихся обстоятельствах никто не может дать ничего, кроме своего труда, и потому что, с другой стороны, в собственность отдельных лиц не может перейти ничто, кроме индивидуальных предметов потребления. Но что касается распределения последних между отдельными производи-

телями, то здесь господствует тот же принцип, что и при обмене товарными эквивалентами: известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой»¹.

Указанное обстоятельство и предполагает как специфику общественной формы социалистического продукта, так и характер движения его элементов. В настоящее время все большее признание завоевывает тезис о нетоварной природе социалистического продукта. Эта его черта определяется тем, что с ликвидацией монополии частной собственности происходит снятие противоречия между частным и общественным характером труда. Более того, то обстоятельство, что оплата труда рабочих не ставится в непосредственную зависимость от выполнения плана реализации коллективами предприятий, означает, что затраты индивидуальной рабочей силы с самого начала признаются общественно необходимыми.

Но этот факт отнюдь не означает, что таковыми признаются любые затраты труда, поскольку обществу далеко не безразлично, какая часть совокупного рабочего времени затрачивается на производство той или иной продукции. В условиях, когда еще сохраняется относительная экономическая самостоятельность первичных хозяйственных звеньев и не до конца преодолены социально-экономические различия в труде, установление величин общественно необходимых затрат осуществляется через использование элементов товарно-денежных отношений. Соответственно этому и движение продукта получает некоторые атрибуты товарного обмена. При анализе элементов продукта с точки зрения структуры овеществленного в продукте труда последний и в условиях социализма состоит из материальных затрат и чистого продукта, который в свою очередь распадается на необходимый и прибавочный продукт.

Конечно, наличие этих элементов не характеризует особенностей экономической системы социализма. Вопрос заключается совсем не в том, чтобы доказать наличие необходимого и прибавочного продукта как особых элементов в составе чистого продукта социалистического производства. Решение этой задачи мало даст для понимания особенностей производственных отношений со-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 18—19.

циализма. Суть вопроса заключается именно в том, чтобы выяснить их социально-экономическую форму, конституирующую глубинную сущность экономических отношений социалистического общества¹. Вот почему, по нашему мнению, часто встречающиеся в экономической литературе споры о том, является ли тот или иной элемент фонда потребления выражением необходимого или прибавочного продукта, исключают возможность правильного ответа, поскольку не выяснено конкретное социально-экономическое содержание ни необходимого, ни прибавочного продукта, выражающее специфику экономической структуры социализма.

Главной задачей, решение которой определяет возможность правильной ориентации в ряде коренных проблем политической экономии социализма, является определение основной конституирующей социализм формы выражения элементов чистого продукта. Начнем исследование с выяснения специфического социально-экономического содержания прибавочного продукта. Это обусловлено той особой функцией, которую он продолжает выполнять и в условиях социализма. Как известно, одной из определяющих функций общества в конечном счете является функция накопления. Но главным источником ее реализации выступает как раз прибавочный продукт.

Иногда утверждают, что форма движения прибавочного продукта характеризует отношения распределения и обусловлена законами этого последнего. Это утверждение можно было признать правильным лишь при предположении, что речь идет о распределении условий производства, т. е. по существу о самом производстве. Но оно является неверным, если речь идет о распределении в собственном смысле. «Если обратиться к обычным сочинениям по политической экономии, — писал К. Маркс, — то прежде всего бросается в глаза, что все в них дается в двойном виде. Например, в распределении фигурируют земельная рента, заработная плата, процент и прибыль, в то время как в производстве в

¹ Необходимый и прибавочный продукт следует рассматривать в двух основных измерениях. Во-первых, они могут характеризовать отношения между обществом и природой; во-вторых, они могут характеризовать специфику исторически данной экономической системы общества.

качестве его факторов фигурируют земля, труд, капитал. Относительно капитала с самого начала ясно, что он определяется двояко: 1) как фактор производства, 2) как источник дохода, как фактор, определяющий известные формы распределения. Процент и прибыль фигурируют поэтому как таковые также и в производстве, поскольку они представляют собой те формы, в которых увеличивается, возрастает капитал, следовательно, представляют собой моменты производства самого капитала»¹.

Из приведенного положения К. Маркса ясно, что формы прибавочного продукта характеризуют по преимуществу непосредственные отношения производства. Более того, форма его движения выступает одним из решающих экономических факторов воспроизводства данного типа отношений производства. Как известно, исходной предпосылкой социалистических производственных отношений явилась экспроприация рабочим классом буржуазии и установление общественной собственности на решающие условия производства. Такое коренное изменение в распределении средств производства было осуществлено путем волевых актов завоевавшего политическую власть пролетариата. Но волевые акты являются, как правило, однократными. Их результаты должны быть закреплены определенным характером производства условий жизни. Решающим средством осуществления этой задачи является создание целой системы новых организационных отношений, посредством которых может функционировать производство и распределение продуктов, необходимых для десятков миллионов людей. Задача эта чрезвычайно сложная и чрезвычайно длительная, охватывающая десятилетия. Материальными предпосылками ее решения являются не законодательные акты, а уровень производительных сил, степень развития форм их общественной организации.

Форма движения прибавочного продукта, присущая на первых порах социализму, материально подготовлена уровнем развития производительных сил, который достигается в пределах капиталистического способа производства. Об этом убедительно свидетельствует период господства монополий, и в особенности государст-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 720—721.

венно-монополистический капитализм. Современные данные говорят о том, что буржуазное общество в условиях научно-технической революции оказывается вынужденным все в большей мере изучать и обращаться к методам регулирования процессом накопления общественного производства, в определенной степени аккумулировать в руках государства необходимые для этого ресурсы фонда расширенного воспроизводства. В этом и состоит одна из тех особенностей современного монополистического капитализма, которая характеризовалась в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии как приспособление капитализма к новым условиям.

Итак, требование, обусловленное современным состоянием производительных сил, состоит в необходимости сосредоточить в руках общества подавляющую долю прибавочного продукта, так как только в этом случае возможно сознательно управлять общественным производством. Но современный капитализм не может реализовать данное требование в силу того, что его основным законом является обеспечение максимума прибыли, в которой экономически реализуется право буржуазной собственности. Поэтому данная потребность предполагает уничтожение тех правовых и экономических условий, для которых форма прибыли является единственно возможным способом их существования и воспроизводства.

Социализм характеризуется принципиально иной формой движения прибавочного продукта, при которой этот последний в своей подавляющей части систематически аккумулируется в руках государства, выступающего как экономический орган общества. Именно такая форма движения прибавочного продукта является материальным основанием, обеспечивающим контроль общества над своим собственным процессом производства условий жизни, т. е. сознательное его управление.

Прибавочный продукт создается производительным трудом работников социалистического общества. То обстоятельство, что он в подавляющей своей части присваивается обществом в целом и используется в интересах всего общества, означает социально-экономическое равенство всех членов общества как участников единой, социально однородной трудовой ассоциации.

Присвоение прибавочного продукта всем обществом означает коренное изменение характера и источников

формирования ресурсов отдельных производственных звеньев. Отличительной особенностью социалистического характера отношений производства является первоначальное формирование средств предприятий за счет всего общества. Такой способ формирования средств означает не только преодоление границ индивидуальных или ассоциированных капиталов, которые характеризуют пределы капиталистического воспроизводства, но и предварительный учет общественных потребностей, удовлетворение которых обеспечивается организацией производства за счет всего общества.

С первого взгляда может показаться, что организация производства за счет всего общества, которая осуществляется в форме первоначального формирования средств отдельных предприятий за счет ресурсов общества, является характерной особенностью отношений производства в пределах государственной формы социалистической собственности. Что же касается колхозно-кооперативной формы производства, то здесь все основные экономические процессы осуществляются на основе использования ресурсов отдельных колхозов. Однако такое представление фиксирует лишь поверхностные формы проявления внутренних связей социалистического производства.

Колхозно-кооперативная форма производства не отменяет основных закономерностей экономических отношений социалистического общества, тем более что речь идет о таких коренных чертах социалистического типа отношений, которые определяют их глубинную сущность. А организация средств отдельных предприятий за счет ресурсов всего общества относится именно к такого рода чертам¹. Колхозно-кооперативная форма отличается от государственной формы социалистической собственности не по глубинной сущности, характеризующей социалистический тип отношений, а лишь по формам проявления. Речь может идти, следовательно, не о

¹ Конкретные особенности организации производства за счет всего общества, которые обусловлены необходимостью экономического стимулирования наиболее эффективного использования этих средств отдельными хозяйственными звеньями, например организация капитального строительства на началах кредитования, отнюдь не отменяют положения о том, что источником первоначального формирования средств отдельных предприятий являются ресурсы всего общества.

коренных отличиях, а об особенностях в пределах общности коренных отношений. Поэтому тезис о том, что процесс воспроизводства в колхозах осуществляется исключительно за счет средств, принадлежащих отдельным коллективным хозяйствам, находится в противоречии с реальными отношениями социалистического производства. С первых шагов аграрных преобразований в нашей стране вплоть до настоящего времени Советское государство как орган всего общества последовательно осуществляло функцию организации производства, являющуюся одной из главных черт социалистического типа отношений.

Речь может идти лишь, во-первых, об особых формах реализации этой функции применительно к колхозно-кооперативному сектору экономики и, во-вторых, о реальных возможностях, которыми располагало государство на различных этапах социалистического строительства. Но ни то, ни другое не должно заслонять главного — единства отношений в масштабе всего народного хозяйства, коренных принципов социалистической организации производства, в каких бы конкретных формах они ни осуществлялись. Вот почему существующее представление о том, будто общенародные отношения собственности ограничены пределами государственной социалистической собственности, является, по нашему мнению, неправильным. Такого рода утверждения основаны на смешении юридического понимания собственности с экономическим ее содержанием. Если же иметь в виду именно это последнее, то окажется, что по своей глубинной сущности экономические отношения в пределах государственного сектора народного хозяйства идентичны с экономическими отношениями в колхозно-кооперативном секторе. Эта основополагающая черта социалистических отношений может быть определена на основе движения прежде всего прибавочного продукта. Не случайно В. И. Ленин усматривал в присвоении прибавочного продукта всеми трудящимися главный отличительный признак производственных отношений социализма по сравнению с антагонистическими формами экономической организации общества¹.

Едва ли следует доказывать, что прибавочный продукт, созданный трудом работников государственных

¹ См. Ленинский сборник XI, с. 381—382.

предприятий, равно как и прибавочный продукт, созданный трудом колхозников, в подавляющей своей части аккумулируется Советским государством и используется в соответствии с потребностями общества в целом. Наряду с этим в настоящее время Советским государством выделяются громадные средства на развитие сельского хозяйства, и в особенности колхозов.

Вот некоторые фактические данные, иллюстрирующие это положение. Если в 1961—1965 гг. капитальные вложения в сельское хозяйство составляли 19,6% общего их объема по всему народному хозяйству, то в 1966—1970 гг. — 23,2, а в 1971—1975 гг. — 26,2%. Более быстрый рост капитальных вложений в сельское хозяйство сравнительно со всем народным хозяйством сохраняется и в десятой пятилетке. Общие капитальные вложения в народное хозяйство увеличатся за 1976—1980 гг. на 24—26%, тогда как в сельское хозяйство — на 31%¹. Кроме того, выделяются значительные ассигнования на техническое перевооружение сельского хозяйства, повышение агрокультуры, происходит быстрый рост как общественных доходов колхозов, так и личных доходов колхозников. Темпы роста тех и других за последние 15 лет значительно обгоняют темпы роста продукции сельского хозяйства и производительности труда в этой отрасли. Однако не следует отождествлять государственную и колхозно-кооперативную формы производственных отношений социализма. Они различаются по степени зрелости, хотя и однотипны по своему существу, и эти различия нельзя не учитывать в экономической политике. Но данные различия относятся к формам реализации сущностных связей социалистического производства, а не к глубинной сущности, как таковой.

Присвоение преобладающей части прибавочного продукта всем обществом определяет не только возможность и необходимость первоначального формирования за счет ресурсов общества вещественных факторов производства. Оно включает в качестве конституирующей черты и воспроизводство за счет общества личного фактора². При социализме это обнаруживается прежде всего в том, что общество берет на себя функции, име-

¹ См. «Вопросы экономики», 1976, № 7, с. 68.

² Хотя непосредственным источником такого воспроизводства выступает не прибавочный, а необходимый продукт.

ющие общегосударственное значение. К ним относятся общие условия, обеспечивающие воспроизводство личного фактора: просвещение, здравоохранение, социальное обеспечение, в особенности охрана материнства и детства. Эти потребности удовлетворяются непосредственно за счет общества. Что касается другой группы потребностей, которые образуют необходимое условие воспроизводства рабочей силы, — обеспечение в общегосударственном масштабе условий труда, характера и форм его оплаты, экстенсивной и интенсивной величины затрат рабочего времени и другие, то и здесь участие общества является решающим, хотя источником удовлетворения этих потребностей и не являются средства общества непосредственно.

Таким образом, коренное изменение формы движения прибавочного продукта обусловило существенное изменение в движении других элементов структуры продукта, в которых материально фиксируются глубинные связи социалистического производства. Рассмотренная форма движения элементов структуры продукта в социалистическом обществе является выражением той стороны производственных отношений, которая относится к общекommунистическим чертам. Она характеризует становление общенародной кооперации труда¹, для которой характерно непосредственное сотрудничество всех членов общества, преодоление социально-экономических различий в труде, полное социально-экономическое равенство.

Но отмеченные формы не исчерпывают характера присущих социализму отношений производства. Социалистическая фаза коммунизма характеризуется и определенными особенностями, которые отличают ее от полного коммунизма. Эта сторона экономической структуры социализма также выражается и фиксируется в формах движения элементов структуры произведенного социалистическими предприятиями продукта со стороны овеществленного в нем труда. В какой же форме движения прибавочного продукта фиксируются особенности социализма?

¹ В данном случае общенародная кооперация труда рассматривается со стороны ее специфически экономического содержания как характеристика экономической системы коммунистического способа производства.

Характерная его особенность состоит прежде всего в том, что определенная доля прибавочного продукта не поступает в распоряжение социалистического государства непосредственно, а закрепляется за отдельными производственными звеньями и используется в интересах их коллективов. Такая форма конституирует одну из существенных черт экономических отношений социализма — наличие кооперации труда, ограниченной пределами отдельных производственных звеньев коллективного экономического интереса, не тождественного с общенародным интересом. Конечно, эта сторона отношений выражается не только в соответствующей форме движения прибавочного продукта. Она проявляется, кроме того, в специфической форме движения основной части необходимого продукта, которая выступает в специфической определенности заработной платы и оплаты труда в колхозах. Кроме того (и это весьма существенно), определенной особенностью характеризуется и движение той части структуры продукта отдельного предприятия, которая обязана своим присутствием потребленным элементам прошлого труда. Дело в том, что эта часть, как и часть, эквивалентная заработной плате, размещается посредством реализации продукта отдельными предприятиями за деньги и представляет поэтому часть их выручки. Эта часть возмещает затраты предприятия, являющиеся нижним пределом, обеспечивающим возможность его хозяйственной деятельности.

Наличие отношений относительной самостоятельности первичных хозяйственных звеньев в системе социалистического производства, которая отражается в специфических формах движения элементов продукта, фиксируется и в том, что прибавочный продукт в своем движении принимает различные формы — форму прибыли промышленных предприятий, торговой прибыли, ссудного процента и дифференциальной ренты, которые, являясь частями чистого продукта, выражают не только определенную самостоятельность производственных звеньев в различных отраслях приложения производительного труда, но и, кроме того, относительную самостоятельность различных сфер процесса воспроизводства. Это приводит к тому, что различные формы, в которых фиксируется в своем движении прибавочный продукт, выступают как формы его экономической модификации.

Отмеченная особенность движения элементов структуры продукта, характеризующая наличие кооперации труда в пределах отдельных хозяйственных звеньев и соответствующего экономического интереса, определяет особенности отношений социалистического производства в масштабе всего общества, а не в пределах какой-либо одной формы производственных отношений социализма. Поэтому она присуща отношениям в пределах как государственной (общенародной) формы социалистической собственности, так и колхозно-кооперативной. Это разумеется, не исключает особенностей проявления этой черты социалистических отношений производства в различных секторах. Однако эти особенности не отменяют общей сущности. Она состоит как раз в том, что по своему содержанию, характеризующему социально-экономический тип хозяйства, и государственная и колхозно-кооперативная формы социалистической собственности выступают как однотипные, сочетающие в себе элементы общенародной и элементы коллективной кооперации труда и соответствующие им экономические интересы. Такой характер однотипности может быть установлен лишь на основе анализа форм движения элементов структуры продукта социалистических предприятий. Именно этот анализ является средством познания внутреннего строения экономических отношений социалистического общества. В противном случае их исследование неизбежно должно будет ограничиваться по преимуществу политико-юридическими формами выражения, рассмотрением конкретных хозяйственных актов.

Между тем результаты, полученные на основе рассмотрения движения элементов структуры продукта, и те, которые получаются на основе рассмотрения политико-юридических и хозяйственно-организационных форм производственных отношений, оказываются далеко не тождественными. В первом случае и общенародная и колхозно-кооперативная формы производственных отношений социализма получают свое определение как один и тот же по своей конкретной сущности тип отношений, который характеризуется сочетанием и переплетением общенародной кооперации труда и элементов коллективной кооперации, подчиняющийся в своем развитии одним и тем же экономическим законам, конституирующим определяющую роль общекоммунистических отношений производства. В том же случае, когда мы будем

исследовать природу экономической структуры социализма, отправляясь от объектов собственности, результатом получится уже иной. Окажется, что общенародная и колхозно-кооперативная формы социалистической собственности по своей конкретной сущности, определяемой характером этих объектов, будут разными. Единство же их будет фиксироваться не как конкретно-историческая сущность, а как абстрактно-всеобщее. В этом случае обычно указывают на то, что обе формы являются формами общественной собственности, которые исключают эксплуатацию. Но при такой трактовке их единство получает всеобщее абстрактное выражение, поскольку его содержание не фиксирует состояние экономических форм именно социалистической фазы развития коммунизма, а указывает на то общее, что присуще вообще непосредственно ассоциированным формам производства.

Иначе говоря, в первом случае мы действительно обнаруживаем внутреннюю основу единства различных форм социалистического производства и получаем таким образом возможность определить и их различие. Во втором же случае, напротив, на первый план по необходимости выдвигаются различия двух форм производственных отношений социализма, и притом в таком виде, который исключает возможность понимания того, почему эти различия допускают действия одних и тех же экономических законов в масштабе всего общества. Поэтому едва ли можно согласиться с экономистами, полагающими, что экономические формы социалистического производства со стороны их внутреннего содержания адекватны экономическим отношениям, выраженным в категориях собственности на средства производства. Суть дела состоит как раз в том, что в первом случае мы получаем возможность определить содержание внутренних, наиболее глубинных связей социалистического производства, тогда как во втором случае эти связи выступают в том виде, как они обнаруживаются в политико-правовых и конкретно-хозяйственных формах своего выражения.

Но это далеко не одни и те же связи. В самом деле, если исходить из того, что форма собственности на средства производства является фактором, определяющим все другие отношения, то в этом случае государственная (общенародная) форма социалистической собственности должна была бы определять такую форму

движения прибавочного продукта, при которой этот последний должен был бы целиком аккумулироваться в руках Советского государства. Напротив, колхозно-кооперативная форма должна была бы определить такую форму его движения, при которой он должен полностью поступать в распоряжение отдельных колхозов. Между тем движение прибавочного продукта, отражающее действительное положение, существенно отличается. Но это означает, что на основе собственности на средства производства, как она выражена в политико-юридических и хозяйственно-организационных формах, мы лишены возможности понять глубинные связи социалистического производства. Наоборот, лишь обнаружив эти связи на основе анализа движения элементов структуры продукта, мы в состоянии определить экономическое содержание социалистической собственности и объяснить, почему это содержание реально существует в различных формах.

Исследование производственных отношений на основе рассмотрения форм движения элементов структуры продукта даст возможность не только выявить наличие в системе экономической структуры социализма отношений, определяемых, с одной стороны, общественной кооперацией труда, а с другой — кооперацией, охватывающей лишь отдельные звенья производственного процесса общества, но и выявить взаимные отношения этих различных сторон. Указанные моменты отнюдь не представляют собой каких-то совершенно самостоятельных и независимых друг от друга образований, а являются лишь различными сторонами единой системы отношений.

Это означает, что элементы известной хозяйственной самостоятельности, которые экономически характеризуют кооперацию труда в пределах отдельных предприятий, носят относительный характер, что находит свое выражение в том, что, хотя издержки производства, отражающие их производственные затраты, обособляются и самостоятельно учитываются, тем не менее они выступают именно как часть издержек всего общества. Это касается прежде всего такого их элемента, который представлен затратами прошлого труда.

Последний хотя и отражает затраты средств производства, произведенные отдельными предприятиями, но, во-первых, первоначальным источником, за счет кото-

рого были произведены эти затраты, являлись не ресурсы отдельного предприятия, а ресурсы всего общества. Во-вторых, уровень цены продукта предприятия, на которой должны быть покрыты эти затраты, заранее известен, поскольку он определяется обществом в целом.

Третьих, предприятие приобретает вещественные элементы, возмещающие потребленные средства производства, также по ценам, которые определены обществом. Заранее известны предприятиям. В-четвертых, процесс возмещения этих затрат находится под контролем общества. И наконец, в-пятых, в случае необходимости общество содействует процессу возмещения затрат прошлого труда на отдельном предприятии за счет средств общества, в частности поскольку речь идет о необходимости их возмещения на новой технической основе.

Вышесказанное в полной мере относится и к такому элементу затрат предприятия, каким является заработная плата. В условиях полной хозяйственной самостоятельности элемент структуры продукта, равный заработной плате, выступает как расход для отдельного предприятия. В социалистическом производстве ограниченность и относительность хозяйственной самостоятельности находят свое выражение в том, что этот элемент выступает не только как расход, но и как доход. Иначе говоря, он имеет двойную экономическую определенность.

Особенно наглядно выражается неполнота самостоятельности отдельных предприятий, когда речь идет о прибавочном продукте. В условиях полной самостоятельности этот элемент целиком закрепляется за предприятием. Если же и происходит его распределение, как это имеет место в процессе межотраслевой конкуренции, то в этом случае образуется общественный норматив прибавочного продукта в форме средней прибыли, приходящийся на каждую единицу затрат. Отдельные предприятия присваивают долю совокупного прибавочного продукта на основании этого норматива. Социалистическое общество не знает такого норматива в качестве регулятора нормы рентабельности вложений, единой для всех отраслей и регламентирующей производственную деятельность отдельных хозяйственных звеньев. Отсутствие такой нормы в качестве регулятора, определяющего направление вложений, свидетельствует о том, что здесь действуют совершенно новые законы. Это говорит

о том, что и отношения обособленности являются ограниченными, неполными, относительными, подчиненными отношениям общенародной кооперации, но не означают возможности их игнорирования или недооценки в хозяйственной политике.

Если отношения кооперации труда, ограниченной пределами отдельных звеньев, являются подчиненными интересам отдельных коллективов не отражают магистральных тенденций развития социализма, то наличие этих отношений и соответствующих им интересов свидетельствует о том, что и общенародные интересы, выражающие отношения общенародной кооперации, хотя они и выступают в качестве господствующих и определяющих, также характеризуются известной неполнотой своего развития. Они еще не сложились в полной мере, находятся в процессе своего становления, а поэтому и не могут пока еще быть единственными. Это не может не отразиться и на присущих социалистической фазе развития экономических категориях и экономических законах, которые характеризуют первую ступень экономической зрелости коммунизма.

Отмеченное обстоятельство имеет принципиальное методологическое значение при исследовании экономических форм социализма. Оно состоит в необходимости соблюдения строго определенных границ абстрагирования, о чем будет идти речь ниже.

Таковы те наиболее общие результаты, которые вытекают из рассмотрения движения элементов производственной структуры продукта социалистического производства применительно к выяснению наиболее существенных черт производственных отношений социалистического общества.

§ 3. Процесс социалистического производства

Исследование движения продукта и его элементов дает нам наиболее общее отражение существующей экономической структуры производства. Но в этом отражении еще не фиксируется момент ее внутреннего саморазвития, так как определение структуры, строго говоря, не предполагает выделения ее движущих сил, ибо она сама в снятом виде воспроизводит эти внутренние закономерности своего собственного развития. Поэтому

применительно к исследованию вполне сформировавшихся структур правомерно ограничиться исследованием тех моментов, которые реализуются через движение продукта и его элементов. Но дело в том, что социализм есть первая фаза коммунистического способа производства и поэтому движение его экономической структуры одновременно есть генезис структуры полного коммунизма. Исходя из этого очевидно, что раскрытие структурных связей социализма не может быть исчерпано лишь рассмотрением движения продукта, оно должно быть увязано с диалектикой самого процесса социалистического производства, т. е. с анализом диалектики вещественных и личных факторов, сущности самого производственного процесса и т. д.

По данному вопросу имеется большое число публикаций. Но здесь мы остановимся лишь на тех аспектах, которые непосредственно вытекают из общей логики этой работы и относятся к кругу ее проблематики. Поэтому процесс социалистического производства мы будем анализировать именно в разрезе его структурно-генетических связей. Это необходимо прежде всего для того, чтобы вскрыть в каждом из его моментов не только те связи, которые направлены на укрепление целостности данного состояния, но и те, которые непосредственно детерминируют процесс их унификации в собственно коммунистические.

Остановимся прежде всего на определении экономической природы вещественных факторов социалистического процесса производства. Если рассматривать вещественные условия производительного процесса в плане простого процесса труда, то им чужды какие бы то ни было социальные определения. Они суть средства производства и не более. В действительном же общественном процессе производства, поскольку последний всегда выступает в конкретно-исторической форме, средства производства существуют в своей социальной определенности. Они суть носители определенных социальных функций и одновременно материальный фактор их реализации. Это в полной мере относится и к средствам производства коммунистического общества. Речь идет при этом не только об их социальной определенности в статичном состоянии, но и, что особенно важно, о социальной определенности с точки зрения определения их исторической динамики.

Данное обстоятельство имеет принципиальное значение при исследовании закономерностей формирования материально-технической базы коммунизма. Обсуждение этой проблемы в литературе иногда приобретает техническую направленность. Утверждается, например, что материально-техническая база коммунизма означает полную автоматизацию производственных процессов, которая предполагает не только саморегулирующуюся систему устройства, но и коренное изменение технологий, способов контроля и регулирования производства и т. д. Такого рода утверждения в общем, конечно, правы. Но при этом необходимо учитывать и социальный момент. Создание материально-технической базы коммунизма предполагает решение не столько технических, сколько социально-экономических проблем. Поэтому, поскольку речь идет о вещественных факторах производства коммунистического общества, задача состоит прежде всего в том, чтобы выявить их социальную форму, так как именно она определяет их как средства производства исторически данного общества.

Наиболее характерная особенность экономической природы вещественных факторов производства коммунистического общества состоит в том, что они выступают уже не как нечто противостоящее рабочему и применяемое его для увеличения заключенного в них овеществленного труда, а как средство функционирования живого труда. Иначе говоря, в процессе социалистического производства в корне меняется взаимоположенность живого и овеществленного труда, ибо оно направлено не на увеличение второго, а, напротив, на всемерное развитие живого труда, деятельности человека. Соответственно этому в корне меняется и социально-экономическая определенность вещественных факторов производства. В рамках капитализма они обладали социальной формой лишь в той степени, в которой служили средством экономического принуждения к труду, т. е. в той мере, в которой они осуществлялись как основной капитал.

Коммунистическое производство, напротив, не есть система производственно-экономическая в собственном смысле этого термина; она суть система социально-экономическая. И чем полнее развит коммунистический тип отношений, тем в большей мере получает развитие социальный элемент, который обусловлен необходимостью

развития личностных сил человека. Именно это положение образует определяющий компонент теоретической модели коммунизма, выработанный классиками марксизма. Характеризуя место и роль человека в производственном процессе коммунистического общества, К. Маркс утверждал, что рабочий становится рядом с процессом производства, вместо того чтобы быть его главным агентом. В этом преобладании не тот непосредственный труд, который выполняется самим человеком, не то время, которое он трудится, а присвоение своей собственной, всеобщей производительной силы, его понимание природы и овладение благодаря его существованию в качестве общественного тела, одним словом, развитие общественного индивида — вот что выступает в качестве главной основы производства и богатства¹. Отмечая это же положение, В. И. Ленин подчеркнул необходимость организации производства за счет всего общества как необходимое условие всестороннего развития личности². Главный критерий, характеризующий природу вещественных условий производства в пределах всей коммунистической формации, состоит в том, что они суть носители отношений свободного и всестороннего развития личности.

Определение конкретных параметров, характеризующих социально-экономическую функцию вещественных условий социалистического производства, представляет особую проблему, которая требует специального исследования. В данном случае следует отметить лишь некоторые, наиболее существенные формы выражения этой социальной функции. Во-первых, создание новых условий производства осуществляется при социализме на основе планомерного учета общественных потребностей; во-вторых, необходимым требованием формирования новой структуры вещественных факторов является повышение производительности всего общественного труда, которое включает экономию как прошлого, так и живого труда; в-третьих, новые средства производства должны обеспечить существенное изменение условий труда в направлении превращения его из средства к жизни в первую ее потребность, что по существу означает усиление творческого характера трудовой деятельности.

¹ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 45, кн. II, с. 213—214.

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 222.

И наконец, в-четвертых, общественный прогресс в области вещественных условий социалистического производства предполагает формирование такой их системы, которая принципиально меняет само положение человека в общественном производстве, превращает его из непосредственного агента технологического процесса в контролера и наблюдателя.

Следует подчеркнуть, что указанные моменты характеризуют наиболее существенные аспекты социально-экономической программы, выработанной на XXIV съезде партии, получившей свое развитие на XXV съезде КПСС и определяющей содержание экономической стратегии Коммунистической партии Советского Союза на современном этапе коммунистического строительства в нашей стране. Именно поэтому «главным лозунгом партии и Советского государства при составлении всех наших планов был и остается лозунг «все во имя человека, для блага человека»»¹.

Это направление общественного развития не только конституирует экономическую определенность вещественных условий производства, оно порождает новую форму рабочей силы.

Экономисты, которые судят об экономических отношениях на основе правовых форм их выражения, видят проблему экономической формы рабочей силы при социализме в том, чтобы определить характер собственности на нее, т. е. выяснить, кто является ее собственником — общество или отдельный его член. Нам представляется, что при любом ответе на поставленный вопрос мы не сможем получить достаточно четкого определения реальных экономических отношений социалистического производства. Предположим, что мы решили этот вопрос таким образом, что собственник рабочей силы при социализме есть общество. Но рабочая сила является всегда способностью к труду, присущей индивиду. В этом случае оказалось бы, что коммунистическое общество не ассоциация свободных индивидов, а орган, стоящий над ней и распоряжающийся индивидуальными способностями членов общества независимо от их личной воли. Но такое представление не имеет ничего общего с коммунистической организацией

¹ Бразилев Л. И. Ленинский курсом. Речь и статьи, т. 4. М., 1974, с. 94.

производства, где свободное, всестороннее развитие каждого является главным устоем общества, главной формой его богатства.

Если же предположить, что собственником рабочей силы в условиях коммунистического общества выступает каждый в отдельности член общества, то это исключает возможность того, что общество в целом выступает главным агентом производственного процесса. Тезис о личной собственности на рабочую силу при социализме неизбежно ведет к тому выводу, что каждый в отдельности член общества может вступить в связь с общественными средствами производства лишь путем обмена своей рабочей силы на материальные средства ее воспроизводства. Но такое предположение чуждо самой природе коммунистического производства.

Категория собственности на рабочую силу меньше всего может выступать под рубрикой вечных категорий. Она столь же исторична, как и сама рабочая сила. Это положение, естественно, нуждается в разъяснении.

Средства производства, рабочая сила, труд и другие понятия относятся к определениям, характеризующим простой процесс труда. Но в этом своем качестве они не есть экономические категории. Как известно, политико-экономической категорией является не труд, а лишь общественная форма труда, общественное устройство труда, или иначе: отношение между людьми по участию их в общественном труде. Это относится и к рабочей силе. Когда говорят о рабочей силе и о собственности на нее как об экономических категориях, то имеют в виду содержание, существенно отличное от того, какое выражено в них как определениях простого процесса труда. Содержание политико-экономических категорий конституирует исторический момент. Как экономическая категория рабочая сила принадлежит лишь к определенной исторической эпохе общественного производства, характеризующейся строго определенным строем экономических отношений. Стало быть, не сама по себе рабочая сила как способность живого индивида к трудовой деятельности суть экономическая категория, а те отношения, которые возникают в связи с ней, т. е. общественная форма рабочей силы¹.

Становление рабочей силы как экономической категории — продукт длительного исторического развития,

¹ См. «Вопросы экономики», 1965, № 5.

Которое сопровождалось разрушением первичных и производных от них экономических структур (первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной).

Для того чтобы рабочая сила стала объектом экономического отношения, ее носитель — живой индивид — должен относиться к объективным условиям своей деятельности как к результатам труда, а не предпосылкам, созданным природой. Однако в той мере, в какой возникает это отношение, оно опосредуется не естественно возникшей связью индивидов — родом, племенем, общиной, а связью опосредованной — движением продукта труда, поскольку последний выступает как объективизированная форма труда, являющаяся его вещественной предпосылкой, его объективным условием, условием, созданным самим трудом.

Между тем в буржуазных общественных структурах, особенно в условиях первичной структуры общества, «главным объективным условием труда является не продукт труда, а находящаяся трудом *природа*»¹. В этих условиях трудящийся относится к «объективным условиям труда как к своим собственным, относится к ним как к неорганической природе своей субъективности, в которой эта субъективность сама себя реализует»².

Такое отношение предполагает, что отдельный индивид с самого начала включен в естественно возникшую общественную связь в пределах рода, племени, общины, которая выступает главной производительной силой и посредством которой происходит его воспроизводство как индивида. Он воспроизводит себя как индивид лишь постольку, поскольку происходит воспроизводство этой естественной общности. Здесь рабочая сила индивида не может быть объектом экономического отношения именно потому, что она не реализуется в продукте, поскольку не продукт, не результат труда, а сам индивид как член общины выступает результатом производства. Чтобы рабочая сила человека стала носителем экономического отношения, результатом его деятельности должен не сам он, а нечто отличное от него — продукт, вещь, и притом такая вещь, которая в свою очередь могла бы выступать как предпосылка труда.

Но невозможность превращения рабочей силы в объект экономического отношения не ограничивается пер-

вичной структурой общества. Она имеет место и в условиях рабства и феодализма. Как отмечает К. Маркс, «здесь одна часть общества обращается с другой его частью просто как с неорганическим и природным условием своего собственного воспроизводства. Раб не находится в каком-либо отношении к объективным условиям своего труда; напротив, сам работник, и в форме раба и в форме крепостного, ставится в качестве неорганического условия производства в один ряд с прочими существами природы, рядом со скотом, или является придатком к земле»¹. При таких условиях ни рабочая сила раба, ни рабочая сила крепостного не могла стать носителем экономического отношения, а потому в пределах этих структур они не могли превратиться в экономическую категорию.

Лишь в условиях буржуазного общества, где происходит разрыв между естественными условиями человеческого существования и деятельностью людей, где производство вещественного богатства становится непосредственной целью производственного процесса общества, а потому и критерием общественной значимости каждого вида деятельности, где поэтому необходимой формой общественной связи является связь посредством движения продуктов труда, рабочая сила индивида превращается в объект экономического отношения, а потому и в экономическую категорию. Она становится экономической категорией потому, что в качестве объективного фактора производства выступает овеществленный человеческий труд, а не природа и этот фактор противостоит трудящемуся как носителю рабочей силы, являющейся потенцией живого труда, который становится главным фактором богатства буржуазного общества. «Объективные условия живого труда», — пишет К. Маркс, — «выступают как *отделившиеся, самостоятельные* стоимости по отношению к живой рабочей силе как субъективному наличному бытию, которая поэтому по отношению к объективным условиям также является только стоимостью *другого рода* (она отличается от них не как стоимостью, а как потребительная стоимость)»². Стало быть, рабочая сила становится экономической категорией в силу того, что она отделяется

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 473.

² Там же.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 478.

² Там же, с. 450.

от условий труда и противостоят им, а ее соединение с ними и потребление становятся экономическими отношениями производства.

В условиях коммунистического общества труд не противостоит богатству, поскольку главной формой последнего является всестороннее развитие личности, для которой сама деятельность выступает главным условием ее развития и основным содержанием жизни. Поэтому здесь рабочая сила как потенциальная возможность самодетельности по самому существу дела не может обособиться и существовать независимо от нее. Вследствие этого объектом экономического отношения выступает не возможность деятельности, а сама непосредственная деятельность соответственно способностям и дарованиям каждого. При этом результат этой деятельности не принимает форму продукта, отличного и существующего независимо от производителя в качестве мотива его деятельности. Таким результатом становится сама индивидуальность, постоянно развивающаяся и совершенствующая свои склонности. В этих условиях рабочая сила перестает быть объектом экономического отношения, а потому и экономической категорией.

Социалистической фазе коммунистического общества внутренне присущи общесоциалистические черты отношений производства, хотя они здесь и выражены в особых формах. В условиях социализма складывается общенародная кооперация труда, а потому общество в целом превращается в главного агента производственного процесса. Поэтому соединение личных и вещественных факторов уже не определяется действием силы, стоящей вне самого производителя, поскольку такой силой выступает ассоциация трудящихся. Оно выступает в непосредственно-общественной форме. Но такое соединение работника с условиями производства означает, что рабочая сила перестает быть потребительной стоимостью, существующей обособленно от ее функции — живой деятельности, т. е. обособленно от самого процесса труда, а потому нуждается в особом акте, опосредствующем ее превращение в труд. Вследствие этого она перестает быть носителем специфического экономического отношения, а потому и экономической категорией.

Могут сказать: отмеченные выше моменты имеют значение лишь для условий зрелого коммунистического

щества, применительно же к социалистической фазе они не являются характерными. На это следует ответить: условия коммунистического производства возникают и формируются уже на социалистической фазе; они определяют тенденции развития социалистического производства. В этой связи уместно обратиться к результатам социологических исследований, которые получены на основе изучения мотивов повышения образовательного уровня молодых рабочих.

Анкетный опрос 1000 рабочих Московского 1-го часового завода дал следующие результаты: 45% опрошенных ответили, что они любят свою работу, видят в ней смысл своей жизни и учатся для того, чтобы лучше работать; 25% учатся, чтобы получить возможность инженерной деятельности, которая является более содержательной и творческой; 25% опрошенных объяснили свое желание учиться стремлением стать более образованными и культурными людьми, способными понимать законы развития общества и природы. И только 5% ответили, что главным мотивом их учебы является повышение заработка, стремление получить повышение по работе¹.

Такое смещение мотивов повышения образовательного уровня в сторону содержания и характера самой трудовой деятельности свидетельствует о наличии реальных тенденций, определяющих закономерности формирования отношений коммунистического производства. По мере повышения материального благосостояния эти тенденции несомненно окажутся доминирующими. Едва ли следует доказывать, какое важное практическое значение имеет это обстоятельство в дальнейшем совершенствовании методов управления социалистическим производством в условиях создания материально-технической базы коммунизма. Учет указанных моментов имеет принципиальное значение для совершенствования системы материального стимулирования. В литературе большое внимание уделяется вопросам стимулирования труда посредством заработной платы и поощрительных фондов предприятий. Нисколько не умаляя значения этих форм, следует учитывать и их объективные границы, поскольку они суть факторы стимулирования труда как средства к жизни. Однако в процессе развития со-

¹ См. Чангли И. И. Труд. М., 1973, с. 102.

диалистического производства труд приобретает значение самовыражения личности, выступает как непосредственный компонент жизнедеятельности членов социалистического общества.

Рассмотренные выше особенности факторов социалистического производства и способ их соединения образуют общекоммунистическое ядро социалистических отношений, которое определяет характер производственной деятельности и ее результатов. Как материальный процесс, совершаемый всем обществом как единым целым, он характеризуется сочетанием общественной деятельности в качестве способа воспроизводства ассоциации всесторонне развитых индивидов, для которых каждый отдельный ее вид выступает одной из возможных, внутренних обусловленных форм жизнедеятельности, соответствующих потребностям их универсального развития и совершенствования.

В этом смысле процесс производства характеризуется как самодеятельность, которая образует его главный побудительный мотив. Производство богатства здесь тоже имеет место. Но при этом существенно меняется его содержание. Богатством выступает не материальное благо, являющееся застывшим результатом деятельности, а сам человек, возможность его всестороннего гармонического развития. Богатство здесь не принимает формы, отличной от самой деятельности, во всяком случае не оно является его конституирующей социальной формой, т. е. таким продуктом, который определяет его социальную цель. Но поскольку не вещественный продукт образует главное содержание богатства, постольку и его распадение на элементы, соответствующие структуре трудовых затрат, обусловленных его производством, теряет свое непосредственно социальное значение. Продукт, его объем и состав перестают быть исчерпывающими характеристиками материального процесса, а потому и показателем, с помощью которого определяется его эффект. Вследствие этого рабочее время теряет значение меры богатства, так как последнее определяется уровнем развития самого человека, возможностями его творческой деятельности, главным условием для которой выступает свободное время.

К вещественным условиям своей деятельности общество относится как к неорганическим предпосылкам. Труд, которого стоит их создание, не образует более

ного параметра, который лимитирует материальный процесс существования общества и возможности его дальнейшего развития. Это совсем не означает, что общество совершенно не интересуется тем, что оно производит. Но ориентиром при этом выступают отнюдь не издержки производства, а совокупность условий развития человека. Именно она определяет направление развития материального процесса и динамику его структуры. «В будущем обществе, — писал К. Маркс, — где исчезнет антагонизм классов, где не будет и самих классов, потребление уже не будет определяться *минимумом* времени, необходимого для производства; наоборот, количество времени, которое будут посвящать производству того или другого предмета, будет определяться степенью общественной полезности этого предмета»¹.

Материальные отношения коммунистической формации достигнут такой степени зрелости лишь в условиях коммунистического общества, когда оно вступит в ту фазу своего развития, которую К. Маркс называл царством свободы. В настоящее время не представляется возможным дать полную и исчерпывающую характеристику материальных отношений этой степени развития коммунистического общества. Мы поэтому ограничимся констатацией тенденций формирования коммунистических отношений производства, как они обнаруживаются при социализме.

В условиях социализма материальные условия процесса производства общества формируются в основном за счет всего общества, поскольку здесь коренным образом меняются соотношение овеществленного и живого труда, характер и социальное содержание рабочего времени. В условиях капиталистического производства прошлый труд противостоит живому, так как тот и другой распределены между различными противоположными друг другу классами. Здесь прошлый труд не просто противостоит живому, но и господствует над ним. На основе товарного производства противоположность прошлого и живого труда обуславливает раздвоение самого процесса труда как процесса перенесения и создания новой стоимости, который совершается благодаря двойственному характеру самого труда. Вследствие это-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 97.

го в стоимости продукта сохраняется стоимость потребленного прошлого труда и содержится, кроме того, вновь созданная стоимость. Если бы процесс капиталистического производства не был процессом образования и возрастания стоимости, его двойственность никакого реального социально-экономического содержания не выражала бы. Следовательно, двойственность капиталистического процесса производства является не чем иным, как способом воспроизводства антагонистического отношения капитала и труда.

Совсем иным содержанием характеризуется процесс социалистического производства. В нем также принимают участие вещественные и личные факторы, и в этом смысле можно говорить о прошлом и живом труде. Однако различие между ними теряет характер социального, поскольку здесь вещественные условия не противостоят более живому труду и тем более не господствуют над ним, как чуждая и враждебная ему сила. Различие вещественных и личных факторов сохраняется здесь лишь в качестве функционального различия, которое перестает быть носителем определенного производственного отношения. Следовательно, это различие теряет определенность экономической формы. Но вместе с этим перестает быть социально содержательным различие между перенесением и созданием новой стоимости. Оно также теряет определенность экономической формы. Поэтому в трудовой структуре продукта ее различные элементы выступают просто лишь как функционально особые части, имеющие одно и то же назначение — удовлетворять социально равнозначные общественные потребности, каждая из которых не может иметь какой-либо приоритет по отношению к другой. Итак, процесс социалистического производства означает преодоление социальных различий прошлого и живого труда, а потому и двойственной природы самого процесса труда как процесса перенесения и создания новой стоимости. Но тем самым преодолевается социальное различие структурных элементов в составе продукта.

В той мере, в какой исчезает социальное различие вещественных и личных факторов между перенесением и созданием новой стоимости, происходит преодоление социальных различий между структурными элементами живого прилагаемого труда — необходимым и прибавоч-

Хотя первое различие выступает как продукт особого исторического качества труда, а именно его двойственного характера, между тем как второе является различием структурных частей лишь абстрактного труда, тем не менее между ними существует внутренняя связь: окончательное обособление частей вновь создаваемой стоимости формируется на основе наиболее развитой формы товарного производства, какой является капитализм. Поэтому преодоление товарной формы производства и тем более товарной формы его основных факторов подрывает противоположность необходимого и прибавочного труда в качестве особых социально значимых частей вновь приложенного труда. Это, разумеется, не исключает их функциональных различий, поскольку труд сверх меры данных потребностей должен существовать всегда. Но одно дело труд сверх меры данных потребностей, и совсем другое дело, если это потребности отдельного класса общества, а не всего общества в целом.

Следовательно, процесс социалистического производства, если рассматривать его со стороны социального содержания (а только это нас и интересует в данном случае), начинает терять ту объективную определенность, которая присуща ему как процессу производства общественного богатства, рассматриваемого в его наиболее развитой форме, которой он достигает при капитализме.

Преодоление противоположности овеществленного и живого труда означает ликвидацию классово-антагонистической структуры общественного производства, которая выступает как наиболее развитая форма общественного разделения труда. Преодоление противоположности между различными структурными элементами вновь присоединяемого труда по своему содержанию означает подрыв и постепенное исчезновение общественного разделения труда вообще как социального закрепления различных видов деятельности за различными группами членов общества, а потому тождественно превращению их в социально равных индивидов. Это в свою очередь обуславливает размывание традиционных различий производства, распределения, обмена и потребления, которые хотя и образуют единство, но тем не менее сохраняют в пределах этого единства и определенные различия, пока существуют обособленные

сферы трудовой деятельности и пока сохраняются вследствие этого различия производительного и непроизводительного труда. Это происходит потому, что, во-первых, устанавливается непосредственная связь производства и потребления, поскольку распределение и обмен перестают быть процессами, имеющими сколько-нибудь самостоятельное значение; во-вторых, производство по существу сливается с потреблением, так как оно (производство) перестает быть лишь средством создания продукта, отличного от потребителя. Поскольку производство становится сферой творческой деятельности, его продуктом, как и продуктом потребления, становится индивид. Вследствие этого различные натуральные формы продукта — средства производства и предметы потребления в значительной мере перестают фиксироваться по своей социально-экономической роли. Средства производства, как и предметы потребления, становятся непосредственным условием развития личности члена общества.

Установление общественной собственности на средства производства явилось той первоначальной формой, в которой начался процесс преодоления противоположности прошлого и живого труда. Он нашел свое развитие и закрепление в ходе социалистического обобществления производства, которое знаменовало собой создание системы общественного присвоения, т. е. системы социалистических отношений производства, рассматриваемого в широком смысле. По мере утверждения этой системы исчезала и противоположность необходимого и прибавочного труда в качестве различных структурных элементов рабочего времени, социально противостоящих друг другу. Эта реальная общесоциалистическая закономерность развития социалистического процесса производства находит свое выражение в том, что происходит преодоление различий тех материальных форм, в которых воплощается рабочее время, — необходимого и прибавочного продукта. Эту тенденцию предвидел К. Маркс. «Устранение капиталистической формы производства, — писал он, — позволяет ограничить рабочий день необходимым трудом. Однако необходимый труд, при прочих равных условиях, должен все же расширить свои рамки. С одной стороны потому, что условия жизни рабочего должны стать богаче, его жизненные потребности должны

возрасти. С другой стороны, пришлось бы причислить к необходимому труду часть теперешнего прибавочного труда, именно тот труд, который требуется для образования общественного фонда резервов и общественного «фонда накопления»¹.

Указанная тенденция обнаружила себя в экономических процессах, совершающихся в социалистическом обществе. Она проявляется при определении нормы прибавочного продукта.

Имеющиеся расчеты по ее определению существенно различаются. Результаты таких расчетов за 1959 г., которые произведены различными авторами, характеризуются следующими данными: 27,6; 55—60; 64,7; 78,9; 84,4%². Как видим, разница минимального и максимального значения колеблется в довольно широком диапазоне, характеризующемся отношением 1:3. Она может быть объяснена различиями применяемых методов расчета. Но сами эти методы являются следствием неодинакового понимания социального содержания необходимого и прибавочного продукта в социалистическом обществе. Глубинной основой этого можно считать, по нашему мнению, объективный процесс преодоления социальных различий необходимого и прибавочного продукта, процесс слияния их в одно нерасчлененное целое, который характеризует социально-экономические отношения социалистического производства³. Но именно потому, что это продолжающийся процесс, происходит различное отражение стадий его зрелости, а потому имеет место неодинаковая методика счета нормы прибавочного продукта. Тенденция к слиянию структурных элементов чистого продукта выражает процесс преодоления социально-экономических различий производственной и непроизводственной сфер и слияние их в единую форму деятельности, адекватную общенародной кооперации труда, представляющей органическое единство различных видов деятельности.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 539.

² См. «Социалистическое накопление. Вопросы теории и планирования», М., 1973, с. 70.

³ Мы имеем в виду не общезкономическое, а специфическое содержание этих категорий, которые отражают особенности производственных отношений при социализме. Если же рассматривать необходимый и прибавочный продукт как понятия, характеризующие отношения между обществом и природой, то различие между ними сохранится и при коммунизме.

Еще более характерной с точки зрения рассматриваемой нами тенденции к слиянию необходимого и прибавочного труда является подвижность содержания конкретных народнохозяйственных форм, в которых фиксируется необходимый и прибавочный продукт, таких, как заработная плата, прибыль и налог с оборота.

Если рассматривать форму заработной платы, то может казаться, что она выступает как наиболее чистая форма, фиксирующая необходимый продукт. Но она является таковой лишь с позиции отдельного хозяйственного предприятия, поскольку в пределах непосредственной хозяйственной деятельности последнего она есть часть выручки от реализации продукта, созданного трудом коллектива этого предприятия. В этом случае она выступает как часть стоимости продукта, воспроизведенной живым трудом работников и эквивалентной тем расходам предприятия, которые были им произведены.

Если рассматривать заработную плату с позиций не отдельного предприятия, а всего общества в целом, возникает вопрос, что же явилось первоначальным источником этих средств, каково их первоначальное происхождение? Ответить на него с точки зрения отдельного хозяйственного звена уже не представляется возможным. Первоначальным источником средств отдельного предприятия выступают ресурсы общества в целом. Следовательно, форма заработной платы фиксирует факт первоначального авансирования этих средств обществом. При этом авансирование выступает как фактор, конституирующий форму заработной платы, хотя сама по себе эта форма является моментом воспроизводства. Так обстоит дело, если рассматривать основную часть заработной платы. Если же исследовать содержание дополнительной заработной платы, то относительность социальной определенности необходимого и прибавочного продукта, их подвижность и превращение второго в первый обнаружатся еще более отчетливо. Но для этого необходимо предварительно рассмотреть содержание прибыли.

В экономической литературе и статистической практике прибыль рассматривается как форма прибавочного продукта. Но для такой однозначной характеристики прибыли едва ли есть достаточные основания. Ведь зачет прибыли формируются стимулирующие фонды со-

социалистических предприятий, в частности такие, как фонд материального поощрения и фонд социально-культурных мероприятий и жилищного строительства. Эти фонды, как известно, остаются в распоряжении отдельных коллективов и используются в их интересах. Они служат источником дополнительных доходов членов производственного коллектива независимо от того, потребляются они индивидуально или коллективно. Хотя эта часть прибыли первоначально принимает форму движения, тождественную прибавочному продукту, ее конечное использование показывает, что она превращается в элементы необходимого продукта, и в частности служит источником дополнительной заработной платы. Именно поэтому характеризовать прибыль в целом как форму прибавочного продукта не представляется возможным.

Аналогичным образом обстоит дело и с налогом с оборота. Ведь средства, которые аккумулируются в Государственном бюджете за счет налога с оборота, служат источником образования общественных фондов потребления, которые в том объеме, в каком они обслуживают потребности работников производственной сферы, образуют необходимый продукт для них, и притом такую его часть, которая обнаруживает тенденцию к росту по отношению к заработной плате.

Мы видим, что процесс социалистического производства в ряде существенных пунктов перестает быть лишь исторически определенной формой создания вещественного богатства. Он все больше превращается в средство всестороннего развития личностных сил всех членов общества, которое определяет социальную форму производства коммунистического общества.

Однако такая характеристика не исчерпывает определения социалистического производства, поскольку речь идет именно о социализме как фазе коммунизма. Эта ступень не отменяет общесоциалистических закономерностей, но эти последние не исключают ее особенностей.

При социализме сохраняются остатки общественного разделения труда, существующего в форме профессионального закрепления отдельных групп трудящихся за различными видами трудовой деятельности, выражающегося в степени вознаграждения труда. Но общественная оценка конкретных видов труда по существу озна-

чает учет потребительной стоимости рабочей силы. В этом смысле и в этой мере последняя еще продолжает быть объектом специфического экономического отношения.

Остатки общественного разделения труда обуславливают и другую особенность отношений производства: общественный учет труда осуществляется и может осуществляться не в единицах рабочего времени, т. е. не посредством измерения самого труда, а посредством измерения его результата, принявшего предметную форму. Все эти моменты определяют особую экономическую форму рабочей силы, которая в определенной мере оказывается объектом экономического отношения, а потому продолжает сохранять черты экономической категории. Выражением специфической экономической формы рабочей силы в условиях социализма является включение ее в совокупную трудовую деятельность общества через предприятие, которое выступает в качестве исходного структурного звена народного хозяйства¹. В целом по своей социально-экономической сущности такой способ включения не следует квалифицировать как опосредованный.

Дело в том, что отдельное предприятие или объединение выступает прежде всего (и это характеризует главный конституирующий момент его экономической определенности) как звено общенародной кооперации труда, т. е. как социально равнозначный элемент единого народнохозяйственного комплекса, отличающийся от других производственных звеньев лишь характером конкретной производственной деятельности. Это — главная экономическая характеристика, которая конституирует его со стороны социально-экономического типа отношений. Поэтому, вступая в отношения с предприятием, каждый член общества уже тем самым непосредственно включается в совокупную трудовую деятельность общества, выступает агентом общенародной кооперации.

В то же время предприятие или объединение выступает как относительно самостоятельное звено хозяйственной деятельности. В этом смысле включение труда каждого работника в совокупный труд общества через

¹ Таким звеном может быть не только предприятие, но и объединение.

Предприятие может рассматриваться как опосредованное. Но хотя момент опосредования имеет место, оно играет подчиненную роль, так как этот элемент не конституирует социально-экономического типа отношения. Он характеризует лишь степень зрелости данного типа, но не его определяющую черту.

Специфическая форма включения отдельного работника в совокупный труд общества через предприятие определяет и особенности вещественных факторов производства. Поскольку средства производства выступают как факторы производительного процесса, который совершается всем обществом и в его интересах, постольку они являются единым общенародным фондом воспроизводства общества как ассоциации трудящихся. Это — их определяющая экономическая характеристика. В этом своем качестве они соединены с работником непосредственно-общественной связью. Но в той мере, в какой сохраняется элемент опосредованного включения каждого работника в совокупную трудовую деятельность общества, вещественные элементы производства образуют производственные фонды отдельных предприятий и совершают свое движение в пределах их хозяйственной деятельности. И если абстрагировать эту их дополнительную экономическую характеристику, то мы окажемся не в состоянии понять такие экономические категории, как хозяйственный расчет, издержки предприятия, прибыль, чистый доход предприятия и многое другое, в качестве форм, отражающих производственные отношения социализма.

Отмеченные особенности личных и вещественных факторов обуславливают и специфику процесса социалистического производства. Речь идет прежде всего о том, что при социализме сохраняет свое значение процесс перенесения стоимости потребляемых средств производства в качестве особого социально-экономического аспекта, который нельзя идентифицировать с созданием чистого продукта. Объясняется это тем, что, во-первых, при социализме одним из определяющих мотивов производственной деятельности общества продолжает быть создание вещественного богатства, в процессе производства которого средства производства и живой труд выполняют различную роль. Во-вторых, закрепленные за отдельными производственными звеньями вещественные условия производства возмещаются ре-

результатами их хозяйственной деятельности. В-третьих, функционирование средств производства обуславливает особые экономические проблемы их эффективного использования (стимулирование технического прогресса, повышение фондоотдачи и снижение материалоемкости, образование и использование фонда возмещения и др.).

Одна из существенных особенностей социалистического процесса производства состоит в том, что труд каждого работника сохраняет для него значение по преимуществу средства к жизни. В этих условиях рабочее время, которое должен отдать каждый работник производству, чтобы получить необходимый объем жизненных средств, оказывается носителем определенного производственного отношения. Это находит свое выражение в рабочем дне, сохраняющем для условий социализма значение экономической категории, фиксирующей определенное различие интересов общества как целого и интересов отдельного его члена. Но поскольку сохраняется это различие, постольку оно должно найти свое выражение в структуре рабочего дня: часть его служит удовлетворению общественных интересов, другая часть — интересов отдельных членов общества. Ввиду этого продолжают сохраняться определенные социальные различия необходимого и прибавочного рабочего времени и соответственно необходимого и прибавочного труда в качестве особых структурных элементов рабочего дня. И хотя форма их антагонистического отношения уже преодолена, тем не менее известные противоречия между ними еще сохраняются. Итак, процесс социалистического производства, рассматриваемый со стороны затрат живого труда, есть процесс производства как необходимого, так и прибавочного продукта. Первый служит источником удовлетворения непосредственных потребностей отдельного индивида как работника, трудящегося, выполняющего определенный вид конкретного труда, который профессионально закреплен за ним вследствие сохраняющегося еще общественного разделения труда; второй присваивается обществом и служит источником удовлетворения потребностей тех же работников, но уже как членов общества. Известные различия необходимого и прибавочного продукта выражаются в системе потребностей — как непосредственно личных, так и непосредственно общественных. Различие же этих последних

означает сохранение определенных социальных различий производственной и непроизводственной сфер деятельности. Вследствие этого деление труда на необходимый и прибавочный сохраняет социально-экономическое значение; оно выступает как характеристика производственных отношений, рассматриваемых со стороны их исторически особого содержания.

Остатки старого разделения труда и сохраняющиеся на их основе социальные различия в труде обуславливают и другую особенность экономической природы социалистического процесса производства — наличие остаточных элементов двойственного характера самого процесса труда как процесса сохранения прошлого труда и процесса создания чистого продукта. Речь идет при этом опять-таки о социальном значении этой двойственности.

В условиях социализма нет антагонизма прошлого и живого труда, поскольку здесь не существует отношения наемного труда и капитала, монополии одного класса на вещественные условия производства. Это, однако, не означает, что одновременно с ликвидацией такой монополии сразу же исчезает всякая монополия вообще. Поскольку при социализме сохраняется монополия на различные виды деятельности, являющаяся выражением старого разделения труда и ограничивающая свободный доступ каждого члена общества к вещественным факторам производства, так как отдельные группы членов общества в состоянии реализовать право общественной собственности на средства производства лишь в пределах своей профессии, постольку круг вещественных условий, которые приводятся в движение каждым членом общества, ограничен разделением труда. Вследствие этого сохраняется известное различие между вещественными элементами производства, принадлежащими всему обществу и потому всем его членам, и теми из них, которые приводятся в движение данным членом общества или данным коллективом, а также определенные различия прошлого и живого труда. Это обстоятельство как раз и определяет необходимость того, что в непосредственном процессе прошлый труд выступает в качестве особого фактора создания продукта, а потому в его составе по необходимости сохраняется такой элемент, который эквивалентен прошлому труду. Поэтому процесс создания продукта выступает как процесс сохране-

ния прошлого труда и вместе с тем как процесс создания чистого продукта. А так как то и другое суть разные результаты процесса труда, то они могут быть достигнуты лишь вследствие двойственного характера самого труда. Таким образом, процесс социалистического производства специфичен вследствие того, что он характеризуется, во-первых, как процесс сохранения прошлого труда и процесс создания чистого продукта, во-вторых, как процесс создания не только необходимого, но и прибавочного продукта¹.

Эта специфика не конституирует особого типа материальных отношений производства. Она характеризует лишь историческую ступень зрелости коммунистического способа производства. Рассматриваемый со стороны социальной определенности социалистический продукт является непосредственно-общественной полезностью, представляющей мотив производительной деятельности общества. Однако вследствие сохранения элементов общественного разделения труда и обусловленных ими отношений относительной хозяйственной самостоятельности непосредственно-общественная полезность осложнена элементами товарных отношений, которые хотя и не определяют содержания социалистического продукта, но тем не менее характеризуют ступень зрелости социалистического обобществления производства. То обстоятельство, что социалистическое производство как фаза коммунистического способа производства является непосредственной сферой и главным фактором развития личностных сил индивида и в то же время выступает как процесс производства непосредственно-общественной полезности, т. е. сохраняет характер создания предметно-вещественного богатства, несомненно представляет собой противоречие. Но именно оно характеризует генезис развитых форм коммунистического производства. Движение этого противоречия конституирует и специфическую социальную форму закона повышающейся производительности общественного труда, присущую коммунистическому способу производства. Ее историческая особенность состоит в том, что здесь полностью устраниаются те социальные пределы, которые ограничивали действие закона повышающейся про-

¹ Следует еще раз подчеркнуть, что речь идет не о функциональной, а о социальной значимости элементов структуры продукта,

производительности в условиях докоммунистических структур общества. По мере развития производственных отношений коммунистического общества постоянно расширяется арена действия этого закона, который приобретает абсолютное значение и по существу становится специфическим законом коммунистической формации.

Всестороннее практическое использование этого закона в условиях развитого социалистического общества образует генеральное направление экономической политики Коммунистической партии и Советского государства, поскольку именно в этот период происходит утверждение интенсивного типа социалистического расширенного воспроизводства. Этим следует объяснить теоретический и практический интерес к различным аспектам проблемы производительности общественного труда, который наблюдается в экономической литературе. Речь идет прежде всего о содержании и методах измерения производительности труда, которые могли бы быть применены в хозяйственной практике.

Многие авторы склонны считать, что наиболее приемлемым измерителем производительности труда является нормативная чистая продукция. Но при таком способе измерения проблема использования элементов прошлого труда по существу оказывается вне рассмотрения. Конечно, на основе существующих методов учета материальных затрат в составе стоимости продукта отдельного предприятия величины, характеризующие затраты прошлого труда, вследствие многократного повторного счета оказываются в значительной степени фиктивными. В результате этого становится весьма затруднительным определить действительный вклад данного коллектива работников в создание общественного продукта. При таких обстоятельствах кажется вполне логичным поиск такого показателя стоимостного объема продукции, который был бы свободен от искажающего влияния повторного счета. Однако вместо этого многие экономисты стремятся освободиться от учета прошлого труда вообще. Такое стремление едва ли возможно оправдать.

Могут сказать: а существует ли показатель стоимостного объема продукции, который бы воплощал все структурные элементы затрат труда и вместе с тем был бы свободен от искажающего влияния повторного счета? Не является ли поиск такого показателя делом со-

вершенно безнадежны? Нам представляется постановка этой задачи не только вполне назревшей потребностью экономического развития социалистического производства, но и вполне реальной.

В общетеоретическом плане задача эта решена К. Марксом применительно к воспроизводству всего совокупного общественного продукта. Это решение может рассматриваться как принципиальная основа определения содержания стоимостного объема продукта отдельного предприятия, поскольку последний следует рассматривать как органическую составную часть всего общественного продукта.

Для общества в целом прошлый труд представлен трудом, воплощенным в средствах производства, произведенных до текущего годового процесса производства. И хотя реальный объем перенесенной в годовой продукт стоимости не может быть исчерпан стоимостью запаса средств производства, имеющегося на начало года, тем не менее именно данная величина является точкой отсчета при определении объема перенесенной в годовой продукт стоимости. Это — исходный принцип определения размеров материальных затрат в составе совокупного общественного продукта, который должен быть применен и при определении объема потребленных элементов прошлого труда на каждом отдельном предприятии. Но запаса предметов труда на начало года явно недостаточно, чтобы обеспечить процесс производства на протяжении всего годового периода. Поэтому подавляющая часть потребленных в течение года средств производства является продуктом текущего процесса труда. В составе стоимости этих средств производства представлены все элементы стоимостной структуры, т. е. как перенесенная, так и вновь созданная стоимость.

Если рассматривать производство в подразделении, производящем средства производства, то реальные производственные связи между предприятиями этого подразделения возникают лишь по поводу перенесенной стоимости в составе данных средств производства. Объясняется это тем, что в пределах подразделения только один элемент стоимостной структуры его продукта помещается в натуре результатом производственной деятельности этого подразделения — именно перенесенная стоимость. Что же касается вновь созданной стоимости,

которая воплощена в средствах производства, потребленных в этом подразделении, то вся она при предположении простого воспроизводства поступает во II подразделение. Следовательно, средства производства, в которых воплощена вновь созданная стоимость, являются объектом реальных производственных связей не внутри I подразделения, а между I и II подразделениями.

Такова внутренняя, присущая самому воспроизводственному процессу, закономерность движения элементов стоимостной структуры продукта в разрезе двух подразделений общественного производства. В условиях социалистической экономики, где действует закон планомерного развития, именно эта закономерность должна найти свое выражение в соответствующей системе показателей. В противном случае планомерная форма организации общественного производства не сможет быть реализована в полной мере. Создание системы показателей, которые были бы адекватны реальным производственным связям, как они реализуют себя в процессе воспроизводства, является одной из наиболее актуальных задач дальнейшего совершенствования народнохозяйственного планирования. Между тем при существующих способах учета продукции на основе показателя валовой продукции по заводскому методу (существенно не меняют положения и показатели товарной или объема реализованной продукции) система показателей отражает более поверхностную форму производственных связей, которые обнаруживаются в отношениях между хозрасчетными звеньями народного хозяйства. Именно на этом уровне отношений возникает повторный счет, искажающий стоимостный объем продукта, а потому усложняющий механизм планового управления производством.

Суть повторного счета состоит как раз в том, что в составе материальных затрат, обусловленных производством средств производства, многократно учитывается стоимость чистого продукта, созданного трудом коллективов предприятий этого подразделения. Иначе говоря, вновь созданная стоимость I подразделения учитывается и как новая стоимость, и как элемент материальных затрат. Как же следовало бы учитывать продукцию предприятий и отраслей I подразделения с целью получения реального показателя стоимостного объема? Для

этого необходимо включать в материальные затраты каждого предприятия цену покупных изделий за вычетом стоимости чистого продукта. Если организовать такой способ учета по всей производственной вертикали, начиная от добычи исходного сырья и кончая производством конечного продукта, то это даст возможность получить реальный стоимостный объем продукта I подразделения, свободный от повторного счета. Этот показатель и мог бы стать надежной основой измерения многих важных народнохозяйственных величин, и в том числе уровня и динамики производительности труда. Сказанное, разумеется, не исключает необходимости совершенствования существующих показателей хозяйственной деятельности предприятий. Но, как совершенно верно отмечает Р. И. Косолапов, «нельзя связывать хозяйственный расчет, который необходим в любом плановом хозяйстве, с одними лишь категориями товарного производства».

Говоря о перенесенной стоимости, о сохраняющемся социальном закреплении труда индивидов за отдельными видами деятельности и тому подобным явлениям, нельзя забывать, что не они конституируют социальную природу коммунистического производства. Здесь мы останавливались на них лишь для того, чтобы четче разграничить генезис и структуру социалистического производства, показать его внутреннее движение, ибо без этого характеристика структурных связей первой фазы коммунистического общества не может быть завершена. Если же не учитывать данный момент, то система теоретических форм социализма может оказаться неадекватной его объективному содержанию.

§ 4. Стадии зрелости коммунистического способа производства

Общезвестно положение К. Маркса о том, что «каждая форма общества имеет определенное производство, которое определяет место и влияние всех остальных производств и отношения которого поэтому точно так же определяют место и влияние всех остальных отношений»². Это означает, что, с одной

стороны, каждая новая социальная форма предполагает адекватный себе способ организации общественно-трудового процесса, а с другой стороны, она им определяется. То обстоятельство, что на первых порах существования человеческого общества условия производства выступают как природные условия, свободно не воспроизводимые трудом, обуславливает и специфическую форму производства — общинную.

Здесь социальная форма организации трудового процесса всецело выступает как природная предпосылка существования индивидов. Нечто подобное продолжает сохраняться при рабовладельческом и феодальном способах производства. Отношение к земле как к основному условию производства детерминирует закрепленность за ней производителя, его существование в качестве простого природного неорганизованного придатка.

Переход к промышленному производству породил новую форму организации трудового процесса — капиталистическую кооперацию труда, существующую на первых порах в форме простой кооперации. Хотя кооперация как форма организации трудового процесса и существовала до капитализма, но лишь здесь она стала формой, имманентной самому способу производства. Она является лишь средством повышения производительной силы труда, но капитал как раз и зиждется на том, что повышение производительной силы сокращает необходимое рабочее время и, следовательно, увеличивает прибавочную стоимость. Поэтому «кооперация, эта общественная производительная сила общественного труда, выступает как производительная сила капитала, а не труда...»¹.

Как следствие форма организации трудового процесса оказывается внешней и чуждой по отношению к самому процессу труда. Это обстоятельство и определяет глубокое противоречие товарно-капиталистического производства — противоречие между общественным и частным характером труда, которое воплощается в процессе движения всех его элементов: товара, денег, рабочей силы и т. д. Развитие этого противоречия, перерастание его в основное противоречие капитализма в конечном счете ведут к взрыву и уничтожению капиталистического способа производства. Но, «так же как и

¹ Косолапов Р. И. Социализм. К вопросам теории, с. 239.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 43.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47, с. 291.

при последовательной смене различных геологических формаций, — писал К. Маркс, — при образовании различных экономических общественных формаций не следует верить во внезапно появившиеся, резко отделенные друг от друга периоды. В недрах ремесла развиваются зачатки мануфактуры, а местами, в отдельных сферах и для выполнения отдельных процессов уже имеет место применение машин... *Всеобщий же закон, который здесь действует, состоит в том, что материальная возможность последующей формы [производства] — как технологические условия, так и соответствующая им экономическая структура предприятия — создается в рамках предшествующей формы»*¹. Применительно к переходу от капитализма к коммунизму это означает, что последний на первых порах наследует эти предпосылки новой формы только в качестве формы, поскольку капитализм даже на высшей стадии своего развития не в состоянии завершить процесс обобществления труда и довести его кооперативную форму до конца.

Становление коммунистического общества уже на первых порах знаменуется тем, что происходит уничтожение частной формы труда, труд с самого начала признается общественно необходимым. Этот процесс получает и адекватную форму функционирования труда — общенародную кооперацию труда. Она отличается от всех предшествующих форм кооперации не только и не столько масштабом объединения труда, сколько качественно новым характером. Общенародная кооперация труда является совершенно новым типом трудовой ассоциации, так как, во-первых, она представляет объединение, покоящееся не на общественном разделении труда, а на добровольном соединении индивидов в одну совокупную рабочую силу, во-вторых, все ее члены относятся к самой кооперации как к основному условию производства.

Этим и определяются ее исторические преимущества по сравнению с досоциалистическими формами кооперации. Имея в виду эти моменты, Ф. Энгельс писал: «Однако те преимущества, которые даёт коммунистическое устройство в результате использования ныне *растущих рабочих сил*, являются *ещё не самыми важ-*

¹ Маркс К. Энгельс Ф. Соч., т. 47, с. 460—461.

«...ми. Самая большая экономия рабочей силы заключается в соединении отдельных сил в коллективную силу общества и в таком устройстве, которое основано на этой концентрации до сих пор противостоявших друг другу сил»¹.

Поскольку общенародная кооперация труда представляет собой адекватный коммунистическим отношениям производства материальный способ их реального функционирования, постольку процесс ее развития конституирует становление имманентного коммунистическому обществу технологического способа производства, рассматриваемого со стороны форм и методов трудового процесса. Следовательно, отмеченное обстоятельство имеет существенное практическое значение и при определении зрелости коммунистического способа производства.

Со времени опубликования работы К. Маркса «Критика Готской программы» в теоретический арсенал марксизма прочно вошло деление коммунистического общества на две фазы: социализм и коммунизм. Однако практические потребности развития социалистического общества требуют того, чтобы в пределах этих фундаментальных рубрик периодизации коммунистического общества была осуществлена более детальная классификация. Речь идет прежде всего о социализме. Исторический опыт свидетельствует, что первая фаза представляет собой длительный период постепенного вызревания коммунистических отношений. Существенный вклад в разработку этой проблемы внесен на XXIV съезде КПСС. В материалах съезда обосновано положение о развитом социализме, который характеризует содержание современного этапа коммунистического общества. В связи с этим перед экономической наукой возникла задача разработки критериев периодизации стадий зрелости коммунистического общества. Представляется, что решение этой задачи должно осуществляться на основе исследования тенденций развития присущих коммунистическому обществу способов трудового процесса, поскольку они детерминируют изменение других сторон общественной структуры. Именно этим прежде всего и определяется значение анализа развития общенародной кооперации труда.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 541.

Первоначальный этап формирования общенародной кооперации труда охватывает весь переходный период от капитализма к социализму, поскольку новая форма организации трудового процесса может сложиться лишь на основе тех органических преобразований, которые знаменуют собой утверждение принципиально новых отношений производства и обмена, соответствующих социализму.

Коренные преобразования в способе труда выступают не просто как реализация тех материальных предпосылок социализма, которые созданы капитализмом; они являются следствием утверждения новых отношений производства и потому осуществляются лишь на их основе. Иначе говоря, новые производственные отношения выступают тем решающим фактором, на основе которого происходит коренное изменение способа труда.

Наиболее характерным является становление общенародной кооперации труда на основе преобразования тех форм общественного производства, которые по своему историческому происхождению и по свойственному им способу труда относятся к докапиталистическим. Речь идет в данном случае о мелкотоварном производстве. Социалистическое преобразование этой формы производства, которое происходит в переходный от капитализма к социализму период и характеризует весьма существенный аспект его экономического содержания, является одной из наиболее убедительных иллюстраций того, как в процессе формирования новой системы отношений происходит ассимиляция таких форм общественного производства, которые на основе своих внутренних закономерностей не в состоянии превратиться в социалистические. Преобразование мелкотоварного хозяйства и создание на его основе колхозно-кооперативной формы социалистического производства характеризуют, естественно, исторические особенности процесса формирования общенародной кооперации труда и в значительной мере определяют специфику ее содержания. Указанное обстоятельство не следует, однако, переоценивать, как это иногда имеет место в том случае, когда пытаются отыскать какие-то особые закономерности экономических отношений социализма, которые будто бы присущи лишь колхозной форме общественного производства. Это находит свое выражение в том, что при определении содержания рентных отношений при

социализме эти последние трактуются ограничительно — как отношения, возникающие между государством и колхозами. Но такая трактовка означает признание того, что хозяйственная самостоятельность отдельных звеньев при социализме ограничена лишь пределами колхозно-кооперативной формы производства. Но в таком случае ставится под сомнение тезис об односторонности двух форм социалистической собственности.

Определяя содержание общенародной кооперации труда в плане рассматриваемой здесь проблемы, необходимо прежде всего подчеркнуть ее внутреннюю связь с генетическим исходным отношением коммунистического способа производства. Эта связь определяется не просто тем, что кооперативная форма трудового процесса, охватывающая все общество, является единственной формой, в которой происходит воспроизводство непосредственно-общественного отношения в качестве общей основы коммунистического производства. Общенародная кооперация труда является имманентной коммунистическому способу производства формой преодоления того противоречия, которое присуще исходному отношению и обусловлено исторической спецификой социализма. Оно состоит в том, что непосредственно-общественное отношение первоначально выступает в предметно-вещественной форме своего выражения. Коммунистическое общество в состоянии сбросить ее и обрести имманентную своей природе форму лишь на основе общенародной кооперации труда. В этом смысле эта последняя является не только одним из важнейших компонентов структуры производственных отношений формирующегося коммунистического способа производства, но и существенным фактором его генезиса, поскольку именно в ее пределах труд как средство создания вещественного богатства может превратиться в средство самовыражения личности, т. е. стать первой потребностью жизни.

Другой существенный аспект, характеризующий содержание общенародной кооперации труда, состоит в том, что эта форма организации общественного трудового процесса выступает в качестве фактора, посредством которого осуществляется коммунистическое обобществление производства и преодоление на его основе социально-экономической закрепленности деятельности.

Стадия зрелости общенародной кооперации труда, которая функционирует лишь как новая форма общественной организации, а не как качественно новый уровень развития вещественных условий производства, получила в экономической литературе название формального обобществления труда. Напротив, следующую за этим стадией зрелости общенародной кооперации, которая характеризуется коренным изменением самой технической основы производства и соответствующими сдвигами в его экономических отношениях, при которых новый способ производства достигает качественно нового уровня производительных сил по сравнению со своим предшественником, называют реальным обобществлением труда.

Этот критерий стадильности едва ли может вызвать возражение. Поэтому мнения экономистов, которые выступают против того принципа, который положен в основу разграничения стадий зрелости, неубедительны. Любой способ производства может развиваться только таким образом, что вначале он создает новую форму общественной организации труда, оставляя на известное время без существенных изменений качественный уровень вещественных условий производства, и лишь затем, полностью овладев уже имеющимися условиями производства и используя новую общественную форму организации труда, он совершает переворот в самой технической основе производства. Ни теоретические соображения, ни исторический опыт социалистических преобразований не дают оснований для того, чтобы как-то иначе представить переход от одного способа производства к другому, и в частности от капитализма к коммунизму.

Разумеется, при этом не следует отождествлять формальное и реальное обобществление труда с формальным и реальным подчинением труда новой социальной форме.

Даже если бы речь шла об экономических процессах в пределах капиталистического способа производства, то и в этом случае формальное и реальное подчинение труда капиталу далеко не равнозначны по содержанию формальному и реальному обобществлению труда капиталом. Простая капиталистическая кооперация труда знаменует собой этап в реальном обобществлении труда капиталом, хотя это и осуществляется пока еще в пре-

делах и на основе прежнего технического строя производства. Но она порождает новую по своему характеру производительную силу, более высокую по сравнению с индивидуальным процессом производства. А это как раз и характеризует ее как фактор реального обобществления труда капиталом, хотя это и не есть еще его реальное подчинение.

Отмечая это обстоятельство, К. Маркс прямо указывал, что «формальное подчинение труда капиталу существует в той мере, в какой отдельный рабочий, вместо того чтобы работать в качестве независимого товаровладельца, работает теперь как принадлежащая капиталисту... рабочая сила, следовательно — под командованием и контролем капиталиста, и работает уже не на себя, а на капиталиста; точно так же и средства труда уже не выступают как средства осуществления труда рабочего, а, наоборот, его труд выступает как средство увеличения стоимости, т. е. как применение рабочих для обслуживания средств труда. Это различие [между докапиталистическими и капиталистическими отношениями] является формальным в том смысле, что оно может существовать без какого бы то ни было изменения способа производства и тех общественных отношений, при которых осуществляется производство. Вместе с кооперацией уже появляется специфическое различие. Труд здесь совершается при таких условиях, при которых не может совершаться независимый труд отдельного работника, и притом эти условия выступают как господствующее над ним отношение, как узы, которыми капитал обхватывает отдельных рабочих»¹.

Общественная форма кооперации общественного труда характеризует новую, более высокую по сравнению с капитализмом степень его обобществления. Стало быть, с точки зрения тезиса коммунистического общества она реально обобществляет труд, объединяя его в общенациональном масштабе для производства и распределения продуктов, необходимых обществу. Это есть отнюдь не формальное, а реальное объединение труда. И именно этим на первых порах исторически заявляет о себе коммунистический способ производства, идущий на смену капитализму, который даже на высшей стадии

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47, с. 292—293.

своего развития не в состоянии создать такую форму организации общественного труда.

Следовательно, формальное и реальное подчинение труда и формальное и реальное обобществление труда — процессы разные даже в пределах капиталистического производства. Тем более они разные, поскольку речь идет о капиталистическом и коммунистическом обществах.

Идея о том, что в процессе своего формирования коммунистический способ производства проходит разные периоды в зависимости от того, развивается ли он на технической основе, унаследованной от прошлого, или на основе тех революционных переворотов, которые он совершает в существующем техническом базисе, нам представляется несомненно плодотворной. Однако необходимым условием ее развития является трактовка проблемы в целом не в плане общеэкономических аспектов развития коммунистического производства, а в плоскости его специфических закономерностей. В этом случае обнаруживаются совершенно новые аспекты содержательной характеристики общенародной кооперации труда.

Создание принципиально нового технологического способа производства, которое знаменует реальное обобществление труда, отнюдь не исчерпывает проблему его коммунистического обобществления, а потому и не решает вопроса о полной зрелости непосредственно-общественного отношения. Иначе говоря, даже в том случае, если в процессе развития общенародной кооперации труда будет достигнуто преобразование материально-технической основы современного производства, в результате чего уровень производительности общественного труда окажется более высоким по сравнению с капитализмом, проблема развития непосредственно-общественного отношения не будет решена окончательно. Полная зрелость непосредственно-общественного отношения предполагает превращение труда из средства к жизни в первую потребность, т. е. достижение такого уровня развития коммунистического общества, при котором не предметно-вещественный результат, а сама деятельность, как таковая, образует главный мотив материального процесса общества и определяет его содержание. В связи с этим следует отличать этап реального обобществления социалистического производ-

ства, который характеризуется достижением более высокого, чем при капитализме, уровня производительности общественного труда, ростом экономического потенциала, от того, при котором осуществляется выход за пределы предметно-вещественного богатства как основной цели общественного производства. Только в последнем случае можно говорить о реальном коммунистическом обобществлении производства в собственном смысле. Именно это обстоятельство является решающим при характеристике содержания общенародной кооперации труда.

Достижение этого этапа предполагает в качестве необходимого условия преодоление остатков общественного разделения труда, т. е. окончательное исчезновение всяких социальных различий в труде, а потому и различий в общественном положении отдельных членов общества. Следует подчеркнуть, что и в этом отношении общенародная кооперация труда принципиально отличается от капиталистической кооперации. Хотя последняя и подрывает основы разделения труда, особенно в условиях господства системы крупного машинного производства, создавая материальные предпосылки коммунистической организации труда, тем не менее в пределах сохранения капиталистических отношений производства социальное закрепление людей за различными видами деятельности преодолеть невозможно. Невозможно потому, что, во-первых, живой труд продолжает сохраняться в качестве главного фактора производства богатства, так как последнее продолжает существовать в вещественной форме; а во-вторых, потому, что существует классово антагонистическая структура общества, которая представляет собой наиболее развитую форму общественного разделения труда. Пока сохраняется эта форма, преодолеть неоднородность социальной деятельности невозможно. Но в этом случае обобществление производства может происходить и действительно происходит не только в форме кооперации, но и в форме разделения труда.

Общенародная кооперация труда с самого начала тем существенно отличается от капиталистической, что она выступает в качестве главной и единственной формы коммунистического обобществления производства. Поэтому по мере ее утверждения и развития социальная значимость деятельности реализуется не посредством

движения материализованных результатов, т. е. продуктов, а непосредственно в форме самой деятельности, которая и выступает наиболее существенным результатом общественного производства.

Как новая форма общественной организации трудового процесса, соответствующая коммунистическим отношениям производства и обмена, общенародная кооперация труда выполняет свои функции прежде всего в качестве формы. Она не может на протяжении известного периода времени преобразовать технический строй производства соответственно потребностям формирующейся коммунистической системы производственных отношений. Это, однако, не исключает того, что именно она выступает как новая производительная сила общества. Будучи массовой силой индивидов, объединенных в масштабе общества, общенародная кооперация позволяет решать задачи, которые при том же техническом уровне производства и при той же его отраслевой структуре, но при отсутствии этой формы оказываются практически неосуществимыми.

Если обратиться к истории нашего общества, то достаточно вспомнить ее основные вехи. Уже в предвоенные годы советская экономика обнаружила коренные преимущества сравнительно с капиталистической, прежде всего в темпах расширенного воспроизводства. Это проявилось в процессе создания материально-технической базы социализма. В высшей степени характерным в этом отношении является и период Великой Отечественной войны, которая также стала испытанием экономических возможностей нового способа производства.

Не менее характерными в этом отношении являются и послевоенные годы мирного хозяйственного строительства. Потеряв почти треть национального богатства и колоссальные людские ресурсы, наше общество смогло менее чем в течение двух пятилеток восстановить довоенный экономический потенциал, а примерно еще через два с половиной десятилетия выйти по объему производства ряда важнейших видов промышленной продукции на уровень США.

Достиженные результаты были следствием реализации тех преимуществ, которые заложены в общенародной кооперации труда как новой форме общественной организации, адекватной коммунистическим отношениям

производства и обмена. И тем не менее, поскольку эта форма функционирует на прежней технической основе, ее возможности ограничены. Она оказывается адекватной коммунистическому производству лишь как форма трудового процесса, а не как новый способ труда по существу. В этом случае ее эффективность определяется ее возможностями экстенсивного типа общественного воспроизводства, для которого характерны расширение сферы приложения живого труда, вовлечение в производство значительных масс дополнительных средств производства, новых источников полезных ископаемых, плодородных, но не вовлеченных в культуру земледелия земель и участков, а также дополнительных континентов рабочей силы.

По мере того как обнаруживается ограниченность этих источников, возникает потребность качественных преобразований самого способа труда на основе создания принципиально нового технического базиса производства, обеспечивающего интенсивный тип расширенного воспроизводства. Переход к новой стадии в развитии общенародной кооперации труда является способом разрешения противоречия между формой организации трудового процесса, которая охватывает все общество, и ее ограниченным техническим базисом, который по своему существу продолжает оставаться продуктом исторически предшествующей системы отношений производства и обмена. В историческом процессе формирования и развития коммунистического способа производства в нашей стране первая стадия зрелости общенародной кооперации труда охватывает переходный период, т. е. период ее становления, а также весь период построения социализма в основном вплоть до развитого социалистического общества. Это — первая ступень зрелости коммунистического способа производства, рассматриваемого в собственном смысле; она характеризуется наличием новой формы общественного трудового процесса при сохранении прежнего материально-технического базиса. Наиболее общим определением этого последнего является сохранение непосредственного труда в качестве основного источника общественного богатства.

Наследуя те материальные условия производства, которые созданы капитализмом, социалистическое общество осуществляет революционные преобразования во

всей системе материальных средств связи общества с природной средой, создавая адекватный своим социальным целям материально-технический базис производства. Однако на первых порах оно вынуждено использовать материальные средства, унаследованные от капитализма. При капитализме, даже на высшей стадии его развития, по-прежнему, сохраняются в широких масштабах остатки ручных средств труда и ручных операций. Во-вторых, остается практически в неизменном виде традиционная технология производства, основанная на механических методах воздействия на предмет труда. В-третьих, непосредственный производитель — трудящийся продолжает быть главным агентом технологического процесса. В-четвертых, вследствие этого капитализм не в состоянии осуществить комплексную автоматизацию производства.

Все это так или иначе наследует на первых порах коммунистическое общество, которое приходит на смену капитализму. Необходимо, кроме того, учитывать и конкретно-исторический элемент. Говоря о материально-технической основе общенародной кооперации труда, следует исходить не из капитализма вообще как исторически определенного способа производства, который достигает наиболее развитого состояния в форме государственно-монополистического капитализма, а из того состояния капиталистического общества, которого оно достигает к моменту социалистических преобразований. Речь идет, следовательно, о том, чтобы учитывать действие закона неравномерности экономического и политического развития капитализма в эпоху империализма. В этом случае может оказаться, что формирующееся коммунистическое общество наследует такую материально-техническую основу, которая носит на себе следы недостаточного развития капитализма.

В ходе социалистических преобразований в нашей стране осуществлены коренные изменения, которые знаменовали собой подлинно революционный переворот в материальных условиях производства сравнительно с дореволюционным периодом. И тем не менее материальная база социалистического общества на протяжении продолжительного периода характеризует первую стадию зрелости общенародной кооперации труда. Не вдаваясь в подробную характеристику этого ее состояния, отметим лишь некоторые моменты, относящиеся по пре-

имуществу к степени развития форм общественной организации производства. Например, исторические особенности создания материально-технической базы социализма в нашей стране обусловили необходимость значительного развития предметной специализации в промышленном производстве. В результате этого в ряде отраслей промышленности был достигнут довольно высокий уровень отраслевой специализации.

Но развитие этой формы специализации сопровождалось тем, что на протяжении длительного времени создавались предприятия комплексного типа, которые включали в свой состав множество различных подразделений вспомогательного характера. Это приводило к тому, что каждая отдельная отрасль формировалась как сумма предметно специализированных производственных единиц комплексно универсального типа с замкнутым циклом производства. Поэтому наиболее соответствующие современному состоянию промышленного производства формы специализации — подетальная и технологическая — получили явно недостаточное развитие.

Уровень подетальной специализации в машиностроении составляет 15—16%. В области производства чугуна и литья 54,5% специализированных заводов на начало 70-х годов производили менее 5% общего количества выпускаемой в стране продукции. Аналогичная картина наблюдалась и в инструментальной промышленности, где 90% оборудования и 87% рабочих были рассеяны по 4500 мелким цехам машиностроительных заводов¹. Это обстоятельство задерживало рост массового производства однородной продукции на крупных высокоспециализированных предприятиях и обусловленное им производственное кооперирование. Преобладающее значение предметной специализации означало по существу сохранение в определенных пределах отношений простой кооперации труда в каждой отдельной отрасли промышленности.

Сказанное в еще большей степени относится к сельскому хозяйству, где преобладающим типом производства является многоотраслевое хозяйство, охватывающее создание самых различных видов сельскохозяйственной продукции в пределах каждой данной произ-

¹ См. «Эффективность хозяйственных объединений». Л., 1974, с. 62—65.

водственной единицы. Но, отмечая эти особенности первой ступени зрелости общенародной кооперации труда, не следует придавать им самодовлеющего характера, поскольку развитие производственных отношений социализма на определенном этапе порождает не только существенное изменение формы организации общественного трудового процесса, но и коренное изменение в содержании самого способа труда. Конкретными формами существования этого процесса являются создание и все большее возрастание роли промышленных объединений, курс на развитие агропромышленных комплексов и межколхозных объединений.

На конец 1963 г. насчитывалось 351 производственное и научно-производственное объединение в промышленности, на конец 1972 г. — 879¹, а на конец 1976 г. — 3312². Следует учесть, что создание производственных объединений является не формальным, а глубоко содержательным моментом, поскольку оно покоится не на административном, а на технологическом единстве объединяемых предприятий. Процесс создания новых объединений сопровождается процессом ликвидации тех из них, которые носят формальный характер. Так, только за 1966—1969 гг. было разукрупнено 240 объединений³. С еще большей наглядностью это явление выступает в сельскохозяйственном производстве. В 1975 г. в СССР насчитывалось 6327 межколхозных предприятий, организаций и объединений, причем только 241 из них, т. е. 3,8%, занималось смешанной деятельностью, остальные же 6086, или 96,2% от общего числа, имели только один вид деятельности. Таким образом, речь идет не просто о приспособлении существующей материальной базы к условиям новой социальной формы, а о ее коренном преобразовании на основе реализации результатов научно-технической революции и создания адекватного коммунистическому обществу материально-технического базиса. Этот процесс образует основное содержание второй стадии общенародной кооперации труда.

¹ См. «Эффективность хозяйственных объединений», с. 37.

² См. «Народное хозяйство СССР за 60 лет», с. 170.

³ См. Сазонов Г. И. Социально-экономические проблемы концентрации и размещения промышленного производства. М., 1971, с. 209.

В литературе ему уделяется незаслуженно мало внимания. Технические перевороты всегда имеют ярко выраженное социальное содержание, поскольку, как указывал К. Маркс, «вместе с происшедшей однажды революцией в производительных силах, которая выступает как революция технологическая, совершается также и революция в производственных отношениях»¹. Если, с одной стороны, технический прогресс обуславливает в конечном счете известные социальные изменения, то, с другой стороны, он всегда определяется действием общественных сил, общественных потребностей, которые выступают в качестве главного его фактора. Поэтому характеристика социальных аспектов научно-технической революции, которая в ряде случаев ограничивается лишь рассмотрением ее социальных последствий, является весьма односторонней и не решает проблемы. При таком освещении вопроса может возникнуть неправильное представление о действительных пружинах движения. Общеизвестно, например, что промышленная революция была вызвана к жизни развивающимся капиталистическим производством. Иначе говоря, главным социально-экономическим фактором явились капиталистические производственные отношения. Как обстоит дело с научно-технической революцией? С первого взгляда может показаться, будто техническая революция вызвана к жизни самим развитием производительных сил, их внутренними закономерностями. Такое объяснение нам представляется неубедительным. Производительные силы — это фактор общественного развития, и их динамика определяется не законами техники, а законами общества. Конечно, без законов техники вообще развитие производительных сил объяснить нельзя. Однако не им, а законам общественного развития принадлежит в данном случае решающая роль.

Может быть, техническая революция обусловлена развитием того же капиталистического способа производства? На этот вопрос также следует ответить отрицательно. Производственные отношения капитализма в качестве фактора развития производительных сил в основном выполнили свою историческую миссию к началу XX в. Этот век стал, как известно, периодом заката

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47, с. 461.

капитализма как способа производства во всемирном масштабе. Возникновение новых общественных форм и механизмов функционирования производства, вызванное к жизни господством монополий, знаменовало собой распад капитализма как социально-экономической системы, его загнивание и начало перехода к коммунистическому способу производства.

Научно-техническая революция, начавшаяся в 50-х годах нынешнего века, была подготовлена, поскольку речь идет о ее социальных аспектах, теми грандиозными по своему историческому значению социальными битвами и переворотами, которыми была заполнена первая половина XX столетия и которые по своему главному содержанию характеризуют эпоху перехода от капиталистического к коммунистическому способу производства. Она представляет собой органический составной элемент процесса перехода к коммунистическому способу производства. Создавая адекватный коммунистическому обществу технический базис производства, научно-техническая революция может развиваться и достигнуть заложенных в ее возможностях результатов лишь на основе утверждения коммунистических общественных отношений. Она создает для них необходимую материальную основу.

Следовательно, только коммунистический способ производства и соответствующие ему отношения производства могут рассматриваться в качестве главной социальной пружины научно-технической революции. И если современный капиталистический мир утилизирует ее результаты и в определенной мере принимает участие в ее развитии, то это не означает, что его социально-экономическая система может рассматриваться в качестве движущей социальной силы этой революции. Речь может идти о приспособлении капиталистического производства к новым условиям, вызванным научно-технической революцией. К тому же методы и способы, с помощью которых осуществляется это приспособление, порождают такие социально-экономические формы, которые лишь усиливают подготовку материальных условий перехода к социализму. Происходит, таким образом, накопление и углубление противоречий, формой разрешения которых может быть лишь социалистическое преобразование общества.

Никакие технические перевороты не могут осуществ-

ляться вне имманентных их природе форм общественной организации труда. Общенародная кооперация труда в качестве исходного пункта коммунистического способа производства и является той необходимой формой, в пределах которой только и может развиваться и завершиться научно-техническая революция.

Поэтому, когда мы говорили выше об общенародной кооперации труда, функционирующей на первых порах на прежней материально-технической основе, то речь шла, во-первых, об абстрактном рассмотрении этой формы, как таковой, и, во-вторых, о том, что она имеет определенное реальное значение для тех стран, где капиталистический способ производства не достиг развитых форм реального подчинения труда капиталу, а потому не создал адекватного ему способа производства. Вследствие этого здесь возникает задача создания промышленной структуры общественного производства. Именно в этом случае общенародная кооперация труда как исходный пункт коммунистического способа производства может на протяжении определенного времени функционировать на прежней материальной основе. Вместе с тем именно наличие этой общественной формы дает возможность обществу решить задачи создания народнохозяйственного комплекса в сжатые исторические сроки, избежав при этом возникновения тех присущих капиталистической индустриализации антагонизмов, которыми она обычно сопровождается (массовая экспроприация мелкого производителя, рост пауперизма, углубление классовых противоположностей и др.).

Общенародная кооперация труда, развиваясь на принципиально новой материальной основе по сравнению с другими формами общественной организации, существовавшими в прошлом, является таким фактором преобразования материальных условий жизни общества, который соответствует самой природе изменений, обусловленных возможностями научно-технической революции. Научно-техническая революция создает для общенародной кооперации труда необходимую материально-техническую базу.

Поэтому суть дела заключается не только в том, что в процессе развития научно-технической революции происходят существенные сдвиги в самих вещественных элементах производительных сил, в результате которых

коренным преобразованиям подвергаются как средства производства, так и технологические способы воздействия на предмет труда. Такого рода изменения в вещественных элементах производства, хотя и в несравненно меньшей степени, происходили и в прошлом.

Нельзя, по-видимому, усматривать главное содержание научно-технической революции и в том, что в ходе ее развертывания происходит кибернетизация производства и тем самым завершается создание условий для превращения всего производственного процесса в единый механизированный комплекс автоматически действующих систем, охватывающий не только технологические процессы, но и операции контроля и управления. Значение этих технических переворотов едва ли можно переоценить. Но тем не менее не они, рассматриваемые сами по себе, и не тот уровень производительности, который они могут обеспечить, образуют главное содержание социального преобразования способа производства. Главное содержание совершающегося изменения может быть определено двумя моментами: во-первых, превращением науки в главную производительную силу общества и, во-вторых, существенным изменением роли человека в производственном процессе и коренными преобразованиями в характере его деятельности. Эти моменты внутренние связаны и взаимно обуславливают друг друга. Превращение науки в главную производительную силу общества означает, что само производство становится техническим применением науки, что его уровень определяется не количеством применяемых вещественных элементов и массой простого труда, а уровнем научных знаний, которые материализуются в производственном процессе.

Поэтому главным фактором динамики производства становится наука, уровень ее развития, эффективность методов ее применения. Превращение производственного комплекса в единую автоматически действующую во всех своих звеньях саморегулирующуюся систему происходит именно как результат материализации науки — ой всеобщей и главной производительной силы. Но лишь скоро создается такая система и в той мере, в какой она создается, происходит освобождение человека в качестве агента непосредственного процесса производства. А поскольку наука превращается в главную производительную силу, постольку основной формой чело-

вещеской деятельности ставопится научная, творческая деятельность, создающая возможность человеку развить все свои внутренние физические и духовные ресурсы, способности, дарования.

В этих условиях развитие общественного производства оказывается не только совпадающим по своему направлению, но и тождественным по существу расцвету человеческой личности, поскольку именно от этого зависит уровень научных знаний и их технологическое применение. Внутренним смыслом производства оказывается развитие человеческой личности как самоцель. Человеческая деятельность превращается из средства к жизни в непосредственную потребность самой жизни. Она становится не средством производства вещественного богатства, а средством развития самого человека. Таково главное содержание и внутренняя логика научно-технической революции, если рассматривать ее в плоскости специфически социальных аспектов, поскольку речь идет о формировании коммунистических отношений.

Следовательно, лишь в пределах общенародной кооперации труда, функционирующей на той материально-технической основе, которая создается научно-технической революцией, разрешается присущее первой стадии общенародной кооперации труда противоречие между всеобще ассоциированной формой общественно-трудового процесса и его расчлененностью, которая получила свое закрепление в профессиональном разделении труда между различными членами общества и их коллективами. Развиваясь на адекватной ей технической базе, общенародная кооперация труда преодолевает остатки старого разделения труда, а потому и присущую ему дифференциацию отдельных хозяйственных звеньев. Тем самым она как форма непосредственного сотрудничества приобретает соответствующее ее природе содержание, определяемое социальной равнозначностью труда отдельных индивидов и их коллективов.

Общенародная кооперация труда достигает этого благодаря тому, что создает производительные силы, развитие которых не определяется более ни естественными агентами, рожденными прежними промышленными переворотами, ни затратами живого труда, а обусловлено развитием творческих потенций человеческих сил, воплощенных в науке, которая становится главной производительной силой.

Этот революционный переворот в самом способе производства означает одновременно и изменение характера общенародной кооперации труда. Возникнув как форма разрешения противоречия между общественным характером производства и частной формой присвоения, она функционирует до поры до времени именно как выражение обобществленного в масштабе общества труда, являющегося на первых порах еще средством к жизни для каждого. Но в той мере, в какой общенародная кооперация преобразует производство и превращает труд в потребность каждого, она перестает быть кооперацией труда, понимаемого в традиционном его смысле, поскольку новой формой деятельности становится самодеятельность, а главным смыслом производства становится развитие самого человека. Общенародная кооперация по-прежнему остается объединением совокупной общественной деятельности. Но поскольку меняется характер этой деятельности, постольку меняется и содержание этой ассоциации. Общенародная кооперация труда становится всеобщей ассоциацией свободных всесторонне развитых индивидов, совокупная деятельность которых в социальном аспекте тождественна форме жизнедеятельности каждого из них, поскольку любой ее вид есть форма бытия общественного богатства, существующего как совокупность всесторонне развитых индивидов. Это — высшая стадия зрелости общенародной кооперации труда.

Таким образом, коммунистический способ производства, рассматриваемый в собственном смысле, в процессе своего формирования проходит три основные стадии.

Первая стадия характеризуется возникновением и утверждением новой формы общественной организации трудового процесса — общенародной кооперации труда, знаменующей собой новую производительную силу. На первых порах она функционирует на прежней материально-технической основе.

Вторая стадия характеризуется переворотом в технической основе производства. Создается такой материально-технический базис производства, который образует собственную основу коммунистического общества, адекватную природе его экономической системы.

Третья стадия — достижение такого уровня производительных сил, при котором не создание предметного богатства, а развитие личностных сил каждого члена

общества становится главной формой богатства, а потому и основным мотивом общественного производства.

Для первой стадии характерно сохранение все еще экстенсивного характера производства, когда прирост общественного продукта и общественного богатства, которое существует пока как предметное богатство, обусловлен расширением объема применяемых материальных и трудовых ресурсов. На второй стадии складывается новый тип общественного производства, когда на основе широкого применения науки общественное богатство и его размеры перестают быть функцией ресурсов средств производства и живого труда.

На третьей стадии происходит существенное изменение самого характера богатства, поскольку таковым непосредственно становится сам человек, условия его всестороннего развития.

Таковы основные стадии формирования коммунистического способа производства, рассматриваемого в собственном смысле.

В плане этой периодизации, которая претендует отнюдь не на окончательное решение проблемы, а в лучшем случае лишь на ее постановку, оказывается возможным более конкретно ставить и решать вопрос об экономических критериях развитого социализма и его историческом месте. Мы обращаемся к этому вопросу потому, что он имеет кардинальное теоретическое и непосредственно практическое значение. Именно поэтому на XXV съезде КПСС со всей определенностью была подчеркнута необходимость дальнейшей всесторонней разработки теории развитого социалистического общества.

Развитой социализм характеризуется определенным состоянием производительных сил и производственных отношений, специфической социально-классовой структурой, особой политической организацией общества и многими другими определениями. Однако когда речь идет об историческом месте этого этапа в процессе формирования коммунистического общества в целом, то задача состоит в том, чтобы выделить определяющий критерий. Не приходится доказывать, что его необходимо искать в системе отношений способа производства, рассматриваемого прежде всего в собственном смысле. Известно, какое значение имела разработка К. Марксом проблемы трех стадий капитализма в промышлен-

ности для понимания этапов развития капиталистического общества. Основным критерий этой периодизации, как известно, был положен В. И. Лениным в основе исследования исторических этапов развития русского капитализма в работе «Развитие капитализма в России». Можно поэтому полагать, что в системе политической экономии социализма плодотворное исследование проблем теории развитого социализма может быть обеспечено лишь в том случае, если вопрос о критериях историческом месте развитого социализма будет разрабатываться в плане эволюции коммунистического способа производства, рассматриваемого прежде всего в собственном смысле. Исследование проблемы в этой плоскости дает основание полагать, что этап развитого социализма характеризует переход ко второй фазе формирующегося коммунистического способа производства, поскольку в пределах этого этапа будет решаться задача создания материально-технической базы коммунизма, т. е. создания материальной основы, адекватной экономической системе коммунистического общества. Представляется, что именно на основе этого критерия следует ставить и решать все другие проблемы развития общественных отношений развитого социализма, и в частности проблему социалистического образа жизни.

ВОСХОЖДЕНИЕ ОТ АБСТРАКТНОГО К КОНКРЕТНОМУ — ОСНОВА ЕДИНСТВА ИСТОРИЧЕСКОГО И ЛОГИЧЕСКОГО

Выше мы неоднократно подчеркивали положение о том, что экономическая структура развитого социализма выступает одновременно как момент генезиса экономической системы коммунистического общества. Это обуславливает необходимость специфического сочетания исторического и логического методов исследования в политической экономии социализма. Отмеченное обстоятельство определяет особенности восхождения от абстрактного к конкретному и его значение в экономической теории социализма. Но прежде чем рассмотреть данные особенности, следует остановиться на выяснении содержания метода восхождения от абстрактного к конкретному вообще, что вызвано не только актуальностью разработки теории метода политической экономии социализма, но и ее состоянием.

§ 1. Сущность метода политической экономии

Всеобщим методом познания всех форм движения материи, наиболее соответствующим современному уровню научного знания, является метод материалистической диалектики. Применение этого метода к познанию явлений и процессов социальной действительности должно учитывать ее существенные особенности по сравнению с другими формами движения материи. Наиболее адекватной формой метода материалистической диалектики, которая соответствует специфике социальных явлений, выступает исторический материализм. Отмечая это обстоятельство, мы, однако, еще не определяем содержания той системы логических средств, форм мышления, с помощью которой решается задача теоретического воспроизведения социальной действительности, ее научного усвоения. Такой системой является метод восхождения от абстрактного к конкретному, т. е. способ теоретического изображения сущности предмета во всей ее конкретной целостности¹.

¹ См. Оруджев З. М. Единство диалектики, логики в теории познания в «Капитале» К. Маркса. Баку, 1968, с. 250

Следует подчеркнуть глубокую внутреннюю связь, которая существует между разработкой концепции материалистического понимания истории и методом восхождения от абстрактного к конкретному. Материалистическое понимание исторического процесса, которое первоначально представляло собой лишь научную гипотезу, получило свое всестороннее и наиболее полное обоснование в «Капитале», по праву являющемся главным произведением научной социологии. Именно в «Капитале» метод восхождения от абстрактного к конкретному впервые был применен наиболее полно и последовательно.

При исследовании экономической системы социалистического общества метод восхождения от абстрактного к конкретному еще не получил достаточно широкого применения. Это следует объяснить рядом факторов.

Прежде всего, определенную роль играют и теоретические предубеждения против применимости к исследованию экономической структуры социализма метода восхождения от абстрактного к конкретному. Иногда считают, что движение познания от части к целому должно быть ограничено лишь условиями общественных форм, где господствует частная собственность. При исследовании же экономической структуры непосредственно ассоциированного производства необходимо поступать наоборот: двигаться в процессе познания от общего к частному¹. При этом забывают, что связь между частной собственностью и движением познания от частного к общему ограничивается лишь тем, что и в том и в другом случае присутствует термин «частный». Во всех же остальных отношениях связи между ними нет, поскольку частная собственность тоже ведь есть общественное отношение индивидов: она характеризует их общественную связь, т. е. является таким же всеобщим по своему значению социальным феноменом, как и непосредственно ассоциированная форма собственности. Объектом познания и в том и в другом случае выступает общество как целое. Но общность объекта познания по существу означает и общность метода.

Метод познания объективно существующих экономических отношений отнюдь не определяется свободным выбором того или иного исследователя. Он обусловлен

¹ См. «Вопросы экономики», 1963, № 1, с. 111.

самим характером предмета познания, его внутренней структурой, присущими ей закономерностями функционирования и развития, в частности достигнутой степенью зрелости самого объекта, каким является система материальных отношений общества.

Несмотря на это, значительная часть учебных пособий по политической экономии социализма создается на основе логической схемы первого издания. Между тем объективное состояние предмета экономической теории социализма, практические задачи, которые выдвигаются всем ходом развития социалистического общества, настоятельно требуют более широкого и многостороннего применения метода восхождения от абстрактного к конкретному в процессе исследования производственных отношений социализма. Необходимо, кроме того, подчеркнуть, что первый опыт такого применения предпринят. Речь идет о «Курсе политической экономии» под редакцией Н. А. Цаголова. И хотя схема этого курса далека от совершенства, она может рассматриваться как начало исследований в данной области.

Выполнению этой задачи противодействует и различная трактовка содержания самого метода. Многие авторы далеко не однозначно понимают значение категорий «конкретное» и «абстрактное». В результате имеет место различное понимание метода исследования и метода изложения. Нет единодушия и в понимании роли и значения фактов в теоретическом исследовании производственных отношений общества. Учитывая все это, представляется целесообразным более подробно остановиться на выяснении содержания метода восхождения от абстрактного к конкретному (речь идет о наиболее существенных пунктах, характеризующих это содержание, поскольку оно достаточно широко освещено).

Начнем с выяснения содержания категорий «конкретное» и «абстрактное». В определенный период «конкретное» трактовалось как синоним объективной действительности, а «абстрактное» — как отражение конкретного в сознании. В этом случае отношение конкретного и абстрактного сводилось к соотношению материального и идеального, бытия и сознания¹. При таком

¹ Так, например, М. А. Деборин, характеризуя развитие К. Марксом диалектики Гегеля, указывал, что его величайшей заслугой в этой области было то, что он преодолел противоречие, вы-

понимании восхождение от абстрактного к конкретному оказывалось равнозначным движению от идеи к реальной действительности. Другими словами, метод восхождения от абстрактного к конкретному получал по существу идеалистическую трактовку. И хотя в общеполитическом плане это заблуждение давно преодолено, тем не менее, поскольку идет речь о методе политической экономии социализма, иногда приходится встречаться с этой ошибочной трактовкой. Так, в одной из публикаций мы читаем: «...иногда метод политической экономии трактуется односторонне, лишь как движение от абстрактного к конкретному. Что же при этом оказывается исходным пунктом познания? Логическая идея, абстрактное понятие?»¹

Весьма близкой к упомянутому пониманию абстрактного является трактовка конкретного как непосредственного образа действительности, наглядно созерцаемого и чувственно воспринимаемого, как мира явлений, внешних зависимостей, эмпирических данных и т. п. В этом случае соотношение конкретного и абстрактного трактуется в плане соотношения чувственной и рациональной ступеней познания.

Указанные варианты трактовки содержания категорий конкретного и абстрактного и их соотношения не соответствуют не только методу «Капитала», но и результатам теоретических исследований методологического наследия К. Маркса, которые были достигнуты в науке за последние 20 лет².

Конкретное и абстрактное есть прежде всего категории объективной диалектики, т. е. категории самой реальной действительности. «Природа, — писал В. И. Ленин, — и конкретна и абстрактна, и явление и суть, и мгновение и отношение»³. Стало быть, и конкретное и абстрактное суть свойства самой объективной реальности.

Действительность как конкретное представляет собой такое объективное целое, которое характеризуется

текающее из идеалистической исходной точки гегелевской системы «противоречие между конкретным и абстрактным, материальным и идеальным» (см. Гегель, Соч., т. I. М.—Л., 1930, с. XXVIII).

¹ «Экономические науки», 1974, № 1, с. 24.

² В этой связи следует упомянуть работу Э. В. Ильенкова «Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса» (М., 1960).

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 190.

множеством сторон, свойств, признаков, компонентов, функций и т. д. Все эти объективные параметры конкретного образуют целое именно потому, что они суть единство противоположностей, различные стороны которого предполагают и исключают друг друга, находясь в состоянии взаимных переходов, оставаясь в каждый данный момент тем же и иным, своей собственной противоположностью. Понять конкретное — значит определить ту основную связь, которая образует особое, присущее только данной совокупности качество.

Если же рассматривать конкретное не, как механическое сцепление отдельных элементов, а как органическую систему, постоянно находящуюся в развитии, то выделение ее внутренней связи не может быть осуществлено путем отыскания формально-родовых признаков составных частей. Любое органическое целое всегда объединено генетическими связями, которые и определяют его органичность, т. е. способность поддерживать динамическое равновесие своей внутренней структуры в процессе развития.

Очевидно поэтому, что и познать закономерности движения целого, внутреннюю связь форм его существования можно лишь путем вычленения его генетической формы. Ее характеристика будет являться наиболее простым (а потому и абстрактным) определением данной целостности. Разумеется, анализ этой формы не дает всех внутренних связей и тем более всего богатства внешних признаков системы. Но это и не удивительно, поскольку в процессе развития последней генетическая форма не равна самой себе. Она проходит ряд ступеней развития и в сформировавшемся образовании выступает лишь в качестве одной из его сторон, но наряду с тем сохраняется в качестве наиболее глубокой основы данной конкретности, а потому и в качестве ее самого общего определения. Так, например, исследование системы производственных отношений капиталистического способа производства К. Маркс начинает с анализа товара потому, что она вырастает из развития товарной формы продукта труда¹.

Товар в этом смысле выступает как генетическая форма капитализма, хотя в то же время он есть его элементарная конкретность, наиболее общий признак его

¹ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 375.

существования. Следовательно, он является объективно-абстрактным моментом конкретной целостности капиталистического производства. Товар абстрактен по отношению к капиталу, но это абстракция именно капитала как целого, а не какой-то стороны. При этом, конечно, нельзя забывать того, что, являясь объективно-абстрактным моментом капитала, в его структуре он существует не только в виде генетической основы, но и в форме различных ступеней своего собственного развития: денег, прибавочной стоимости и т. д. Но эти последние являются моментами развития товара именно как объективно-абстрактного в системе капиталистического производства и потому могут быть познаны лишь через его вычленение¹.

Генетическая форма выступает в качестве абстрактного, но это, конечно, не исключает того, что она в зрелой структуре выступает в качестве выделившегося и обособившегося момента существования. Но признавая отношение между конкретным и абстрактным как отношение системы и ее генетической основы, мы должны начать исследование экономической структуры общества с выделения абстрактного определения, категории, содержащей в зародыше все движущие ее противоречия.

Например, система социалистических производственных отношений, рассматриваемая как целое, представляет собой конкретное экономическое образование, целостный организм. Его отдельные компоненты образуют единство не потому, что они тождественны друг другу, одинаковы, неразличимы. Напротив, каждый из них обладает своей собственной определенностью, особенностями, характерными чертами. Они образуют единство вследствие той связи, которая соединяет их в целое и в пределах которой они могут взаимодействовать. Непосредственно-общественный характер трудового процесса, планомерная форма его функционирования, непосредственное соединение личных и вещественных факто-

¹ Исходя из этой посылки, мы не можем согласиться с теми экономистами, которые считают, что «движение от абстрактного к конкретному не обязательно отражает процесс исторического развития» («Вопросы экономики», 1976, № 12, с. 20). В данном случае, как нам представляется, не только не учитываются ступени развития самого абстрактного, но и отождествляются абстрактное как свойство объективной действительности и абстрактное как категория познания.

Таким образом, познание конкретной целостности всех экономических форм социалистического производства невозможно без вычленения их генетической основы из абстрактного бытия¹. При этом, разумеется, когда речь идет о конкретном и абстрактном, то имеется в виду прежде всего их реальное, объективное содержание независимо от того, отражается ли оно в сознании познающего субъекта или нет. Абстрактное и конкретное представляют собой противоположные стороны действительности, которые предполагают и в то же время исключают одна другую. Они не могут существовать друг без друга, независимо одна от другой; они суть единство противоположностей.

Идеально же абстрактное и идеально конкретное есть лишь отражение свойств действительности, т. е. абстрактного и конкретного как сторон объективной реальности.

Иногда полагают, что идеально абстрактное является продуктом абстрагирующей деятельности мышления, между тем как идеально конкретное выступает как наглядный образ действительного, существующий в виде ощущений, восприятий, представлений. В этом случае представляется, будто идеально конкретное ближе к чувственно воспринимаемому по сравнению с идеально абстрактным. Действительное же соотношение идеально конкретного и идеально абстрактного существенно иное.

Идеально абстрактное может быть дальше от реальной действительности, если оно находится на уровне эмпирического ее отражения, в противоположность идеально конкретному, характеризующему теоретическую ступень познания действительности. Напротив, идеально абстрактное может быть ближе к реальной действительности как момент теоретического познания действительности в отличие от идеально конкретного, характеризующего эмпирическую ступень познания той же действительности. Поэтому проблема «близости» к объекту познания по существу является проблемой ступени познания действительности, проблемой достоверности и

¹ В литературе указывалось, что в системе экономических взглядов К. Маркса «в качестве исходной категории было взято не формально-родовое, а генетическое понятие» (Юдкин А. И. Об основных ступенях восхождения от абстрактного к конкретному в «Капитале» Маркса. — «О системе категорий и законов политической экономики», с. 97).

адекватности формы отражения ее в человеческом сознании.

Эмпирическая ступень отражения действительности есть первая, исходная ступень ее познания. Этой ступени также характерно свое абстрактное и свое конкретное. И в данном случае абстрактное является односторонним, неполным, относительным знанием реальности, тогда как конкретное выступает как синоним всестороннего знания. Но эта всесторонность эмпирическая. Эмпирическое знание, каким бы полным оно ни было, не в состоянии раскрыть внутренние связи предмета, познать его сущность как единство противоположностей, выяснить внутренние причинно-следственные зависимости различных сторон предмета, выявить закономерности его изменения и развития.

Поэтому даже самая детальная осведомленность о предмете и процессе на уровне эмпирического знания является неполным, неглубоким, поверхностным знанием, поскольку оно фиксирует лишь то, что непосредственно попадает в поле зрения и находит свое выражение в ощущениях, восприятиях, представлениях. Эмпирическое знание является богатым и всесторонним лишь по видимости, масштабности, но не по существу. Возьмем, например, форму цены социалистически произведенного продукта. Кажется вполне оправданным трактовать ее как денежную форму стоимости, как форму, которая находится в пределах действия закона стоимости. На первых порах экономическое содержание цены в социалистическом обществе так и трактовалось. В этом случае проблема решалась по аналогии с условиями, присущими товарному производству вообще. Такое решение совершенно игнорировало принцип историзма, требующий конкретного подхода к постановке и решению проблемы цены в социалистическом обществе.

Такая внеисторическая постановка вопроса находилась в явном противоречии с практическими задачами планового управления социалистическим производством, и потребовались немалые усилия, чтобы проблему ценообразования ставить конкретно, с учетом исторической специфики социалистического производства, которое лишь на уровне абстрактных аналогий может трактоваться как разновидность товарного производства. Проблемы ценообразования в условиях социалистиче-

ского общества полностью еще не решены, но, поскольку речь идет о теоретическом аспекте проблемы, ее решение, несомненно, продвинулось вперед. Это явилось следствием учета исторического момента при постановке и решении всего комплекса вопросов, относящихся к экономической форме социалистического производства и его продукта. Социалистическое производство есть планомерно организованное хозяйство в масштабе общества. Но если это так, то проблема цены здесь не может решаться лишь в плоскости анализа стоимостных отношений, поскольку последние не только не исчерпывают характеристики формы экономической связи, присущей социалистическому обществу, но и не являются определяющими. Вследствие этого форма цены как одна из наиболее поверхностных экономических форм испытывает воздействие всех экономических законов социалистического общества, а потому может быть понята лишь в пределах именно данной совокупности.

На уровне эмпирического познания мышление улавливает и может уловить или внешние сходства предметов, или различия между ними, но оно не в состоянии уловить сходство в различном и различия в сходстве, внутренние переходы явлений друг в друга. Таким образом, абстрактное и конкретное на уровне эмпирического отражения ближе к объективной действительности в том смысле, что они представляют первую ступень ее познания. Но они дальше от нее по результату познания, так как отражают ее не со стороны внутренних, сущностных связей, а со стороны внешних, поверхностных, видимых непосредственно. Эмпирическая ступень познания выступает как предпосылка теоретического познания действительности. Если результатом эмпирического познания являются общие представления, то теоретическое познание начинается с качественно другой формы — понятия.

Понятие вбирает в себя результаты эмпирического познания, но оно несводимо к ним. Оно не просто фиксирует общее, существующее в разных явлениях действительности. Ведь общее может быть и случайно общим. Понятие отражает существенно общее, т. е. выражает его со стороны внутренней взаимосвязи предметов и явлений действительности. В обычном представлении общее выступает как отвлеченное от всех конкретных различий предметов и явлений, т. е. отвлеченное от

особенного и индивидуального. Оно поэтому выступает как абстрактно общее, как родовой признак определенной совокупности предметов и явлений, который безразличен и равнодушен к особенным и индивидуальным чертам предметов, включенных в эту совокупность.

Понятие существенно отличается от общего представления тем, что оно воплощает в себе богатство особенного и единичного. В понятии фиксируется такое особенное, которое в данной взаимосвязи явлений выступает как их генетическая основа. Понятие поэтому выступает не как результат формального отвлечения от реальных различий, а как выражение того особенного, которое образует основание множества других особенных явлений, могущих быть понятиями только на этом основании.

Единичная форма стоимости, например, будучи индивидуальной и неповторимой в своем непосредственном выражении, выступает вместе с тем как всеобщая основа формы стоимости вообще, как генетическое основание всей совокупности отношений товарного производства и капитализма. Она выступает поэтому как конкретно-всеобщее по отношению к этой совокупности, несмотря на то что она сохраняет достоинство единичности. Поэтому выработка понятия есть возведение в ранг всеобщности единичного и особенного. «И в самом деле, — писал Ф. Энгельс, — всякое действительное, исчерпывающее познание заключается лишь в том, что мы в мыслях поднимаем единичное из единичности в особенность, а из этой последней во всеобщность; заключается в том, что мы находим и констатируем бесконечное в конечном, вечное — в преходящем»¹.

Возведение единичного в особенное, а особенного во всеобщее есть не чисто логический акт, а отражение в логической форме той действительной роли, которую играет данное единичное в реальности. Это возведение совершается с помощью мышления, но оно является не продуктом чистой мысли, а лишь отражением действительности, объективной реальности. Именно поэтому в процессе теоретического мышления постоянно удерживается чувственно предметная основа познания. Мышление, если оно, конечно, теоретическое, не удаляется от действительности, а подходит к ней, не уходит от

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 548.

альной жизни, ее фактов, событий, процессов, а приближается к ним, но оно приближается не со стороны описания, каталогизации явлений жизни, т. е. не со стороны поверхности явлений, а со стороны понимания их сущности, внутренней жизни, закономерности. Именно так следует понимать положение В. И. Ленина о том, что «мысливание, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит — если оно *правильное* (NB)... от истины, а подходит к ней. Абстракция *материи, закона природы, абстракция стоимости* и т. д., одним словом, *все научные (правильные, серьезные, не вздорные)* абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*»¹.

В конце прошлого столетия в экономике главных капиталистических стран стали наблюдаться новые явления и процессы, которые были неизвестны капитализму свободной конкуренции. Громадная концентрация производства и образование различных форм монополистических объединений, изменение роли банков, слияние банковского капитала с промышленным, вывоз капитала и образование центров финансовой эксплуатации, создание международных союзов капиталистов и обусловленный ими экономический раздел мира — все это настоятельно требовало теоретического объяснения. Авторы многочисленных работ — экономических, политических, социологических — так или иначе стремились объяснить смысл происходящих изменений. Однако последовательная материалистическая теория новой стадии капитализма, явившаяся дальнейшим продолжением экономического учения К. Маркса, была создана В. И. Лениным. Если рассматривать ленинскую теорию империализма с точки зрения интересующего нас здесь вопроса о соотношении эмпирических и теоретических абстракций, то следует подчеркнуть, что только В. И. Ленин впервые выработал научное понятие империализма, тогда как его предшественники в этом вопросе в лучшем случае оперировали общими представлениями, стремясь отыскать то абстрактно общее, что свойственно множеству наблюдаемых ими эмпирических явлений. В. И. Ленин смог решить задачу теоретического объяснения империализма именно потому, что он решал ее диалектически: в системе явлений действительности он выделил такое особенное явление, которое одновременно выступало как

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 152.

всесообщая основа всей совокупности явлений, характеризующих экономику новейшей стадии капитализма. Оно показало, что таким особенным явлением, которое выступает как генетическая основа всех других, является монополия. Новая роль банков, образование финансового капитала и финансовой олигархии, вывоз капитала, экономический раздел мира союзами капиталистов и другие экономические и политические черты новейшего капитализма возможно понять лишь на основе господства монополий. Являясь особенным, реальным, фактическим отношением действительности, оно представляет собой всеобщую генетическую основу всех остальных признаков империализма, основу, определяющую его историческое место как высшей и последней стадии капитализма.

Ленинское учение о монополии как конкретной всеобщности экономической системы империализма явилось условием теоретического воспроизведения монополистического капитализма как целого, как определенной стадии капиталистического способа производства со всеми ее признаками, чертами, особенностями, противоречиями, тенденциями развития. Оно дало возможность открыть новые закономерности исторического процесса перехода от капитализма к социализму, явилось теоретической основой разработки стратегии и тактики революционных действий рабочего класса и его коммунистического авангарда.

Таким образом, правильная теоретическая абстракция монополии стала основой теоретической системы, которая адекватно воспроизвела реально конкретное, т. е. объективную действительность капиталистического общества на определенной исторической ступени ее развития со стороны ее внутренних зависимостей и строго определенных связей ее различных компонентов.

Итак, логически конкретное выступает как наиболее адекватное отражение объективно конкретного. Это отражение есть результат теоретической деятельности мышления, которая осуществляется в форме восхождения от абстрактного к конкретному.

Метод восхождения от абстрактного к конкретному, который К. Маркс характеризовал как «правильный в научном отношении»¹, есть специфический метод именно

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 727.

теоретического мышления, а не мышления вообще. Недоразумения, которые возникают у некоторых экономистов по поводу применимости этого метода в политической экономии вообще, и в частности в экономической теории социализма, обусловлены, как нам представляется, именно тем, что происходит смешение теоретической формы мышления с другими формами усвоения мира — практической, художественной и т. д. Эти способы идеального усвоения реальной действительности суть также формы мышления, но они существенно отличны от теоретической его формы. Восхождение от абстрактного к конкретному является специфическим именно для теоретической формы мышления, которая оперирует научными понятиями, между тем как, например, художественная форма усвоения мира оперирует не научными понятиями, а художественными образами. Это, разумеется, несколько не умаляет значения художественной формы идеального усвоения реальной действительности.

К. Маркс подчеркивал, что произведения О. Бальзака дали ему больше материала для понимания реальных экономических отношений Франции конца первой половины XIX в., чем все специальные работы французских экономистов¹. Выдающееся значение для понимания экономического строя пореформенной России имеют произведения Л. Н. Толстого, которого В. И. Ленин назвал зеркалом русской революции. Тем не менее и О. Бальзак и Л. Н. Толстой были писателями, а не учеными-экономистами. Они отражали действительность художественным способом, т. е. способом мышления в образах, а не в научных понятиях. Более того, художественная форма познания в отличие от теоретической является индивидуальным способом отражения действительности, а не родовым.

Специфика теоретического познания определяется именно его родовым характером. Это находит свое выражение в том, что, познавая какую-либо сторону действительности, человечество не начинает каждый раз с восприятия чувственной действительности, а познает эту последнюю уже через призму существующих понятий. Поэтому особенность теоретического мышления состоит в том, что оно имеет дело с научными понятиями

¹ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 36

и что процесс получения конкретного знания здесь принимает форму восхождения от абстрактного к конкретному. Следовательно, теоретическое мышление имеет дело непосредственно не с действительностью в той форме, в какой она отражается на уровне живого созерцания, а с продуктами переработки данных живого созерцания в научные понятия. Последние характеризуются как раз тем, что они представляют собой конкретные абстракции, т. е. такие особенные явления и процессы, которые сочетают индивидуальное, особенное и всеобщее.

Не учитывая специфики родовой формы мышления, некоторые экономисты отрицают конкретно-всеобщее как исходную форму теоретического усвоения действительности, полагая, что исходным и в теоретическом познании являются эмпирические факты. В связи с этим они утверждают, что восхождение от абстрактного к конкретному является не методом исследования, а лишь методом изложения результатов исследования. Что же касается метода исследования, то считается, что таковым выступает движение познания от конкретного к абстрактному. Восхождение от абстрактного к конкретному противопоставляется ими формуле: «От живого созерцания к абстрактному мышлению, а от него к практике».

Поскольку в данном случае речь идет не о каких-то частностях, а о коренных вопросах метода политической экономии, постольку нам представляется необходимым рассмотреть эти возражения по существу.

Отдельные экономисты отрицают метод восхождения от абстрактного к конкретному как метод политической экономии вообще и политической экономии социализма в частности. Так, в одной из публикаций мы читаем: «Идею, согласно которой метод политической экономии будто бы тождествен восхождению от абстрактного к конкретному, нередко оправдывают ссылками на «Капитал» К. Маркса. Однако при этом допускаются, на наш взгляд, две неточности. Во-первых, забывают, что при анализе метода «Капитала» необходимо взять весь процесс его создания, охватывающий (для первого тома) четверть века. Это был период глубокого изучения реальных процессов капиталистической действительности (конкретного), в ходе которого К. Маркс собрал и переработал «Монблан фактов»... во-вторых, не учиты-

вается различие между методом исследования и методом изложения. Изложение может начинаться — и в «Капитале» действительно начинается — с наиболее общих абстрактных категорий и движется в дальнейшем по пути восхождения к конкретному. Но в познании, в процессе исследования таким путем идти нельзя. Здесь исходным пунктом служат реальные процессы экономической действительности»¹.

Прежде всего вызывает недоумение отождествление реальной действительности с конкретным. Ведь реальная действительность не только конкретна, но, как было уже показано, и абстрактна. Если конкретное представляет реальную действительность, взятую в целом, то абстрактное выступает как отдельная сторона, отдельное свойство, отдельная часть той же реальной действительности. Следовательно, абстрактное столь же материально, как и конкретное. Если даже согласиться с тем, что К. Маркс при теоретическом исследовании капиталистической действительности отправлялся непосредственно от отдельных сторон, явлений, процессов, фактов, то и в этом случае пришлось бы признать, что исходным для него было не реально конкретное, а реально абстрактное. С другой стороны, если даже понимать под абстрактным идеальный образ определенных сторон действительности, то он может отражать действительность более конкретно, т. е. более полно, многосторонне, чем миллион фактов.

Таким образом, понимание соотношения между конкретным и абстрактным лишь в узкогносеологическом плане закрывает дорогу к уяснению их действительного соотношения, а потому и к осмысливанию научного метода политической экономии.

Но верно ли, что действительно исходным в теоретической работе У. Маркса был «Капитал»? Было «собрание фактов»? В письме к Л. Кугельмау от 27 июня 1870 г. К. Маркс, критикуя буржуазного социолога А. Ланге, писал: «...и Ланге удивляется тому, что Энгельс, я и другие принимаем всерьез мертвую собаку — Гегеля, после того как Бюхнер, Ланге, д-р Дюринг, Фехнер и т. д. давно сошлись на том, что они его, беднягу, давно похоронили. Ланге пренаивно говорит, что в эмпирическом материале я «двигаюсь на редкость сво-

¹ «Экономические науки», 1974, № 1, с. 25—26.

бодно» Ему и в голову не приходит, что это «свободное движение в материале» есть не что иное, как парафраз определенного метода изучения материала — именно *диалектического метода*¹. Следовательно, по словам К. Маркса, свободное движение в эмпирическом материале невозможно без определенного метода его изучения, именно диалектического метода.

Характерным по интересующему нас вопросу является высказывание В. И. Ленина. Выяснив в общих чертах основное содержание идеи материализма в социологии и отметив, что на первых порах эта идея представляла собой теоретическую гипотезу, он пишет: «Но вот Маркс, высказавший эту гипотезу в 40-х годах, берется за фактическое (это *pota bene* *) изучение материала. Он берет одну из общественно-экономических формаций — систему товарного хозяйства — и на основании гигантской массы данных (которые он изучал не менее 25 лет) дает подробнейший анализ законов функционирования этой формации и развития ее»². Таким образом, вначале следовала выработка теоретической гипотезы материализма в социологии, а лишь затем глубокое изучение на ее основе реальных процессов капиталистической действительности.

Некоторые экономисты полагают, что К. Маркс сначала приступил к собиранию фактов и только уже затем смог написать «Капитал». При таком понимании создается впечатление, что это величайшее произведение научной социологии возникло на основе огромного фактического материала и не вытекает из всего предшествующего развития общественных идей.

«Капитал» является результатом реализации гипотезы материалистического понимания истории, возникшей на основе критической переработки достижений всего предшествующего развития общественных наук с позиций наиболее революционного класса капиталистического общества. Написание «Капитала» невозможно без фактов, но еще меньше — без научной гипотезы, которая после «Капитала» превратилась в строго научную теорию.

Проблема метода исследования и метода изложения — особая проблема, о которой мы будем говорить

* — заметьте *Ред.*

¹ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 32, с. 571—572.

² *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 1, с. 138.

ниже. В самой общей постановке этот вопрос формулируется следующим образом: верно ли, что в «Капитале» исходным являются наиболее общие абстрактные категории, т. е. научные понятия?

В замечаниях на книгу А. Вагнера, который тоже считал, что автор в «Капитале» исходил из понятий, К. Маркс пишет: «De prime abord * я исхожу не из «понятий», стало быть также не из «понятия стоимости», и потому не имею никакой нужды в «разделении» последнего. Я исхожу из простейшей общественной формы, в которой продукт труда представляется в современном обществе, это — «товар»¹. И далее: «Если приходится анализировать «товар» — эту простейшую экономическую конкретность, — то надо оставить в стороне все отношения, не имеющие ничего общего с данным объектом анализа»².

Выходит, таким образом, что исходным в «Капитале» выступает не наиболее общее абстрактное понятие, а простейшая экономическая конкретность — товар, т. е. совершенно реальный, материальный факт капиталистической действительности.

Обратимся теперь к рассмотрению вопроса о различии метода изложения и метода исследования. Как отмечалось выше, отдельные философы и экономисты считают, что метод исследования представляет собой чуть ли не прямую противоположность методу изложения, поскольку в первом случае имеет место восхождение от конкретного к абстрактному, тогда как во втором — от абстрактного к конкретному. По мнению этих экономистов, «Капитал» К. Маркса характеризует метод изложения, тогда как работы, предшествующие ему и непосредственно к нему примыкающие, напротив, характеризуют метод исследования. Поводом для такого противопоставления является высказывание К. Маркса в послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала». «Конечно, — пишет К. Маркс, — способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования. Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь.

* — Прежде всего *Ред.*

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 383.

² Там же, с. 384.

Лишь после того как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение. Раз это удалось и жизнь материала получила свое идеальное отражение, то может показаться, что перед нами априорная конструкция»¹.

Следует отметить, что К. Маркс пишет не о разных методах, а о разных способах, что, по нашему мнению, не одно и то же. Кроме того, эти способы отличаются не по существу, а лишь с «формальной стороны». Различие исследования и изложения, следовательно, касается не принципиальных отличий отражения сознанием материальной действительности. Они различны лишь по форме. На первых порах в процессе исследования ученому приходится идти не прямолинейно, а отвлекаться от основной линии, возвращаться назад, пересматривать, уточнить, а то и частично отказываться от своих прежних представлений. Материал может вносить в первоначальную гипотезу определенные поправки. Наряду с этим в процессе исследования приходится тщательно отбирать факты, определять, какие именно из них имеют отношение к данному вопросу, а какие характеризуют совсем иные тенденции и т. д.

Однако и способ исследования и способ изложения есть один и тот же процесс познания мышлением объективной действительности, который подчинен одним и тем же законам ее логического воспроизведения. Но поскольку это так, постольку и метод логического познания, теоретического мышления суть один и тот же метод, который принимает два различных способа, отличающихся между собой с формальной стороны. При этом нельзя дело представлять таким образом, что вначале предмет исследуется в полном объеме, а лишь потом излагаются результаты исследования. То и другое осуществляется одновременно, так что в процессе исследования имеет место изложение. Речь может идти лишь о том, что в одном случае на первый план выдвигается по преимуществу исследование, а в другом — изложение. Если бы «Капитал» и предшествующие ему подготовительные работы отличались методом познания, то следовало бы ожидать, что мы должны встретиться с различными исходными пунктами анализа предмета. Но ничего подобного в действительности нет. И в руко-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 21.

ниях 1857—1858 гг., и в работе «К критике политической экономии» исходным в познании экономического строя капиталистического общества выступает товар — эта простейшая экономическая конкретность капитализма.

Противопоставление подготовительных работ, в которых представлен будто бы метод исследования, содержанию «Капитала», в котором лишь изложены готовые результаты исследования, достигнутые на предыдущих стадиях познания, совершенно не согласуется с тем действительным местом, которое занимает «Капитал» в процессе исследования экономических отношений капитализма. В «Капитале» исследование капиталистических отношений представлено в наиболее зрелой, завершенной форме. Здесь, следовательно, не столько излагаются результаты, сколько формируется сам процесс их получения именно в том виде, в каком этот процесс достиг своего наиболее развитого состояния.

В «Капитале» творческая лаборатория К. Маркса представлена во всем блеске и изумительном совершенстве логических средств. Ведь именно имея в виду «Капитал», В. И. Ленин писал: «Если Марх не оставил *Логики*» (с большой буквы), то он оставил *логику* „Капитала“, и это следовало бы сугубо использовать по данному вопросу. В „Капитале“ применена кодной науке логика, диалектика и теория познания... материализма, взявшего все ценное у Гегеля и двинувшего сие ценное вперед»¹. Между тем некоторые авторы пытаются представить «Капитал» не более как литературно оформленное изложение уже готовых, полученных до этого результатов исследования. Но если в «Капитале» в наиболее совершенном и развитом виде представлен процесс исследования экономических отношений буржуазного общества, то именно его метод и есть метод политической экономии как науки в широком смысле. В итоге мы приходим к выводу, что восхождение от абстрактного к конкретному является методом политической экономии вообще, а потому и методом политической экономии социализма.

Было бы ошибочно полагать, что восхождение от абстрактного к конкретному представляет собой нечто совершенно изолированное и независимое от противо-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 301.

положительного ему движения от непосредственно данного в действительности к идеально абстрактному. Многие абстрактные определения, характеризующие различные стороны производственных отношений капиталистического общества, были получены до появления экономического учения К. Маркса. Тем не менее в процессе создания подлинно научной политической экономии К. Марксу пришлось изучить и обобщить громадный фактический материал, характеризующий различные стороны непосредственной действительности буржуазного общества.

Не менее убедительным примером того, какое значение имеет изучение и обобщение фактов реальной действительности, является теоретическая деятельность В. И. Ленина. Следовательно, теоретическое мышление, которое осуществляется на основе движения познания от абстрактного к конкретному, предполагает и движение от эмпирически конкретного к абстрактному. Такое единство является необходимым условием научного познания в любой области теоретической деятельности. Но оно особенно актуально, поскольку идет речь о познании явлений социальной действительности, поскольку ее основные объективные характеристики отличаются значительно меньшей стабильностью по сравнению с естественными процессами.

Исследование закономерностей экономического и политического развития домонополистического капитализма привело К. Маркса и Ф. Энгельса к теоретическому заключению относительно возможности одновременного перехода от капитализма к социализму в большинстве капиталистических стран. Но переход от домонополистического капитализма к империализму создал существенно иную историческую ситуацию, обусловленную господством монополий и финансового капитала, скачкообразным характером экономического и политического развития различных звеньев мирового хозяйства. Именно в связи с этим оказалось необходимым привести теорию социалистической революции в соответствие с новыми фактами реальной действительности. Конечно, сами эти факты были получены не на основе чисто эмпирических наблюдений, а в результате теоретического анализа экономического развития капитализма XX в. Тем не менее непосредственным импульсом такого ис-

следования явились те реальные сдвиги в экономике капитализма, которые стали очевидными в конце прошлого века. Характерной иллюстрацией того же положения является развитие теоретических представлений относительно закономерностей перехода от капитализма к социализму.

На первых порах социалистического строительства в нашей стране существовало предположение о возможности непосредственного перехода к коммунистическому производству и распределению. Оно возникло весной 1918 г. перед началом гражданской войны и упрочилось вследствие осуществления мероприятий периода военного коммунизма. В. И. Ленин об этом периоде писал: «Я нарочно перечитал то, что писалось, например, в марте и апреле 1918 г. о задачах нашей революции в области социалистического строительства, и убедился в том, что такое предположение у нас действительно было...

Свою строительскую, хозяйственную работу, которую мы тогда выдвинули на первый план, мы рассматривали под одним углом. Тогда предполагалось осуществление непосредственного перехода к социализму без предварительного периода, приспособляющего старую экономику к экономике социалистической. Мы предполагали, что, создав государственное производство и государственное распределение, мы этим самым непосредственно вступили в другую, по сравнению с предыдущей, экономическую систему производства и распределения»¹.

В период военного коммунизма происходил процесс натурализации хозяйственных связей. Мерами внеэкономического порядка был установлен прямой продукто-обмен. Недостаток материальных ресурсов неизбежно приводил к уравнительности в распределении.

Национализированные предприятия зачисляли доходы от реализуемой ими продукции на текущие счета в народном банке и покрывали из этих средств свои расходы. Но предприятия систематически испытывали финансовые затруднения. Они были вынуждены прибегать к помощи государственного бюджета, который постепенно превратился в источник их финансирования. Другим источником стали кредиты государственного банка,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 197—198, 199.

которые по существу превратились в форму финансирования, поскольку средства, отпускаемые банком, лишь формально считались кредитом: финансовое положение предприятий не позволяло им возвращать кредиты. Так постепенно осуществлялось слияние доходов и расходов предприятий с доходами и расходами государства. Это слияние представлялось вполне реальным явлением: поскольку предприятия государственные, то их расходы и доходы не могут быть обособлены от государства. Поэтому в августе 1918 г. решением Советского правительства государственные предприятия были переведены на бюджетно-сметное финансирование. Вся стоимость созданной предприятиями продукции зачислялась в доход государства, а предприятиям, получившим эту продукцию, соответственно уменьшались бюджетные ассигнования. Наряду с этим государство покрывало все расходы предприятий.

К концу периода военного коммунизма обнаружилось, что сохранение в дальнейшем слияния доходов и расходов государства с доходами и расходами предприятий таит в себе серьезные опасности для социалистической организации хозяйства. Если не разграничить доходов и расходов государства от доходов и расходов предприятий, то это может привести к перераспределению части стоимости совокупного продукта, представляющей фонд возмещения, в пользу непроизводительной сферы или в пользу личных доходов работников сферы материального производства. Но и то и другое исключает возможность не только расширенного, но и простого воспроизводства.

На первых порах организация обмена между различными звеньями общественного производства предполагалась в форме безденежного обмена продукции промышленности на продукцию сельского хозяйства посредством государственного и кооперативного аппарата. Однако на практике натуральный обмен перерос в обычную торговлю. Это в свою очередь привело к замене натуральной заработной платы денежной. При этом менялась не только форма оплаты, но и ее существо: ее размеры зависели теперь от результатов труда каждого работника. Вместе с этим отменялась и система бюджетно-сметного финансирования. Предприятия переводились на самоокупаемость. В этой связи В. И. Ленин писал: «...мы сделали ту ошибку, что решили произве-

«...непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению. Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам, — и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение»¹.

В. И. Ленин указывал, что именно опыт этого периода выявил необходимость организации производства на началах хозяйственного расчета. Таким образом, теоретические гипотезы должны постоянно сперяться с данными непосредственной действительности, проверяться ими, дополняться и уточняться. В противном случае теоретическое мышление окажется оторванным от жизни, ее практических задач и требований. «Иными словами, — пишет Э. В. Ильенков, — можно сказать, что восхождение от конкретного к абстрактному, с одной стороны, и восхождение от абстрактного к конкретному — с другой, суть две взаимно-предполагающие формы процесса теоретического освоения мира, процесса «абстрактного мышления». Каждая из них осуществляется только через свою противоположность и в единстве с нею»².

И тем не менее главным содержанием теоретического мышления, благодаря которому человеческое познание приобретает все новые и новые результаты, т. е. все ближе продвигается по пути к абсолютной истине, является восхождение от абстрактного к конкретному, от неполного, поверхностного, ограниченного знания предмета ко все более полному, глубокому, всестороннему его познанию. Следовательно, восхождение от абстрактного к конкретному конституирует теоретическое мышление, образует его главное содержание именно потому, что основное его назначение определяется необходимостью все более глубокого и полного постижения действительности. Поэтому восхождение от абстрактного к конкретному определяет специфику научного познания как наиболее развитой, всесторонней формы идеального воспроизведения действительности.

Таким образом, хотя теоретическое познание и не может обойтись без восхождения от конкретного к аб-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 157.

² Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса. М., 1960, с. 115.

страктному, но не это восхождение, а как раз противоположный ему процесс, именно восхождение от абстрактного к конкретному, определяет его характерные особенности. Теоретическое познание не могло бы иметь места, если бы процесс познания ограничивался восхождением от конкретного к абстрактному. Ограничить теоретическое познание восхождением от конкретного к абстрактному — значит оборвать его на полпути.

Характеризуя метод политической экономии, К. Маркс писал: «Кажется правильным начинать с реального и конкретного, с действительных предпосылок, следовательно, например в политической экономии, с населения, которое есть основа и субъект всего общественного процесса производства. Однако при ближайшем рассмотрении это оказывается ошибочным. Население — это абстракция, если я оставляю в стороне, например, классы, из которых оно состоит. Эти классы опять-таки пустой звук, если я не знаю тех основ, на которых они покоятся, например наемного труда, капитала и т. д. Эти последние предполагают обмен, разделение труда, цены и т. д. Капитал, например, — ничто без наемного труда, без стоимости, денег, цены и т. д. Таким образом, если бы я начал с населения, то это было бы хаотическое представление о целом, и только путем более детальных определений я аналитически подходил бы ко все более и более простым понятиям: от конкретного, данного в представлении, ко все более и более тощим абстракциям, пока не пришел бы к простейшим определениям. Отсюда пришлось бы пуститься в обратный путь, пока я не пришел бы, наконец, снова к населению, но на этот раз не как к хаотическому представлению о целом, а как к некоторой богатой совокупности многочисленных определений и отношений... Последний метод есть, очевидно, правильный в научном отношении»¹.

Таким образом, правильным в научном отношении, т. е. в теоретическом познании, К. Маркс считал метод восхождения от абстрактного к логически конкретному. Он является правильным потому, что лишь на его основе теоретическое мышление воспроизводит конкретную действительность идеально.

Содержание различных теоретических позиций по вопросу метода политической экономии социализма от-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 36—37.

ражает различную оценку соотношения генетических и структурных связей в системе экономических отношений социалистического общества. Метод восхождения от абстрактного к конкретному как наиболее развитый способ теоретического воспроизведения действительности выступает как главное условие теоретического познания, поскольку речь идет о структурных связях системы экономических отношений общества. При этом предполагается, что система достигла своей полной зрелости, т. е. органической целостности. Иначе говоря, метод восхождения от абстрактного к конкретному образует основное содержание логического (теоретического) метода. Иначе обстоит дело, когда речь идет о генетических связях системы. Здесь также, естественно, необходимо пользоваться методом восхождения от абстрактного к конкретному, однако он не является в этом случае главным средством мысленного отражения объекта, поскольку здесь выясняются закономерности не структурного, а генетического характера, т. е. определяются закономерности временной последовательности процесса развития объекта.

Экономическая система коммунистического способа производства суть формирующаяся система, которая представляет собой специфическое единство структурных и генетических зависимостей. Как живой, развивающийся процесс, в ходе которого формируется совокупность компонентов, она может теоретически исследоваться лишь как неразрывное единство генетических и структурных связей. «В том-то и дело, — пишет Б. А. Грушин, — что исследование исторических процессов развития сложного целого предполагает изучение и его структуры и его генезиса, и речь должна идти не о противопоставлении, не об абсолютизации той или иной из этих сторон, но о выяснении их действительной взаимосвязи в процессе конкретного научного исследования. Но при этом очень важно подчеркнуть: при исследовании именно процессов»¹. Что же означает это положение практически?

Ни одно явление реальной действительности реального социалистического общества не может быть понято лишь с точки зрения структурной его характеристики,

¹ Грушин Б. А. Очерки логики исторического исследования. М., 1961, с. 94—95.

вне временного определения, т. е. вне рассмотрения его с точки зрения процесса становления системы отношений коммунистического способа производства в целом. Пока не сформировалась вполне развитая система коммунистических производственных отношений, содержание любой экономической категории социализма возможно определить лишь в плоскости единства структурных и генетических связей. Это в равной мере относится и к категориям, которые фиксируют общекommунистическое содержание экономических отношений, и к категориям, содержание которых сохраняет элементы прошлого. Такое синтетическое рассмотрение необходимо потому, что только в этом случае оказывается возможным понять реальные отношения конкретно-исторически, т. е. постоянно оставаться на почве реальной действительности.

Другими словами: единство исторического и логического применительно к исследованию системы производственных отношений социалистического общества означает определение содержания системы логических форм, которое соединяет генетические и структурные связи. Отмеченное обстоятельство в наиболее общем виде определяет возможности абстрагирования при исследовании экономических процессов социалистического производства и структуры сущности, а также соответствующих форм ее проявления в различных категориях и законах политической экономии социализма.

§ 2. Особенности метода политической экономии социализма

Метод науки всецело определяется ее предметом. Если установлено, что методом политической экономии социализма является восхождение от абстрактного к конкретному, то это само по себе еще не решает вопроса о конкретном применении этого метода в экономической теории социализма. Историческая специфика экономической системы социализма определяет и особенности восхождения от абстрактного к конкретному. Речь идет о такой специфике производственных отношений социализма, которая присуща первой фазе коммунистической формации и обнаружила себя в процессе становления социализма в СССР и странах социалистического содружества безотносительно к историческим и нацио-

нальным особенностям отдельных стран. Именно характерные черты первой фазы зрелости коммунистического способа производства играют решающую роль при определении специфики теоретического воспроизведения экономической системы социализма.

Необходимым условием теоретического анализа производственных отношений социалистического общества является та степень их зрелости, которая характеризует их как систему отношений. Теоретически воспроизвести отдельные моменты экономической структуры общества возможно лишь в том случае, если исследовать их именно как стороны органической совокупности. Ни одно явление, процесс и соответствующие им категории не могут быть поняты абстрактно, вне реальных связей и зависимостей, в пределах которых они существуют. Производственные отношения социализма представляют собой особую систему не только в том смысле, что они существенно отличаются по своему содержанию от всех предшествующих систем именно как особый тип экономической структуры общества, но и в том, что они могут исследоваться не просто как производственные отношения, не как производственно-экономическая система, а как система *социально-экономическая*.

Наиболее развитая система производства вещественного богатства, отчужденная от человека и господствующая над ним, была создана капитализмом. Коммунистическая система отношений с самого начала возникает и развивается как социально-экономическая система. Ее отличительная особенность состоит в том, что производству вещественного богатства перестает быть самоцелью, т. е. фактором, подчиняющим себе все остальные стороны общественных отношений, а становится лишь средством, которое служит цели, определяемой необходимостью всестороннего развития личностных сил человека. Это, естественно, не означает, что общество может отказаться от создания вещественного богатства. Такое допущение было бы просто нелепостью. Но это богатство становится теперь не фактором, подчиняющим себе все остальные стороны жизни общества, а, напротив, лишь средством, подчиненным другой, более возвышенной цели, которая определяет содержание материальной деятельности общества.

И если на первых порах, в процессе возникновения и становления экономической системы социализма, эта

существенная черта коммунистической организации производства лишь постепенно формировалась, то в условиях развитого социалистического общества она становится все более определяющей. Отмеченное обстоятельство имеет решающее значение для понимания особенностей предмета политической экономии социализма, а следовательно, и метода его теоретического воспроизведения.

При исследовании содержания законов и категорий политической экономии социализма непозволительно ограничивать его узкоэкономическими рамками. В экономической теории социализма в орбиту политико-экономического исследования должна включаться и социальная проблематика. В противном случае вне рассмотрения окажутся не только весьма существенные аспекты основного экономического закона коммунистического способа производства, но и такие важные проблемы, как социалистический образ жизни, свободное время, динамика содержания трудовой деятельности членов социалистического общества, не говоря уже о содержании социальной программы развития советского общества, которая образует существенный аспект экономической стратегии Коммунистической партии на современном этапе. Едва ли следует доказывать, что в этом случае экономическая теория социализма окажется не в состоянии решать проблемы воспроизводства рабочей силы, критерия эффективности общественного производства, исследовать закономерности динамики распределительных отношений и другие вопросы, имеющие жизненно важное значение в условиях создания материально-технической базы коммунизма.

Другая важная особенность системы производственных отношений социализма определяется тем, что она представляет собой систему-процесс, т. е. динамичное, постоянно развивающееся образование. Эта особенность имеет, по нашему мнению, кардинальное значение для понимания особенностей предмета экономической теории социализма, а потому и ее метода. Применительно к рассматриваемому здесь вопросу о специфике теоретических абстракций это означает, что они должны отражать степень зрелости реально существующих отношений, фиксировать объективно присущие противоречия, процесс разрешения которых характеризует внутренние источники развития социалистических производственных

отношении и процессе перерастания их в коммунистические. Вне этого экономическая теория социализма не сможет эффективно выполнять функцию научной основы управления экономическим и социальным процессом. Рассмотрим эту сторону вопроса более обстоятельно.

Как уже отмечалось выше, при исследовании производственных отношений коммунистического способа производства решающая роль принадлежит определению того конкретно-всеобщего отношения, которое выступает как генетическое начало этой системы. Вопрос, однако, заключается в том, чтобы выяснить, возможно ли оперировать однозначной по своему содержанию и по форме выражения конкретной всеобщностью применительно к исследованию различных фаз зрелости коммунистического способа производства.

Не подлежит сомнению, что коммунистическая система производственных отношений — единая система, единая в смысле коренных, глубинных, сущностных связей, имманентных ей. Но единство производственных отношений предполагает единое начало теоретической системы, которая идеально воспроизводит материальные отношения производства. В этом смысле исходная логическая форма должна быть однозначной по своей сущности. В то же время в пределах единой по своей глубинной сущности системы имеют место и значительные различия социалистической и коммунистической фаз. Эти различия касаются отнюдь не каких-то второстепенных сторон производственных отношений. При социализме труд выступает как средство к жизни, в условиях же вполне развитого коммунизма он — первая потребность жизни. При социализме сохраняются остатки старого общественного разделения труда; в условиях полного коммунизма они преодолеваются. При социализме отношения распределения регулируются количеством и качеством труда; в условиях полного коммунизма осуществляется распределение по потребностям и т. д. С точки зрения практических задач коммунистического строительства эти и другие существенные различия обеих фаз игнорировать непозволительно. Но это означает, что их нельзя игнорировать и теоретически. Возможно ли в этих условиях охватить единой по существу и по форме своего выражения научной абстракцией всю совокупность логических форм, воспроизводящих систему коммунистических отношений в целом. Нам думается, что нельзя.

В противном случае возникает опасность превращения конкретно-всеобщего в абстрактно-всеобщее, фиксирующее лишь самые общие черты обеих фаз зрелости коммунистического общества, но вместе с тем закрывающее путь к познанию конкретных закономерностей перехода от социализма к коммунизму.

Абстрактно-всеобщие определения, т. е. такие, которые получены в результате отвлечения от конкретных различий, существующих между явлениями и процессами объективного мира, ведут к исчезновению самого предмета анализа. Задача научного исследования в любой области состоит вовсе не в том, чтобы отыскать общие черты, присущие данной совокупности предметов и явлений, а, напротив, в том, чтобы познать сущностные связи конкретного взаимодействия элементов, образующих эту совокупность, т. е. раскрыть внутреннюю жизнь данного конкретного целого. Теоретическая абстракция должна не игнорировать различия, а, наоборот, определить способ существования их единства. Это и означает открыть закон, лежащий в их основе.

Определить конкретную всеобщность, являющуюся началом теоретической системы политической экономии коммунистического общества, которая удовлетворяла бы требованиям, предъявляемым к научным абстракциям, возможно лишь с учетом тех существенных различий, которые реально присущи различным ступеням зрелости экономических отношений коммунистического способа производства. Но это означает, что теоретическое начало логической системы экономических отношений коммунистического способа производства должно включать в полном объеме особенности общественной формы производства, присущие социализму.

Пока не достигнута высшая фаза коммунизма, пока коммунистическая система отношений представляет собой формирующееся, а не вполне сформированное образование, главная задача экономической теории состоит в определении закономерностей перерастания социализма в полный коммунизм. Речь идет, стало быть, не о законах и механизмах функционирования экономики коммунизма, а о законах и механизмах его становления, о переходе к коммунизму. Решение этой главной задачи в экономической теории социализма предполагает прежде всего определение той особой сущностной формы выражения, в которой реально выступает и функционирует

исходное отношение коммунистического способа производства. Поэтому-то решение задачи определения конкретно-всеобщей формы теоретической системы производственных отношений коммунистического общества в целом не может ограничиться выяснением общей глубинной сущности этой формы. Оно должно по необходимости включать и ту определенность, которая является специфически историческим способом реализации этой сущности.

С переходом от капитализма к социализму существенно изменяется характер исторической динамики социальных форм. Досоциалистические формы общественной организации проходили в своем развитии период возникновения, расцвета и гибели, т. е. восходящую и нисходящую ветви своей эволюции. Их внутренние структуры представляли собой такие состояния, которые могли существовать лишь в определенных, фиксированных временных границах. Исходные основы, на которых они возникали, содержали в себе такие начала, которые рано или поздно исчерпывали свои возможности. В процессе их эволюции возникали элементы, которые не могли быть усвоены данной структурой, и они давали жизнь новой форме общества, которая сменяла предыдущую.

Коммунистический способ производства представляет собой структуру, которая не является определенным фиксированным состоянием, а, напротив, обнаруживает постоянную эластичность и изменчивость. Те новые элементы, которые возникают в процессе ее развития, она ассимилирует и превращает в органы своего тела, постоянно обогащаясь, совершенствуясь и обновляясь. «Коммунизм, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии», — для нас не *состояние*, которое должно быть установлено, не *идеал*, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние»¹.

Начало теоретической системы коммунистического способа производства как раз и должно учитывать эту постоянную способность коммунистического типа отношения к непрерывному развитию, которое не ограничено каким-либо определенным пределом. Как нет и не мо-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 34.

жет быть пределов развитию человеческой личности, нет и не может быть предела для того типа экономических отношений, для которого развитие индивидуальности является конституирующим принципом. Поэтому, рассматривая проблему исходной формы коммунистического типа отношений с этой стороны, мы должны выделить в системе отношений такое, которое по своему существу содержит неисчерпаемый источник постоянного развития. Однако его абстракция может быть получена лишь на основе исследования закономерностей коммунистического производства как уже вполне сложившейся системы. Между тем задача состоит в том, чтобы установить закономерности именно процесса становления этой системы.

При такой постановке вопроса дело сводится к тому, чтобы определить ту конкретную форму бытия исходного отношения коммунистического производства, которая по своему внутреннему содержанию, во-первых, соответствует процессу становления, во-вторых, несет в себе его возможность и необходимость, т. е. является таким противоречием, процесс движения которого как раз и сводится к становлению развитой структуры коммунистических отношений. Таким образом, особенность абстракции исходного отношения состоит в том, что это — абстракция процесса формирования, а не структурно-фиксированного состояния. И независимо от того, как решается вопрос о конкретном содержании исходного отношения, указанное методологическое требование, предъявляемое к нему, во всех случаях обязательно. Это требование отнюдь не ограничивается исходным отношением. Оно охватывает все без исключения формы выражения производственных отношений социализма.

Попытки теоретического исследования элементов присущей социализму формы экономической связи в чистом виде, т. е. соответственно их собственной внутренней природе, которые предпринимались и продолжают предприниматься в экономической литературе, пока не дали желаемых результатов, особенно если иметь в виду практический аспект таких исследований. Это, в частности, относится к работам, в которых рассматривается проблема непосредственно-общественной связи. В своем вполне сложившемся состоянии она еще не сформировалась, поскольку непосредственный труд остается главным фактором общественного богатства: он социально

фиксируется еще в материально-вещественной форме, и поэтому продукты несут на себе отпечаток товарной формы. В этих условиях абстрагировать непосредственно-вещную связь саму по себе, в «чистом виде», — значит образовать абстракцию, которая не подобрала в себя богатство особенного и отдельного, а фиксирует лишь абстрактно-всеобщее. Но такая абстракция может иметь ограниченное значение в процессе исследования реальных явлений социалистического производства. Ограничено и практическое значение такого рода абстракций. В частности, на их основе едва ли возможно эффективно решать проблему ценообразования.

Таким образом, абстракция непосредственно-общественной связи оказывается в данном случае недостаточно плодотворной не только в теоретическом, но и в практическом отношении, поскольку в ней отсутствует исторический момент, т. е. учет конкретно-исторической степени зрелости непосредственно-общественной связи, присущей социализму. Еще более скромные результаты получают в том случае, если стремятся исследовать в качестве самостоятельного компонента системы производственных отношений социализма товарно-денежные отношения. Даже лучшие из работ, в которых рассматривалась проблема товарного производства при социализме в качестве самостоятельной проблемы теоретического анализа, несвободны от логических противоречий и являются малопригодными в практическом отношении. И в этом также нет ничего неожиданного. Теоретически исследовать товарное производство при социализме само по себе, как определенную сторону системы производственных отношений, существующую наряду с другими их сторонами, просто невозможно, поскольку оно не существует реально как система отношений обособленных производителей, специализирующихся на производстве различных потребительных стоимостей и связанных между собой посредством рынка¹.

¹ Следует вообще подчеркнуть, что товарное производство, рассматриваемое в общей форме, не определяет характерных особенностей любого способа производства. Но в таком случае особой проблемы товарного производства, исследование которой необходимо осуществить с позиций определенного способа производства, не существует. В этом смысле задача анализа товарного производства при социализме самого по себе является, по нашему мнению, недостаточно обоснованной.

Теоретическая абстракция, выражающая всеобщую конкретность системы производственных отношений, необходимости является характеристикой формы производства и обмена, присущей данному способу производства. Поскольку речь идет о коммунистическом способе производства, его конкретная всеобщность не может быть носителем определенного противоречия, которое исторически характеризует внутреннюю сущность его общественной формы. При этом имеются в виду не внешние противоречия, существующие между различными явлениями и процессами, расположенными рядом, а внутреннее противоречие, процесс движения которого конституирует содержание становления развитой системы коммунистических отношений. Конкретное содержание этого противоречия определяется тем, что форма всеобщей конкретности коммунистической системы отношений представляет собой такую непосредственно-общественную связь, которая пока еще продолжает экономически фиксироваться в предметно-вещественной форме. В литературе это противоречие отождествляется с противоречием между непосредственно-общественной формой труда и его двойственным характером, определяющим товарную форму продукта. Но такое отождествление теоретически несостоятельно. Непосредственно-общественная форма трудовой деятельности исторически возникла раньше товарного производства и являлась господствующей на протяжении всего того периода, в течение которого происходило становление труда в качестве решающего фактора общественного богатства. В этих условиях общественная значимость трудовой деятельности выражалась в конкретном характере труда, т. е. в его особой форме, а не в форме его всеобщности, как это имеет место в товарном производстве.

Условия товарного производства не исключают непосредственно-общественной формы труда, но он существует здесь лишь в форме труда, создающего денежный материал, золото. Все же остальные виды труда непосредственно выступают как выражение частного труда. Товарную форму продукта следует рассматривать как исторически возникшую и исторически преходящую форму существования результатов трудового процесса. В ходе исторического развития она явилась более развитой формой отношений по сравнению с натуральным хозяйством. Но, будучи исторически преходящей, она сменяет-

ся формой непосредственно-общественного характера труда, которая выступает как результат его обобществления на основе развития системы крупного машинного производства. В результате скрыто-общественная форма связи сменяется непосредственно-общественной, хотя на первых порах эта последняя экономически фиксируется в предметно-вещественной форме. Именно поэтому основоположники научного коммунизма характеризовали социализм как форму производства, противоположную товарному. Но поскольку предметно-вещественная форма выражения непосредственно-общественной связи в условиях социализма квалифицируется как адекватная товарной, постольку и противоречие, присущее ей, рассматривается как противоречие между непосредственно-общественным и товарным производством.

Результатом такого рассмотрения проблемы явилось утверждение о двух формах экономической связи, которые имманентны социалистическому производству, — непосредственно-общественной и стоимостной. Однако, сформулированное в такой форме, это противоречие исключает самое себя, так как никакая система производственных отношений, поскольку она представляет собой органическую систему, которой присуще внутреннее единство, не может допустить одновременного существования и функционирования двух различных форм связи в качестве вполне развитых образований.

Из этого не следует, что присущая социализму форма экономической связи свободна от внутреннего противоречия. Но это противоречие единой формы связи, которая сочетает в самой себе противоположные элементы, один из которых характеризует исторически переходящий, а потому исчезающий (хотя еще и не исчезающий) момент, тогда как другой, являясь фактически господствующим и определяющим тенденцию развития системы в целом, существует в единой форме с первым именно вследствие своей недостаточной зрелости. Эта присущая социализму форма экономической связи должна характеризоваться конкретно-исторически как определенная ступень процесса становления непосредственно-общественной связи, развитие которой будет сопровождаться преодолением ее предметно-вещественного содержания.

Если же вопрос о присущем социализму характере экономической связи решается посредством констатации

взаимно существующих стоимостных и непосредственно общественных связей, то вместо внутреннего противоречия формы связи декларируется противоречие, элементы которого совершенно равнодушны друг к другу, поскольку они просто находятся лишь в пространственно-временном взаимоотношении. Но в таком случае или эти противоположности оказываются лишены своего собственного реального содержания, или возникает представление о социализме как многоукладной экономике.

Форма экономической связи, присущая социализму и конституирующая специфически историческое содержание его исходного отношения, есть непосредственно-общественная форма. Но это такая непосредственно-общественная связь, которая находится в процессе своего становления; она еще не освободилась от предметно-материального выражения и поэтому от элементов своей исторической предшественницы — стоимостной связи, существует реально вместе с этими элементами. При теоретическом исследовании производственных отношений социализма мы поэтому не можем абстрагировать непосредственно-общественную связь в чистом виде, проявляющуюся в форме деятельности, а не в той реальной форме, в которой она существует. В противном случае мы получим формально-логическую абстракцию, не отражающую реальной действительности.

Таким образом, существенная особенность теоретических абстракций, в которых выражаются различные стороны производственных отношений социализма, в частности поскольку идет речь об исследовании характера присущей социализму формы экономической связи, состоит в том, что они выражают противоречие между непосредственно-общественной формой, которой принадлежит определяющая роль, и предметно-вещным характером ее выражения, осложненного элементами товарного производства. Определение исторически фиксированной степени зрелости непосредственно-общественного характера связи, которая присуща социализму, имеет кардинальное значение в деле практической организации экономического управления социалистическим производством, особенно в условиях развитого социалистического общества. Основой такого управления являются те конкретно-экономические факторы, которые обусловлены непосредственно-общественным характером социалистического производства. К ним относятся: зада-

ния государственного плана, нормативы, показатели качества, кооперированные поставки, материально-техническое снабжение и др. Они характеризуют соответствие структуры общественного производства пропорциям общественных потребностей.

Материальные и трудовые ресурсы, которые в каждый данный момент может выделить общество для удовлетворения определенного объема и состава общественных потребностей, закрепляются за отдельными предприятиями и функционируют в кругообороте средств данного предприятия, которое является ячейкой всего общественного производства. Предприятие обладает своим особым экономическим интересом, который не всегда совпадает с общенародным экономическим интересом, так как оно возмещает свои затраты не из фондов общества, а за счет результатов собственной деятельности и подавляющая часть прибавочного продукта присваивается обществом в целом. Между обществом и предприятием складывается определенная система взаимоотношений, находящая свое выражение в специфическом для социализма методе планового управления производством — методе хозяйственного расчета. Он характеризует, во-первых, непосредственную хозяйственную деятельность общества в целом, а во-вторых, относительную хозяйственную самостоятельность отдельных предприятий. Хозрасчетный механизм функционирования социалистического производства, который образует специфическое содержание механизма хозяйствования при социализме, выступает той конкретно-хозяйственной формой, которая реализует присущую социализму экономическую связь, соединяющую противоположности непосредственно-общественного характера связи и предметно-вещественной формы ее существования, являющейся носителем элементов менового отношения. Как бы ни изменялись конкретные формы организации хозяйственного расчета, его основное содержание остается неизменным, поскольку в нем реализуется присущая социализму специфическая форма экономической связи. Именно поэтому теоретическая абстракция, характеризующая общественную форму социалистического производства, должна отражать ее реальное историческое содержание. Только при этом условии экономическая теория социализма сможет оставаться на почве реальной действительности и быть действенным средством ее познания и преобразования.

Так обстоит дело с особенностями теоретических абстракций, если иметь в виду комплекс проблем, обусловленных спецификой общественной формы социалистического производства. Но если даже предположить, что общественная форма производства при социализме свободна от реальных элементов стоимостных отношений и в этом случае вопрос о специфическом содержании теоретических абстракций производственных отношений социализма не может быть снят, поскольку сохранились бы другие реальные особенности социализма. Характерной в этом отношении является проблематика основного экономического закона. Речь идет не о формулировке закона, а о методологических требованиях, которые обязательно должны учитываться при исследовании его содержания. Главный вопрос состоит в том, возможно ли при определении формулы основного закона руководствоваться стремлением отразить общесоциалистические отношения производства, оставляя в стороне специфику производственных отношений социализма. Характерно, что в литературе, и в частности в работах, специально посвященных проблеме основного закона, этот вопрос ставится крайне редко и еще реже делаются попытки его содержательного освещения.

Не вдаваясь в подробный анализ состояния разработки проблемы основного экономического закона коммунистической формации, отметим лишь некоторые моменты, имеющие отношение к рассматриваемому здесь вопросу об особенностях теоретических абстракций производственных отношений социализма.

Не подлежит сомнению, что коммунистическому способу производства присущ один основной экономический закон. В то же время способ и конкретная форма его действия на низшей и высшей фазах коммунизма не могут не отличаться. И эти отличия непозволительно игнорировать. Всякий экономический закон, в том числе основной, есть закон экономической деятельности общества. Исходя из этого, можно ли утверждать, что параметры этой деятельности одни и те же в условиях, когда она выступает в форме труда как средства к жизни и в условиях труда как первой потребности жизни? При такой постановке вопроса едва ли возможно дать положительный ответ.

Пока труд сохраняется в качестве средства к жизни и не является первой ее потребностью, продолжают су-

появляются различия между целью деятельности и средством ее достижения независимо от того, как мы относимся к этим категориям — или как к объективно значимым моментам содержания самого закона, или как к выражению этого содержания в человеческом сознании. В первом случае же, когда труд становится первой потребностью жизни, преодолеваются различия между целью и средством ее достижения, поскольку и цель и средство выступают не как нечто внешнее по отношению к самой деятельности, а как включенные в саму эту деятельность моменты в качестве ее сущностной характеристики. В первом случае деятельность направлена на создание результата, отличного от самой деятельности. Во втором случае результатом деятельности является сама деятельность как форма жизнедеятельности каждого индивида.

Единственным смыслом деятельности оказывается деятельный индивид, для которого она (эта его деятельность) образует способ его существования. Но если исчезает цель в качестве чего-то отличного от самой деятельности, то тем самым исчезает и ее противоположность — средство. Ведь последнее существует лишь относительно цели, и наоборот. В первом случае богатство существует в форме вещественного богатства, во втором — оно существует в форме универсальных способностей индивидов и т. д.

Отмеченные особенности экономической деятельности в условиях социализма в отличие от условий коммунизма и обусловленная ими специфика форм действия основного экономического закона коммунистической формации никак не могут игнорироваться в процессе теоретического воспроизведения экономической структуры социализма. Это тем более необходимо, поскольку речь идет о количественных измерениях параметров экономических процессов и их результатов.

Возьмем, например, проблему измерения эффективности производства. Если ставить ее и решать не в общеэкономическом аспекте, а в плоскости социально-экономических критериев (а именно такие критерии являются наиболее пригодными, поскольку речь идет об основном законе формации), то окажется, что мы не в состоянии, по крайней мере в настоящее время, определить однозначные по своему характеру измерители эффективности, которые были бы пригодны для ее опреде-

ления в пределах коммунистического способа производства в целом.

Определение экономической эффективности предполагает соизмерение результатов и затрат. В условиях социализма затраты выступают как затраты труда, а результаты — в форме продукта, выражаемого в натуральных или стоимостных показателях. Такие способы измерения эффективности вполне соответствуют условиям, когда главным фактором богатства выступает труд, сама богатство существует в вещественной форме.

Но этот способ измерения едва ли будет пригодным в условиях, когда труд превратится в первую потребность, а потому он потеряет в социальном смысле характер затрат. С другой стороны, поскольку существенно изменится содержание результата деятельности, так как таковым будет отнюдь не продукт, а сама индивидуальность, постольку отнесение результата к затратам едва ли сможет выразить эффективность экономической деятельности. Для этих условий необходимы будут совершенно иные измерители эффекта материальной деятельности общества, соответствующие природе измеряемых величин.

Необходимость учета исторической специфики экономической структуры социализма при исследовании проблематики основного закона коммунистического способа производства предполагает, следовательно, определение той конкретной формы выражения, которая отражает особенности его действия при социализме. Значение этого обстоятельства не ограничивается теоретическим аспектом рассматриваемой проблемы. Оно имеет и практическое значение. Сознательное управление процессом производства в условиях социализма предполагает познание и использование обществом не просто общего содержания основного закона, но и, что особенно важно, конкретной формы его действия. Только это дает возможность осуществлять определенную последовательность удовлетворения различных общественных потребностей, объективно обусловленных достигнутой степенью зрелости материальных факторов социалистического производства.

Одно дело объем и структура потребностей трудящихся на начальных этапах социалистических преобразований и совсем другое дело в условиях развитого социалистического общества. В последнем случае речь

идет о таком объеме материальных благ, который определяется научно обоснованными нормами потребления. Наряду с этим значительно расширяется сфера социальных потребностей, обусловленных необходимостью существенного изменения характера труда, превращением его во все более творческую деятельность, преодолением существенных различий индустриального и сельскохозяйственного труда, города и деревни и т. д.

В условиях социализма преимущественной формой действия основного экономического закона коммунистического способа производства является обеспечение полного благосостояния, которое предполагает и удовлетворение тех материальных и духовных потребностей, которые непосредственно позволяют при коммунизме осуществить переход на более высокую ступень, обеспечивающую возможность всестороннего развития личностных сил членов общества в качестве основного мотива развития общественного производства. Это предполагает достижение высокого уровня производительности общественного труда, значительное сокращение на этой основе рабочего дня и расширение границ свободного времени, расширение потребностей, преодоление элементов социальных различий в труде, в особенности различий умственного и физического труда, а также обеспечение однородной социальной структуры общества. Не приходится специально доказывать, что в процессе теоретического анализа основного производственного отношения коммунистического общества и его основного экономического закона едва ли возможно игнорировать отмеченные обстоятельства. В противном случае возникает опасность отрыва теории от практических задач хозяйственного строительства.

Рассмотрение проблемы особенностей теоретических абстракций на материале как исходного отношения коммунистического общества, так и его основного экономического закона показывает, что ограниченное значение логических абстракций игнорирует особенности экономических отношений социализма как первой фазы зрелости коммунистического общества. Это обусловлено спецификой самого предмета политической экономии социализма, которая определяется тем, что производственные отношения социализма представляют собой систему-процесс, поскольку их строение выступает как момент генезиса экономической системы коммунистичес-

кого способа производства. Теоретическое исследование объективно существующих отношений производства не может носить вневременного характера, как это может иметь место в том случае, когда речь идет об исследовании сложившихся экономических систем, процесс генезиса которых уже завершен. Именно эта особенность экономических отношений социализма определяет основное содержание главной теоретической задачи, которая решается политической экономией социализма. Она состоит в том, чтобы обеспечить познание и использование закономерностей перерастания социализма в коммунистическое общество. При таком понимании задачи абстрагироваться от специфики социализма невозможно.

Но о каких особенностях социализма идет речь? Можно ли считать, что все специфические черты экономического развития страны, в которой победил социализм, образуют особенности социализма? Социализм развивается, проходя различные этапы. Когда говорят о социализме как объекте политико-экономического анализа, имеют в виду ту ступень, на которой обнаруживаются в полной мере его черты как первой фазы коммунистического способа производства. Таким уровнем характеризуется период развитого социализма, когда возникает задача создания адекватной коммунистической формации материально-технической базы.

Однако и в этом случае может существовать разнообразие конкретных экономических условий. При решении вопроса о том, какие особенности социализма следует иметь в виду, необходимо руководствоваться, по нашему мнению, следующими критериями. Во-первых, существует общая специфика экономических отношений социализма, которая не зависит от конкретных условий той или иной страны и исторических особенностей ее перехода от капитализма к социализму. Во-вторых, имеют место особенности, которые, как правило, неповторимы и образуют специфику отдельных стран и отдельных регионов.

Теоретическая модель социализма должна учитывать особенности первого рода, поскольку они образуют тип отношений социалистической фазы развития вообще. Наиболее общую основу этих особенностей социализма образует труд как средство к жизни, и притом прежде всего и главным образом в его целесообразной форме. Распределение масс живого и овеществленного труда

как сущностный момент отношений собственно производства, обмен трудовыми эквивалентами, распределение по труду — таковы главнейшие процессы, образующие основу специфики всех форм производственных отношений социализма.

Все остальные особенности вырастают на этой основе как на своем базисе. Остатки старого общественного разделения труда, также образующие одну из коренных особенностей социализма, не могли бы иметь того значения, которое они в действительности имеют, если бы труд как средство к жизни в его конкретной форме не составлял всеобщей основы производственных отношений. Это в равной мере относится и к другим существенным особенностям социализма. Поэтому когда указывают на закон распределения по труду как на один из наиболее существенных атрибутов социализма, то иногда забывают о том, что этот закон необходимо понимать в более широком значении. Это закон не только так называемых распределительных отношений. Он есть прежде всего закон самого производства.

Определенная форма общественного труда конституирует содержание исходного отношения и его специфику в условиях социализма. Только на основе труда как средства к жизни оказывается возможным определить особенности основного закона, как он функционирует при социализме. Следует подчеркнуть, что и предлагаемые способы материального выражения основного закона и его количественной определенности связаны с трудом и его результатом. Иначе говоря, все категории экономической теории социализма — это категории труда и продукта как его результата. Поэтому-то труд как средство к жизни в его определенной общественной форме образует основу и предел абстрагирования при исследовании специфики производственных отношений социализма. Речь идет при этом о труде как деятельности, осуществляемой ради достижения определенной внешней цели, существующей в форме продукта, услуги и т. п.

Именно в этом своем общественном значении он образует всеобщую основу именно социалистических форм производства в отличие от условий зрелого коммунистического общества. Это обстоятельство имеет принципиальное значение, которое недооценивается при исследовании структуры производственных отношений социализма, и в частности его основного экономического за-

кона. Зачастую не учитывается, что в пределах труда как средства к жизни и как первой потребности жизни не может быть единого по способу выражения и по форме действия основного закона, несмотря на то что он будет единым по своей внутренней сущности, характеризующей один и тот же исторический тип производственных отношений, именно коммунистический способ производства, рассматриваемый не со стороны фаз его зрелости, а со стороны его всеобщих определений.

В этой связи оказывается необходимым фиксировать еще одну характерную особенность теоретического исследования производственных отношений социализма. Она состоит в следующем. Поскольку социализм и коммунизм суть один и тот же исторический тип экономической структуры, различающийся по степени своей зрелости, то различие между ними оказывается более значительным на конкретных стадиях исследования, особенно на уровне механизмов функционирования и форм проявления экономических законов. На более же глубинных уровнях эти различия фиксируются менее значительно, а иногда и вовсе не обнаруживают себя. Этим следует объяснить тот факт, что в процессе развития политической экономии социализма больше всего сделано именно в области разработки категорий, которые характеризуют механизмы и конкретные формы проявления законов, и меньше в разработке фундаментальных, сущностных категорий. Естественно, такой разрыв не мог не сказаться на основательности исследования категорий, характеризующих формы проявления и механизмы действия законов. Он породил известную увлеченность хозяйственно-практическими вопросами, которые не могли получить на первых порах глубокого теоретического обоснования. Наряду с этим исследование глубинных закономерностей в направлении поисков общих основ коммунистического производства без достаточной увязки с формами их проявления привело к определенному отрыву от этих форм проявления и механизмов действия, обусловило преимущественно описательный характер изучения глубинных категорий. Такое положение явилось как раз следствием того, что исследование общекommунистических закономерностей экономических отношений социализма осуществлялось вне учета специфики экономической структуры социализма, вне поиска тех конкретных форм, в которых общекommунистические закономерности высту-

пают при социализме. Решение проблемы именно в этом направлении дает возможность непосредственно сомкнуть теоретико-познавательный и непосредственно практический аспекты экономической теории социализма. Такая смычка, несомненно, будет полезной для экономической теории и хозяйственной практики.

Специфика восхождения от абстрактного к конкретному при исследовании экономической структуры социалистического общества определяется особенностями реального предмета познания, т. е. особенностями конкретного в самой действительности. Логическому воспроизведению подлежит здесь не система экономической структуры коммунистического общества непосредственно, а экономическая система социализма как первой фазы его зрелости.

Исходя из этого и теоретические абстракции должны отражать реально существующую картину экономического строя общества. Формирующиеся генетические системы вообще, если только возникает задача их теоретического анализа еще до того, как они окончательно сформировались, могут получить свое логическое отражение лишь таким образом, что, с одной стороны, они исследуются в пределах целого и, с другой стороны, само это целое получает характеристику на основе особенностей данного исторического этапа его становления. То обстоятельство, что при этом знание о целом будет представлено определением и формированием основных тенденций его развития, несколько не умаляет ни познавательной, ни практической значимости такого рода теоретических исследований.

§ 3. О системе категорий и законов коммунистического производства

Предметом политической экономии является система производственных отношений. Ее логическое воспроизведение должно представлять систему категорий и законов, теоретически отражающих объективное существование экономических явлений и процессов. При этом не следует упускать того, что законы и категории по-разному отражают действительность.

Различие категорий и законов отнюдь не формальный, а глубоко содержательный момент. Реальность, в какой бы форме она ни существовала, выступает как единство непрерывности и прерывности, устойчивости и

изменчивости. Эти ее различные стороны могут быть отражены только посредством различных логических форм. Категории науки отражают отдельные стороны исследуемой действительности. Они разрывают, огрубляют, выхватывают различные стороны из живой связи, в которой они существуют как моменты действительности. Но иначе познание и не может отразить целого, не расчлняя его на отдельные фрагменты, части, стороны, свойства и т. д. Категории науки и являются абстракциями, фиксирующими отдельные стороны действительности. Они характеризуют действительность со стороны ее прерывности, односторонности, фрагментарности.

В реальном процессе все стороны связаны между собой, и притом связаны внутренне. Они находятся в причинно-следственных зависимостях. Иначе говоря, действительность предстает как внутренне целостный, непрерывный процесс развития. Эта форма ее существования находит выражение в законах науки, которые теоретически фиксируют характер и порядок связи явлений и процессов. Законы есть выражение внутренней связи сторон действительности, каждая из которых нашла свое выражение в категориях. Закон науки характеризует внутренние связи категорий. Так, например, закон стоимости охватывает внутренние связи частного и общественного, конкретного и абстрактного труда, потребительной стоимости и стоимости, индивидуального и общественно необходимого, простого и сложного труда, относительной и эквивалентной форм стоимости, денег и товаров и т. д. Охваченные единым законом, указанные категории образуют логическую систему, отражающую определенную форму реальной действительности, а именно товарную организацию общественного производства.

Закон стоимости как закон товарного производства, с одной стороны, предполагает категории, его характеризующие, а с другой — предполагается ими; в свою очередь каждая из категорий предполагает другую. Но если рассматривать товарное производство в условиях капиталистического способа производства, то оно образует лишь абстрактный момент последнего, т. е. лишь одну сторону в составе более обширной и более сложной экономической системы, которая характеризуется множеством различных категорий, каждая из которых отражает отдельную сторону производственных отношений

буржуазного общества. Наиболее существенная связь этих сторон также охватывается единым законом, благодаря чему они и представляют собой систему взаимосвязанных и взаимодействующих элементов. Таким законом выступает закон прибавочной стоимости.

Производственные отношения коммунистического способа производства отличаются более сложной и богатой совокупностью связей по сравнению с производственными отношениями капиталистического способа производства. Естественно поэтому, что и логические формы, отражающие ее, также должны быть более сложными и многообразными. Тем не менее в познании и теоретическом отражении этой системы производственных отношений первостепенная роль принадлежит методу «Капитала». Это объясняется, во-первых, тем, что логика «Капитала» является до сих пор никем не превзойденной вершиной научного познания сложных социальных систем. Во-вторых, в «Капитале» отражена система отношений, являющаяся непосредственным историческим предшественником отношений коммунистического общества. Вследствие этого логическая схема «Капитала» может и должна быть образцом и эталоном для построения методологической структуры политической экономии социализма.

Иногда утверждают, что анализ производственных отношений капитализма осуществляется по фазам воспроизводства. При этом сторонники указанного утверждения обычно не дают себе труда подкрепить свои взгляды материалом «Капитала». Если бы, однако, такой труд и был бы предпринят, то результаты оказались бы малоубедительными. Материал «Капитала» меньше всего дает оснований для пофазного порядка исследования производственных отношений. Более того, логическая схема «Капитала» является убедительным опровержением такого способа теоретического анализа экономических отношений. Она выработана К. Марксом на основе критики буржуазных экономистов, которые строили схему анализа именно по фазам воспроизводства. Достаточно вспомнить в этой связи критику К. Марксом буржуазных экономистов во введении «К критике политической экономии». Следовало бы ознакомиться с работами некоторых из этих экономистов. Например, Дж. Ст. Милль строит свое исследование в «Основаниях политической экономии» по фазам воспроизводства.

Что же касается логической структуры «Капитала», то она построена на основе применения иного методологического принципа — принципа восхождения от абстрактного к конкретному.

В соответствии с этим принципом К. Маркс исследует вначале наиболее абстрактные экономические формы, характеризующие глубинную сущность отношений капиталистического способа производства, т. е. процесс производства капитала как господствующего отношения этого способа производства. Он рассматривает при этом не производство вообще, а процесс производства капитала. Уже здесь К. Маркс исследует и обмен капитала на рабочую силу, и распределение вновь созданной стоимости, и личное потребление рабочего класса, т. е. проблемы, которые, согласно пофазному анализу, никак не должны были бы рассматриваться в рубрике производства.

Выяснив глубинную сущность производственных отношений капитализма, К. Маркс переходит к анализу присущей ей внутренней формы движения, т. е. к процессу обращения капитала. Отметим прежде всего, что обращение капитала никак не может быть сведено к фазе обмена, как полагают сторонники пофазного анализа. Достаточно припомнить проблематику второго тома «Капитала», чтобы рассеять возможные сомнения на этот счет. Исследуя кругооборот и оборот индивидуального капитала, К. Маркс освещает такие проблемы, как движение производительного капитала, особенности перенесения стоимости его отдельными частями — основным и оборотным капиталом, годовую массу и годовую норму прибавочной стоимости, рабочий период и время производства. В третьем отделе второго тома «Капитала» исследуется комплекс вопросов, характеризующих проблему реализации всего общественного капитала, т. е. возмещение его элементов по стоимости и в натуре, распределение прибавочной стоимости, накопление капитала, личное потребление класса капиталистов и рабочего класса. Неужели же возможно подвести весь этот круг вопросов под рубрику обмена?

Если согласиться со сторонниками пофазного анализа, то следовало бы ожидать, что в третьем томе «Капитала» должны рассматриваться проблемы распределения и потребления. В действительности же предметом этого тома «Капитала» является анализ капиталистического

производства как единства процессов производства и обращения, т. е. движение капитала, рассматриваемое в целом. Главное внимание К. Маркс уделяет исследованию превращенных форм прибавочной стоимости, в которых она выступает на поверхности буржуазного общества: промышленной и торговой прибыли, проценту и предпринимательскому доходу, ренте.

Неужели же все эти формы характеризуют только распределительные отношения, а не отношения капиталистического производства, рассматриваемые на наиболее конкретном их уровне? Убедительным опровержением положения о необходимости пофазного анализа производственных отношений является не только «Капитал», но и высказывания К. Маркса на этот счет. В экономической рукописи 1861—1863 гг. К. Маркс отмечает «слепость той традиции, которую со свойственным ему французским схематизмом установил Ж. Б. Сэй... традиции, которой, однако, не следовал никто из экономистов-классиков: рассматривать сначала производство, затем обмен, потом распределение и, наконец, потребление, или же распределять эти четыре рубрики еще как-нибудь иначе»¹.

Таким образом, логическая схема «Капитала», высказывания К. Маркса опровергают взгляды сторонников пофазного исследования производственных отношений. «Капитал» построен по схеме: сущность отношений, присущая им внутренняя форма и отношения, рассматриваемые в целом, как единство того и другого². Именно этот путь рассмотрения действительности и должен быть положен в основу логической структуры исследования производственных отношений социализма. Речь идет не о механическом подражании структуре «Капитала», а о принципах ее создания.

При исследовании сущности социалистических отношений производства необходимо прежде всего дать анализ общественной формы социалистического производства, учитывая общесоциалистические основы этой формы в связи со спецификой социализма. Разумеется, при этом должна рассматриваться реальная общественная форма производства, а не воображаемая. Когда же пы-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47, с. 71.

² См. Юдкин А. И. Об основных ступенях восхождения от абстрактного к конкретному в «Капитале» К. Маркса. — «О системе категории и законов политической экономии». М., 1973, с. 58—79.

таются исследовать общественную форму социалистического производства вначале как непосредственно-общественную, а затем как форму товарного производства, тем создается впечатление неопределенности. Эта неопределенность усиливается тем, что при существующем порядке изложения категорий политической экономии социализма после характеристики непосредственно-общественного характера труда и закона планомерного развития социалистического производства освещаются проблемы товарного производства и закона стоимости при социализме.

При такой последовательности изложения создается впечатление, что первоначально продукт социалистического предприятия создается как непосредственно-общественный продукт, но затем оказывается, что он выступает и как товар. Быть же непосредственно-общественным продуктом и товаром — значит выступать одновременно в совершенно различных экономических формах. Очевидно, что один и тот же продукт не в состоянии быть и тем и другим.

Каждое социалистическое предприятие производит один и тот же продукт только один раз. Спрашивается, какова же его экономическая форма? Некоторые экономисты пытаются преодолеть указанное логическое недоразумение таким образом, что вообще снимают какое бы то ни было различие между непосредственно-общественным продуктом и товаром. Однако такая позиция представляется нам наименее возможным выходом из затруднения, так как в этом случае вопрос о характере элементов товарных отношений при социализме, способах и формах их использования в хозяйственной практике вообще перестает существовать в качестве объекта теоретического анализа.

Исходя из отмеченных затруднений, нам представляется наиболее целесообразным рассматривать проблемы, отражающие общественную форму социалистического производства и соответственно экономическую природу продукта труда при социализме, как единую категорию. Она характеризуется сложной структурой сущности, поскольку в ее составе содержатся еще не до конца преодоленные элементы товарной формы. Речь идет в данном случае об определении сущности продукта социалистического производства на уровне характеристики его общественной формы.

Хотя анализ общественной формы социалистического производства непосредственно еще не характеризует его социально-экономической сущности, тем не менее он должен предшествовать ей. Последняя может быть логически раскрыта и понята, точнее говоря, выведена только из этого основания.

Исследование сущности социалистического производства должно дать ответ на вопрос: что производит социалистическое общество, т. е. какова природа результата его производственной деятельности? Конечно, при этом не следует допускать тавтологию, состоящую в том, что, определяя общественную форму социалистического производства как непосредственно-общественную, при характеристике его глубинной сущности также указывают на то, что продуктом является непосредственно-общественный продукт. В этом случае никакого движения вперед нет, так как происходит топтание в пределах наиболее абстрактного определения общественной формы производства. Между тем глубинная сущность социалистических отношений производства должна вырастать из его формы, но не сводиться к ней.

Выяснение сущности социалистического производства должно быть осуществлено прежде всего через общую характеристику способа соединения личных и вещественных факторов посредством выяснения той конкретной общественной формы, в которой выступает способность к труду непосредственно работника. Речь идет при этом не о непосредственной форме проявления этого соединения, а о его содержании в воспроизводственном аспекте. А это предполагает в свою очередь выяснение социально-экономического содержания непосредственного процесса производства на основе определенной экономической природы необходимого и прибавочного труда и соответственно необходимого и прибавочного продукта.

Когда говорят, что при определении сущности социалистического производства главной задачей является решение вопроса о том, что производят, то речь идет, разумеется, о характеристике результата производства в самой общей форме. Именно эта форма образует собственное содержание основного закона в отличие от разнообразных форм его проявления. Выяснение же проблемы, что производят в полном объеме, — это целый комплекс различных вопросов, включая структуру рабочего времени, характеристику ее элементов, их соотношения.

Исследование проблемы сущности социалистического процесса производства в ряде случаев осуществляется на основе анализа различных форм совокупного общественного продукта (валового и конечного).

Нам представляется, что на этой ступени анализа привлечение совокупного продукта является преждевременным. Совокупный продукт, в каких бы конкретных формах он ни выступал, является не только результатом непосредственного процесса производства, но и результатом процесса обращения. Кроме того, анализ совокупного продукта предполагает рассмотрение форм движения различных элементов его материально-вещественной структуры. Поэтому исследование проблемы сущности социалистического процесса производства на материале форм совокупного общественного продукта по существу означает нарушение последовательности ступеней восхождения от абстрактного к конкретному в процессе теоретического отражения системы производственных отношений социализма.

Совокупный общественный продукт социалистического общества не имеет прямого отношения к проблематике сущности социалистического процесса производства. Последняя представляет более абстрактную, а потому и более глубинную ступень анализа экономической структуры социализма. Исследование сущности социалистического процесса производства должно осуществляться до и независимо от анализа совокупного общественного продукта, который является куда более конкретной категорией по сравнению с категориями, непосредственно характеризующими проблему сущности социалистического производства. Важно учитывать и другое обстоятельство. При исследовании процесса социалистического производства одной из определяющих задач является выяснение объективного содержания его цели. Решение этой задачи на материале совокупного общественного продукта создает представление, что такой целью является его производство и распределение (аналогичная точка зрения получила в последнее время довольно широкое распространение). Тем не менее нам представляется такая позиция недостаточно убедительной. Цель производства, если рассматривать ее в плоскости сущностной характеристики коммунистического производства в целом, не может сподиться, как отмечалось уже выше, к производству вещественного богатства. Таким образом,

при решении вопроса о том, каков результат процесса социалистического производства, рассмотрение совокупного общественного продукта является необоснованным.

Кроме того, как бы ни было важно знать, что производится в процессе социалистического производства, весьма существенная сторона дела заключается в том, чтобы определить, как производят. Дело в том, что результат производства, определяющий его социально-экономическую сущность, оказывает решающее влияние на преобразование технологического способа производства, создавая его по своему образу и подобию. И дело здесь не ограничивается тем, что основной закон коммунистической формации так или иначе воздействует на рост производительности труда, повышение эффективности производства и т. п. Речь идет о коренном преобразовании всего технологического способа производства, поскольку прежний непригоден для производства того, что образует сущность экономической организации коммунистического общества. Как уже указывалось выше, эту задачу он может решить, создавая совершенно новый тип работника и совершенно иной технологический способ производства. Раскрытие того, как преобразуется результатом социалистического процесса производства, рассматриваемого со стороны его социального содержания, технологический способ производства, образует весьма необходимый момент сущностной характеристики экономического строя социалистического общества. Ведь законы развития и смены технологических способов производства — это законы экономики, а не законы техники, хотя эти последние, естественно, также не следует игнорировать.

Выяснение сущности отношений социалистического производства предполагает, кроме того, определение специфического содержания необходимого продукта и в самом общем виде форм его фактического существования. Поэтому анализ заработной платы и общественных фондов потребления под рубрикой распределительных отношений нам представляется неоправданным. Это категории производства. Последнее время характеристика сущности экономических отношений социализма завершается проблемой накопления и потребления при социализме.

Проблема введена как аналог седьмого отдела первого тома «Капитала». Аналогия весьма условная и,

строго говоря, едва ли оправдана. В сельском отделе К. Маркс исследует воспроизводство (простое и расширенное) капиталистических производственных отношений на базе анализа индивидуального капитала. Одним из центральных вопросов выступает здесь органическое строение капитала и влияние его динамики на положение рабочего класса. Перенесение проблем на условия социалистического производства в значительной мере является искусственным.

Во-первых, процесс общественного воспроизводства при социализме подчиняется совершенно иным закономерностям, чем при капитализме. Если в условиях капиталистического производства существование системы определяется самовоспроизводством ее составных элементов, то в условиях социализма производственная деятельность первичных звеньев признается общественно-необходимой еще до процесса реализации продукции. Поэтому рассмотрение воспроизводства на основе движения фондов и продукта отдельного предприятия мало что может дать для понимания глубины сущности производственных отношений социализма¹.

Во-вторых, рабочая сила перестала быть товаром, а потому она не образует экономической категории, т. е. перестает быть носителем экономического отношения. Рабочая сила перестала быть, с точки зрения общества, особым фондом, существующим наряду с фондом вещественных факторов производства. Вследствие этого соотношение средств производства и рабочей силы также перестает быть политико-экономическим отношением. Категория органического строения социалистического производства с содержательной стороны не может характеризовать воспроизводство сущности социалистических отношений производства, не говоря уже о том, что конструирование стоимостного строения социалистического производства является недостаточно убедительным. Все это, конечно, не означает, что рассмотрение воспроизводства производственных отношений не должно быть объектом экономического анализа. Однако его конкретная проблематика должна быть иной.

¹ Разумеется, это не означает, что при определении ступеней зрелости производственных отношений коммунистического способа производства можно игнорировать объективную относительную самостоятельность первичных звеньев.

В существующей схеме политической экономии социализма проблема воспроизводства, в частности проблема обращения фондов социалистического производства, наименее разработана. Это относится не к объему ее проблематики, а к уровню теоретических постановок и содержанию отдельных разделов. Задача дальнейшего совершенствования комплекса проблем обращения должна, по нашему мнению, решаться в направлении органической их увязки с природой общественной формы производства, присущей социализму. Это возможно осуществить за счет более обстоятельной разработки вопросов воспроизводства совокупного общественного продукта.

Следует подчеркнуть, что этот раздел должен быть представлен в политической экономии социализма значительно шире по сравнению с политической экономией капитализма. Теория реализации, которая имеет для условий капитализма значение абстрактной теории, в социалистическом обществе приобретает непосредственно практическое значение как научная основа методологии планирования. Наряду с этим включение в этот комплекс таких проблем, как эффективность капитальных вложений, едва ли оправдано. Рассмотрение эффективности предполагает другой уровень восхождения от абстрактного к конкретному, непосредственно примыкающий уже к практике народнохозяйственного планирования.

Центральное место в этом структурном комплексе должно занимать исследование объективно обусловленных механизмов, в которых и посредством которых реализуются отношения производства и обращения. Такими механизмами, по нашему мнению, являются хозяйственный расчет и народнохозяйственное планирование, рассматриваемые со стороны методологических основ, а не в плане анализа их конкретной организации. Все другие вопросы должны быть развернуты вокруг этих основных проблем. Такие экономические понятия, как издержки производства, прибыль, цена, кредит, финансы, рента и другие, приобретают содержание, которое им действительно присуще в социалистической экономике.

Только этот путь исследования дает возможность создать систему знаний, соответствующую материальным отношениям социалистического общества, т. е. воспроизводит ее в теоретической форме. Но даже в том случае, если эта задача будет решена, создание логической сис-

темы не будет завершено, поскольку не завершено формирование самого объекта познания. Структуру знаний о коммунизме, полученную на основе воспроизведения социалистической его фазы, следует рассматривать как определенный этап в процессе создания политической экономии коммунистического способа производства.

Отмеченное обстоятельство обязывает определенным образом понимать содержание категориального аппарата политической экономии социализма в целом и отдельных его категорий. Категории экономической теории социализма являются логическими формами, отражающими определенный этап исторической динамики предмета теоретического анализа. И хотя всякое подлинно теоретическое отражение действительности содержит в себе знание, опережающее саму действительность, поскольку оно на уровне законов науки определяет тенденции развития действительности, а не просто фиксирует ее статическое состояние, тем не менее оно ограничено параметрами существующей структуры предмета познания. Поэтому попытки некоторых экономистов представить категориальный аппарат политической экономии социализма, рассматриваемый в том его аспекте, в котором он отражает общесоциалистические отношения, как нечто неизменное в содержательном отношении в пределах коммунистической формации в целом нам представляются неубедительными. Здесь имеет место растворение содержания экономических категорий общими представлениями, носящими характер абстрактных знаний. Общее соотношение монополии и конкуренции обосновано К. Марксом в «Ницете философии». На основании этого можно было бы составить столь же общее представление о возможности смены свободной конкуренции монополией и о самой монополии. Однако на уровне домонополистического капитализма выработать законченное понятие капиталистической монополии реальной возможности не было. Такое научное понятие, как конкретная абстракция, могло появиться, когда господство монополий стало реальным фактом капиталистической действительности, когда произошла фактическая смена свободной конкуренции господством монополий.

Аналогично обстоит дело и с категорией планомерности. Этот термин встречается в разработках классиков марксизма применительно к условиям капиталистической действительности. Можно ли на этом основании прийти

к выводу, что в структуре знаний, характеризующих экономические отношения капитализма, существует категория планомерности в качестве теоретической абстракции, отражающей реальные отношения капиталистической действительности? Нам представляется, что на этот вопрос необходимо дать отрицательный ответ.

Категория планомерности, если это действительно теоретическая абстракция, должна отражать массовидный факт, характеризующий саму действительность. Она должна охватывать не какую-то ее часть, сферу и т. д., а быть всеобщей, т. е. характеризовать все явления и процессы экономической жизни общества, или во всяком случае должна быть присущей всем процессам. Однако такого положения не существует даже в условиях государственно-монополистического капитализма именно потому, что он — капитализм.

Планомерность как абстрактный момент действительности присуща лишь отношениям коммунистической формации. Она возникает и развивается по мере возникновения и развития производственных отношений коммунистического способа производства, а потому она суть одна из логических форм, отражающих эти отношения. Из этого следует, что процесс формирования реальных отношений производства как системы является основанием становления логических форм, ее отражающих, опять-таки как системы. Но поскольку ни одна сторона действительности не может сложиться сама по себе, вне органической связи с другими, постольку ни одна экономическая категория не может окончательно сформироваться вне системы логических форм, адекватных действительности. Степень зрелости теории является лишь отражением степени зрелости реальных отношений. В полном своем объеме содержание той или иной экономической категории может сформироваться лишь в составе развитого целого¹. Пока же это целое находится в стадии формирования, до тех пор происходит формирование и содержания экономических категорий. Но, создавая систему экономической теории социализма, необходимо учитывать не только стадии развития его сущности; крайне важно при этом не упускать из виду и специфику форм ее осуществления.

¹ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 729.

Имманентным коммунистическому способу производства характером функционирования является сознательное управление всем социальным развитием, которое предполагает прежде всего контроль общества над своим собственным процессом производства условий жизни. Поскольку же экономическая жизнь есть прежде всего область производственных отношений, законы которых определяют характер и направление ее развития, постольку принципиально важной проблемой экономической теории социализма является проблема соотношения между управлением экономическими процессами как сознательной деятельностью общества и системой его производственных отношений. Неспособность решения этой проблемы явилась одной из наиболее глубоких причин отрицания предмета политической экономии социализма Р. Гильфердингом, К. Шмидтом, Богдановым, Бухариным и другими ликвидаторами экономической теории социализма. Отождествляя объективное со стихийным, они оказались не в состоянии решить вопрос о том, как совместить признание объективного характера производственных отношений социализма с признанием сознательного контроля социалистического общества над своим собственным экономическим процессом. Поэтому положение о том, что в условиях социализма законы общественных действий людей подчинены их господству, на протяжении довольно длительного периода времени трактовалось в смысле отрицания объективного характера присущих социализму экономических законов. Каково же в действительности соотношение материального и идеологического, сознательного и стихийного в общественном развитии вообще и в особенности при социализме?

Когда речь идет о материальных общественных отношениях в противоположность идеологическим, то мы находимся в пределах гносеологии. В этих пределах те и другие сферы могут отличаться лишь в отношении к общественному сознанию. Иного способа решения вопроса о материальном и идеологическом в общественных отношениях теория познания не знает. Вместе с тем не следует смешивать гносеологический аспект соотношения материального и идеологического с конкретно-исторической формой реализации самого материального. В гносеологии материальное противостоит идеологическому как первичное вторичному, как объект субъективному

его образу. В этом смысле они действительно противоположны, поскольку идеологические общественные отношения суть отражение материальных, а потому они не обладают и не могут обладать их свойствами. Однако признание материальности производственных отношений, их независимости от общественного сознания еще не означает решения вопроса о характере, формах и способах их функционирования. Эти способы могут быть различными.

Производственные отношения и присущие им законы, оставаясь материальными, т. е. независимыми от общественного сознания, могут функционировать как слепая, стихийная сила природы, действующая вне сознательного контроля общества. Но они могут действовать и как познанный, а потому и как контролируемая обществом сила, сознательно используемая в его интересах.

Различные формы реального функционирования материальных отношений определяются не свойствами идеологических отношений, не общественным сознанием, от которого они во всех случаях независимы, а особенностями самих материальных отношений. Возможность или невозможность контроля общества над своим собственным процессом производства обуславливается главным образом состоянием его общественного сознания, а природой самих материальных отношений производства. Стало быть, признание материальности производственных отношений социализма отнюдь не тождественно стихийной форме их функционирования. Материальное и стихийное — понятия, лежащие в различных логических плоскостях и поэтому несоотносительные.

Сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что понятие «сознательное» применительно к рассматриваемому вопросу имеет разные значения, которые не следует смешивать. В одном случае сознательное выступает как противоположность материальному, независимому от сознания, в другом — как противоположность стихийному, как отличная от него форма функционирования. В последнем случае речь идет об особом способе реализации самого материального, о контроле общества над своим собственным процессом производства условий жизни. Противоположность материальности и стихийности в гносеологическом плане — структурная, но не в смысле того, что является объектом исследования. Всегда существует сфера материальности, независимо от того, является ли она объектом исследования.

от сознания. Но что именно не зависит от общественно-го сознания — всегда определено исторически, а не фиксировано на вечные времена. Так, воплощение теоретических идей в новых технических устройствах и технологических процессах, реализация социальных концепций, в результате чего существенно меняется содержание материальной деятельности общества, превращение государства как элемента надстройки в непосредственного агента экономической деятельности — все эти и другие процессы существенно меняют структуру материальных отношений, хотя и не отменяют противоположности их идеологическим отношениям.

Гносеологический аспект соотношения материально-го и идеологического особенно важен в политической экономии, предметом которой являются материальные общественные отношения, присущие им законы и объективные механизмы их функционирования. Именно поэтому безусловное признание материальности производственных отношений, т. е. их независимости от общественного сознания, имеет для политической экономии фундаментальное значение. Хотя признание материальности производственных отношений социализма отнюдь не исключает сознательного использования экономических законов в практической деятельности общества, такая деятельность возможна на основе познания внутренних элементов экономической системы социалистического общества. Вследствие этого значение экономической науки в условиях социализма не только не уменьшается, а, напротив, в громадной степени возрастает. Экономическая теория социализма превращается в научную основу сознательного управления процессом экономического и социального развития общества.

При этом, конечно, не следует недооценивать тот факт, что в условиях социалистического общества, где субъектом экономической деятельности выступает само общество, возникает реальная опасность смешения непосредственно-хозяйственной деятельности, а потому и отношений хозяйствования с производственными отношениями и соответствующих тем и другим отношениям категорий. Между тем такое смешение в теоретическом отношении совершенно недопустимо. Отношения хозяйствования есть фактические волевые отношения, возникающие в процессе хозяйственной деятельности. Их структура представляет собой сложное переплетение по-

литических, организационных, административных, управленческих, правовых и т. д. отношений, которые лишь в конечном счете отражают и характеризуют производственные отношения. Последние же в отличие от отношений хозяйствования как волевых представляют собой реальный, независимый от общественного сознания и конкретных форм хозяйственной деятельности базис общества, который лишь более или менее точно отражается в хозяйственной деятельности.

Будучи тесно связанными с непосредственно практической деятельностью, отношения хозяйствования могут изменяться в довольно широком диапазоне под влиянием сознательных волевых актов общества и его различных органов. Если только не различать их с производственными отношениями, то может создаться представление, что и материальные отношения производства также непосредственно изменяются под влиянием сознательной экономической деятельности общества, что они непосредственно обусловлены ею. Одним из весьма опасных вариантов такого смешения является ревизионистская теория, согласно которой политика выступает как командная сила по отношению к экономике. Эта глубоко чуждая марксизму теория приводит к субъективизму и произволу.

В области же теории смешение отношений хозяйствования с производственными отношениями находит свое выражение в том, что понятия и термины практической хозяйственной деятельности квалифицируются и воспринимаются как категории самих производственных отношений, т. е. как категории политической экономии. Речь идет при этом не о формальной, а о содержательной стороне вопроса. Категории хозяйствования и категории политической экономии терминологически могут и совпадать, но они отличаются по существу. Заработная плата может фигурировать и как категория бухгалтерского учета, и как категория народнохозяйственного планирования, и, наконец, как категория политической экономии социализма. Однако если рассматривать дело не с формальной, а с содержательной стороны, то они существенно отличаются. Это обнаруживается прежде всего в возможностях практического использования категории заработной платы. Например, формы и системы заработной платы являются подвижными и эластичными. Они могут изменяться под влиянием технического прог-

ресса, характера производственной деятельности, баланса рабочей силы, политики в области доходов и т. д.

Еще до недавнего времени сдельная заработная плата считалась наиболее прогрессивной формой оплаты труда. Поэтому ей принадлежало господствующее положение сравнительно с повременной формой оплаты. Однако по мере распространения технического прогресса, развития поточного производства и автоматизации результаты производственной деятельности стали все в меньшей степени зависеть от количества и качества труда отдельных работников. В связи с этим возникла необходимость значительного сокращения возможностей применения сдельной заработной платы и распространения повременной и повременно-премиальной систем оплаты труда.

Весьма подвижны и элементы организации заработной платы — тарифная система, нормы труда и нормы выработки. Научно-технический прогресс и рост производительности труда постоянно требуют совершенствования всех звеньев тарифной системы и нормирования труда, обуславливают появление новых видов оплаты труда, соответствующих требованиям современного производства.

Таким образом, если рассматривать заработную плату лишь как категорию хозяйствования, то может возникнуть представление о том, что она всецело определяется обстоятельствами, которые постоянно меняются. Иначе обстоит дело в том случае, если она рассматривается со стороны своего объективного содержания, т. е. как категория политической экономии. При всех изменениях и усовершенствованиях заработной платы она, как категория производственных отношений социализма со стороны своего объективного содержания, остается равной самой себе, представляя всякий раз форму, в которой реализуется часть необходимого продукта и которая обязана своим существованием тому, что она формируется не только как часть общественного фонда потребления, а как такая его часть, которая связана с хозрасчетной деятельностью отдельных хозяйственных звеньев, а потому возмещается за счет части выручки за реализуемую ими продукцию. Она, следовательно, выражает как непосредственные отношения работника с обществом, так и в то же самое время опосредованные отношения, опосредованные предприятием и его хозяй-

ственной деятельностью. Это сущностная сторона заработной платы, которая характеризует ее как категорию производственных отношений социализма, не может измениться, пока существует социалистическая фаза развития производственных отношений.

Аналогичные вопросы возникают и при рассмотрении, например, категории цены. И в данном случае категорию цены как инструмент планового управления производством не следует смешивать с ее объективным содержанием как экономической категории, т. е. как выражением производственных отношений социализма.

Но, отмечая адекватность категориального определения объективной действительности, не следует забывать того, что система логических форм, отражающих производственные отношения социализма, должна не просто выражать их историческую специфику. Задача состоит в том, чтобы сама эта специфика характеризовала целостную систему производственных отношений коммунистического способа производства. Когда говорят об особенностях социализма, то речь должна идти о коммунистических производственных отношениях, которые пока существуют и функционируют на первой фазе своей исторической зрелости и в формах, соответствующих этой ступени. Процесс перехода от социализма к коммунизму сопровождается как раз тем, что глубинная сущность, которая характеризует коммунистический тип отношений, постепенно освобождается от этих особых форм своего выражения и будет приобретать более адекватные себе формы. Но это означает, что при характеристике содержания экономических категорий социализма необходимо всякий раз вскрывать элементы этой глубинной сущности, наличие которой определяет тенденцию развития соответствующих сторон производственных отношений социализма. Речь должна идти, таким образом, не о том, чтобы обнаружить традиционное содержание ряда экономических категорий социализма, а о том, чтобы раскрыть в их содержании тот элемент, который так или иначе является носителем их внутреннего преобразования. Это особенно касается таких форм, как товар и деньги, цена и прибыль, заработная плата и рента и др.

Рассмотрим, например, содержание категории «рента» в условиях социализма. Долгое время в экономической литературе шел поиск причин существования диф-

ференциальной ренты в социалистическом обществе. Но как только было доказано, что и в условиях социализма сохраняется монополия на землю как объект хозяйства, поскольку отдельные сельскохозяйственные предприятия обладают определенной экономической самостоятельностью, вопрос о причинах существования дифференциальной ренты был исчерпан. В самом деле, раз существует фиксированный дифференциальный доход вследствие монополии на землю как объект хозяйства, то по поводу его производства и распределения между хозяйствующими звеньями и собственником земли — социалистическим государством возникают определенные отношения — рентные отношения. Получается, таким образом, традиционная логическая схема доказательства категории дифференциальной ренты. Но в таком виде категория эта отражает не самый глубокий слой отношений социалистического производства, не их общесоциалистическое основание, а в лучшем случае лишь особенность их при социализме. Однако поскольку не вскрыт глубокий слой отношений, постольку эти особенности приобретают самодовлеющий характер. В этом случае мы просто ограничиваемся тем, что отыскиваем в производственных отношениях социализма те условия, благодаря которым сохраняются понятия, присущие прежним типам экономической структуры. И чтобы избежать в этом случае аналогий, мы вынуждены прибегать к чисто словесным ограничениям, т. е. указываем на то, что источник ренты создается при социализме в условиях, коренным образом отличающихся от прежних, существенно изменяется характер ее распределения и использования и т. д.

Ну а как же все-таки обстоит дело с рентой в социалистическом обществе?

Избыточный прибавочный продукт, являющийся результатом производственной деятельности при наличии монополии на невоспроизводимые условия производства как объект хозяйства, действительно выступает носителем рентных отношений, если, во-первых, собственность на землю отделена от земли как объекта приложения средств, т. е. если собственник земли и лицо, прилагающее к ней средства и организующее процесс производства, являются совершенно различными субъектами. Во-вторых, субъект производственной деятельности в сельском хозяйстве должен относиться к земле не как

к объекту собственности, а лишь как к объекту хозяйственной деятельности. В-третьих, избыточный прибавочный продукт выступает как носитель рентных отношений в качестве экономической формы реализации земельной собственности. В-четвертых, рента обязательно выступает в форме платы за право пользования землей. Наконец, в-пятых, рента используется, как правило, на непроеизводственные цели. Таковы основные элементы, при наличии которых избыточный прибавочный продукт выступает в качестве материального носителя рентных отношений.

В условиях социализма в полной мере не представлен ни один из перечисленных элементов, тем более не представлена их система. Социалистическое государство действительно является собственником земли. Но для решения вопроса о том, какие отношения возникают между ним и сельскохозяйственными предприятиями, необходимо знать экономическое содержание государственной собственности при социализме вообще и в частности на землю. Это даст возможность определить роль Советского государства в системе общественных отношений социализма. В результате окажется, что социалистическое государство не просто юридический собственник земли, не участвующий непосредственно в производственном процессе в сельском хозяйстве, а что оно как экономический орган всего общественного производства выступает в качестве непосредственного субъекта хозяйственной деятельности в масштабе общества. В этом смысле отношения между государством и сельскохозяйственными предприятиями никак не могут квалифицироваться как отношения, возникающие между различными социальными фигурами, по-разному принимающими участие в непосредственном процессе производства в сельском хозяйстве. То обстоятельство, что социалистическое государство выступает как непосредственный субъект производственного процесса, означает, далее, что отдельные сельскохозяйственные предприятия не отделены от земли как объекта собственности. И если государство в качестве экономического органа общества присваивает весь создаваемый в сельском хозяйстве избыточный прибавочный продукт или его часть, то это нельзя рассматривать как экономическую форму реализации государственной собственности на землю. В этих пределах присваиваемый прибавочный продукт никак не

может принять форму земельной ренты. Он остается просто дифференциальным доходом, который присваивается в социалистическом обществе органом всего общества, каким является государство. Это новый элемент отношений, и он не может принять форму ренты в качестве реальной, сущностной экономической формы. В то же время отдельные сельскохозяйственные предприятия выступают как относительно самостоятельные хозяйственные субъекты по отношению к государству. И в той мере, в какой присвоение избыточного прибавочного продукта государством реализует эту сторону отношений, этот продукт принимает форму ренты. Однако на уровне эмпирической действительности и первая и вторая части избыточного продукта присваиваются государством посредством одного и того же механизма. Отсюда и создается видимость того, что обе их части выступают в одной и той же сущностной форме — форме ренты¹.

Действительное содержание экономических категорий и то содержание, которое выступает в непосредственных народнохозяйственных формах, существенно различаются. В народнохозяйственных формах всегда присутствует такой содержательный элемент, который не вмещается в пределы соответствующей категории, является носителем отношений, подрывающих содержание данной категории. Речь идет в данном случае о тех категориях, которые характеризуют именно специфику социализма. В этом смысле существенным аспектом исследования системы производственных отношений является необходимость рассмотрения экономической роли социалистического государства.

В условиях социализма, когда преодолена многоукладность экономики и классово антагонистическая структура общества, государство становится органом, выражающим интересы общества, т. е. превращается в общепародное государство. Тем не менее это еще государство, которое продолжает выполнять политические функции, поскольку классовые и социальные различия окончательно не преодолены. Общие принципы воздействия политики государства на экономическое развитие общества определены в работах классиков марксизма.

¹ Речь в данном случае идет не о физических частях избыточного прибавочного продукта, а о различных экономических формах, которые принимает один и тот же продукт.

Но в данном случае речь идет не о государстве вообще, а о государстве нового типа, которое является политическим органом общества, где классово антагонистическая структура общества отсутствует, а социально-классовые различия существуют в пределах общности коренных интересов всех членов общества. Это обстоятельство имеет решающее значение для понимания воздействия экономической политики социалистического государства на экономические отношения.

Поскольку государство существует, экономические отношения, как правило, выражаются и закрепляются в политических и правовых формах. Поэтому одним из средств разрешения противоречий, которые возникают в системе производственных отношений, может быть изменение политико-правовых форм. Иначе говоря, новые элементы, которые возникают в экономических отношениях в ходе развития самого способа производства, должны найти выражение в изменившихся политико-правовых формах, причем направления и способы таких изменений определяются природой этих новых элементов.

Обуславливая реализацию наиболее прогрессивных тенденций социалистического производства, политика государства выступает в качестве мощного «катализатора» развития производственных отношений социализма.

Отмеченные особенности экономической роли социалистического государства образуют тот необходимый объективно исторический момент, который должен учитываться при исследовании экономической системы социализма. Только в этом случае могут быть в полной мере отражены закономерности генетических и структурных связей, как они обнаруживают себя в процессе становления экономической системы коммунистического общества.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Глава I. ЕДИНСТВО ИСТОРИЧЕСКОГО И ЛОГИЧЕСКОГО — ОСНОВА НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ	8
§ 1. Историческое и логическое: содержание и характер связи	—
§ 2. Диалектика производительных сил и производственных отношений	26
Глава II. ГЕНЕЗИС ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КОМУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА	60
§ 1. Специфика становления системы	—
§ 2. Исходная форма и исходный пункт коммунистического способа производства	73
§ 3. Особенности теоретического отражения генезиса системы	91
Глава III. СТРУКТУРА ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ СОЦИАЛИЗМА	103
§ 1. Исходные принципы анализа	—
§ 2. Движение продукта и его элементов	116
§ 3. Процесс социалистического производства	130
§ 4. Стадии зрелости коммунистического способа производства	158
Глава IV. ВОСХОЖДЕНИЕ ОТ АБСТРАКТНОГО К КОНКРЕТНОМУ — ОСНОВА ЕДИНСТВА ИСТОРИЧЕСКОГО И ЛОГИЧЕСКОГО	179
§ 1. Сущность метода политической экономии	—
§ 2. Особенности метода политической экономии социализма	206
§ 3. О системе категорий и законов коммунистического производства	239

ИБ № 704

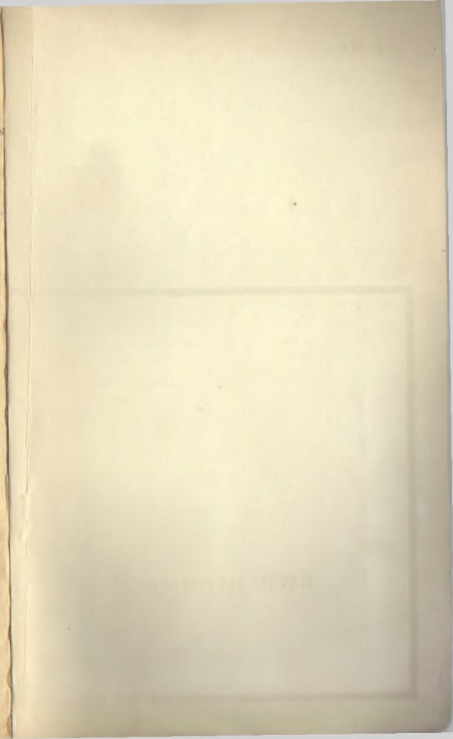
Покрытан Анатолий Карлович

ИСТОРИЧЕСКОЕ И ЛОГИЧЕСКОЕ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ СОЦИАЛИЗМА

Переводчик с французского А. А. Мухомов
Редакторы А. А. Басинский, А. А. Мухомов
Младший редактор В. В. Андреев
Специальный корректор А. Н. Гурьевич
Художественный редактор Г. А. Гаврилов
Технический редактор В. В. Воронцов
Корректор Ч. А. Савин

Сдано в набор 25.11.1971 г. Подписано в печать 28.12.1971 г. Листов
Формат 84х108 1/2. Объем 100 страниц. Тираж 1000 экз.
Уч. издательских листов 10,0. Условно-печатных листов 10,0. Тираж 1000 экз.
Цена 1 р. 15 к.

Издательство «Машин» ГИИТ. Москва, Б-7, Ленинский проспект, 15.
Московская телефонная № 12. Служба распространения при Государственном
комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли. Москва, К-6, Цейтовский бульвар, д. 20.

1 р. 10 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»